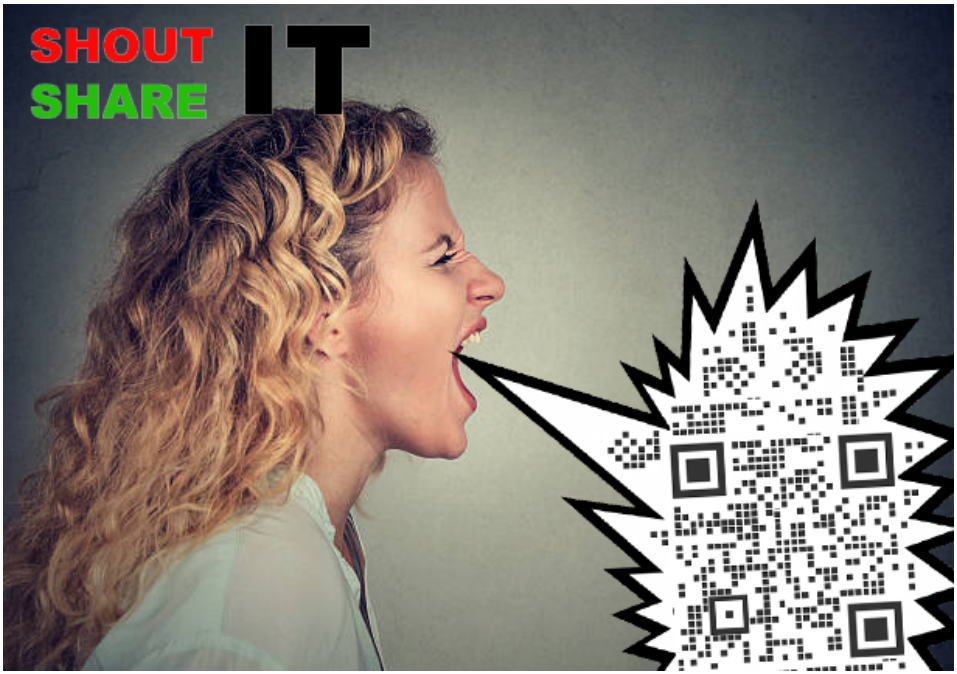
Леонид Рейзер

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХАРЛАМОВ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

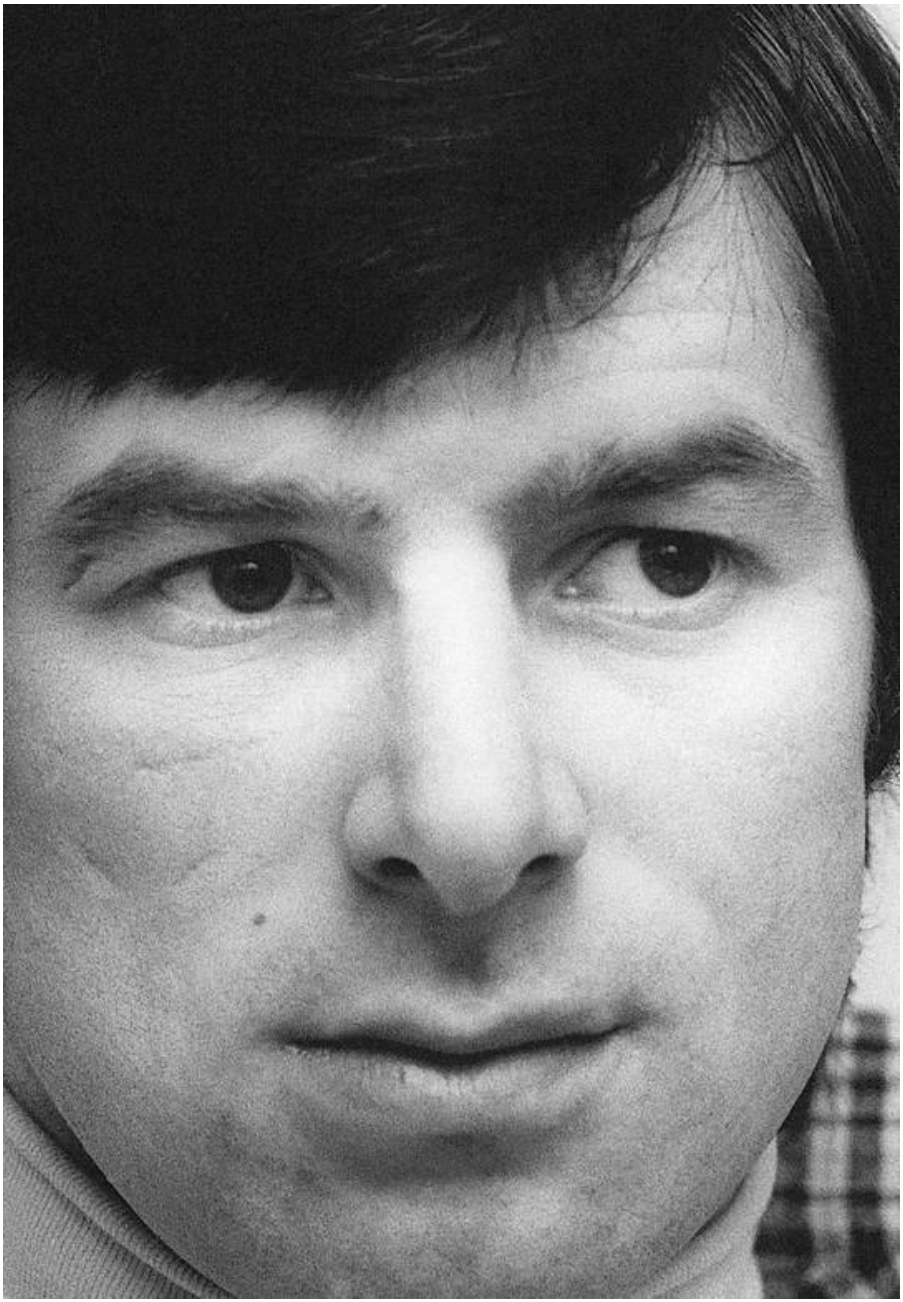
Валерия Харламова знала и любила вся страна. Феномен харламовского стиля в хоккее не объяснен до сих пор. Эта книга не вписывается в классику жанра. В ней использован уникальный семейный фотоархив семьи Харламовых. Читатель увидит, как мальчишка из рабочей русско-испанской семьи превратился в легенду № 17, народного любимца Валерия Харламова.

- Леонид Юрьевич Рейзер
  - ○
  - ○
  - ○ Наказ Харламова
  - ○ Появление на свет
  - ○ Мама + папа
  - ○ Детство
  - ○ Испания
  - ○ Хворый
  - ○ Школа
  - ○ Переходный возраст
  - ○ Уральская ссылка
  - ○ Переправа
  - ○ Первая тройка
  - ○ В зените славы
  - ○ Любимец женщин
  - ○ Гены
  - ○ Друзья
  - ○ Женитьба
  - ○ Первая авария
  - ○ Семейная жизнь
  - ○ Кумир
  - ○ Сестра
  - ○ Последние дни
  - ○ Жизнь… после жизни

Леонид Юрьевич Рейзер
Неизвестный Харламов. Фотоповесть

© Рейзер Л.Ю., текст, 2014
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *



Наказ Харламова

ТАКОГО НЕ БЫВАЛО И, НАВЕРНОЕ, НЕ БУДЕТ: В СЕМЬЕ СПОРТСМЕНА, НАРОДНОГО ЛЮБИМЦА, СОБРАЛИ И СОХРАНИЛИ ОБШИРНЕЙШИЙ ФОТОАРХИВ, ПРИЧЕМ В ТЕ ВРЕМЕНА, КОГДА СНИМАЛИ НА ПЛЕНКУ, ДА В СЕМЬЕ, В КОТОРОЙ КАЖДАЯ КОПЕЙКА БЫЛА НА СЧЕТУ. НЕ БЫВАЛО ТАКОГО СОВПАДЕНИЯ. НЕ ЖДАТЬ НАМ ПОВТОРЕНИЯ И ПОТОМУ, ЧТО НЕТ УЖ ЭТОЙ ПОВАЛЬНОЙ НАРОДНОЙ ЛЮБВИ К ВИРТУОЗАМ ИГРЫ, И ПОТОМУ ЕЩЕ, ЧТО НЕ БУДЕТ ВТОРОГО ХАРЛАМОВА.

…ДЯДЯ БОРЯ ШЕЛ ИЗ СПАЛЬНИ ЕЛЕ-ЕЛЕ, РАСПОЛАГАЛСЯ НА ДИВАНЕ И ПРИСТУПАЛ К ПЕРЕЛИСТЫВАНИЮ БЕСЦЕННЫХ ФОТОКАРТОЧЕК. ВСПОМИНАЛ ЛЕГКО, ИБО ВАЛЕРИНА ЖИЗНЬ ПОСТОЯННО БЫЛА ПЕРЕД ГЛАЗАМИ, ЖИЗНИ СЫНА И ОТЦА СПЛЕЛИСЬ В ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ. ИЗРЕДКА, КАСАЯСЬ НЕСПОРТИВНЫХ ДЕТАЛЕЙ, ВСТУПАЛ В СПОР С ДОЧЕРЬЮ. ОЧЕНЬ ИМ ХОТЕЛОСЬ ВОССОЗДАТЬ СУДЬБУ ВАЛЕРИЯ ХАРЛАМОВА ПОДРОБНО И ДОСТОВЕРНО, ОСОЗНАВАЯ, ЧТО КРОМЕ НИХ ЭТУ БЛАГОРОДНУЮ МИССИЮ НИКТО НА СВЕТЕ НЕ ВЫПОЛНИТ. И ТЯЖЕЛОБОЛЬНОЙ БОРИС СЕРГЕЕВИЧ, И ПРОДЛЕВАВШАЯ ЕМУ ЖИЗНЬ ВСЕМИ ВОЗМОЖНЫМИ СПОСОБАМИ ТАТЬЯНА БОРИСОВНА СПРАВИЛИСЬ С ЭТОЙ МИССИЕЙ С ЧЕСТЬЮ, СОВЕРШИВ ПОЧТИ НЕВОЗМОЖНОЕ. БУДТО ИХ СЫН И БРАТ, ВАЛЕРИЙ БОРИСОВИЧ ХАРЛАМОВ, ОТТУДА, С НЕБЕС, ДАЛ ИМ НАКАЗ – СОХРАНИТЬ СЕМЕЙНУЮ ФОТОЛЕТОПИСЬ И СОПРОВОДИТЬ ЕЕ ЖИВЫМ СЛОВОМ.

ПЯТЬ ЗИМНИХ ВЕЧЕРОВ В КВАРТИРЕ НА ХОРОШЕВКЕ ПОЗВОЛИЛИ СОСТАВИТЬ ЭТУ ФОТОПОВЕСТЬ, ГДЕ ВСЕ ЛИБО ПОЧТИ ВСЕ БЫЛО ПРЕЖДЕ НЕИЗВЕСТНО ЛЮДЯМ.

14 ЯНВАРЯ 2010 ГОДА, В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВАЛЕРИЯ, МЫ ПОЕХАЛИ НА КУНЦЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ. ПРИШЛИ ЛЮДИ. ПРИШЛИ МАЛЬЦЕВ И ЯКУШЕВ. ВСЕ ЗНАЛИ ДРУГ ДРУГА. ДЯДЯ БОРЯ ВЫПИЛ СТОПОЧКУ, ПОМЯНУВ ВАЛЕРИКА…

А 27 ЯНВАРЯ ОН УШЕЛ. К СЫНУ И ЖЕНЕ БЕГОНЕ ПОБЛИЖЕ. ФОТОАРХИВ ХАРЛАМОВЫХ ХРАНИЛСЯ В БОЛЬШУЩЕМ ЧЕМОДАНЕ СОВЕТСКОГО ПОКРОЯ, КОТОРЫЙ ЛЕЖАЛ В СТЕННОМ ШКАФУ НА ЛЕСТНИЧНОЙ КЛЕТКЕ ШЕСТОГО ЭТАЖА БЕЗ ЗАМКА. СЛОВНО ПРИНАДЛЕЖАЛИ ЭТИ КАРТОЧКИ РУССКО-ИСПАНСКОЙ СЕМЬИ ВСЕМ НАМ.

ДА ТАК ОНО И ЕСТЬ, КОЛИ ВЫШЛА ЭТА ФОТОПОВЕСТЬ.

ВАЛЕРИЙ ХАРЛАМОВ.

ЕГО ЗНАЛА, ПОЧИТАЛА И ЛЮБИЛА ВСЯ ОГРОМНАЯ

СТРАНА. ФЕНОМЕН ХАРЛАМОВСКОГО СТИЛЯ В ХОККЕЕ НЕ ОБЪЯСНЕН ПО СЕЙ ДЕНЬ.

МАГНЕТИЗМ ЕГО ЛИЧНОСТИ ТАК И ОСТАЛСЯ НЕРАЗГАДАННЫМ. ВСЕ МЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ НАХОДИМСЯ В МОЩНОМ ПОЛЕ ПРИТЯЖЕНИЯ ХАРЛАМОВА, КОТОРОЕ УСТОЙЧИВО СУЩЕСТВУЕТ ВОТ УЖЕ МНОГО ЛЕТ.

СОБСТВЕННО, ОНО СУЩЕСТВУЕТ С ТОЙ САМОЙ ПОРЫ, КОГДА ХВОРЫЙ МАЛЬЧИШКА ИЗ РАБОЧЕЙ РУССКО-ИСПАНСКОЙ СЕМЬИ ПРОШЕЛ ЧЕРЕДУ НЕЛЕГКИХ ИСПЫТАНИЙ И ПРЕВРАТИЛСЯ ИЗ МОСКОВСКОГО ШКОЛЬНИКА ВАЛЕРЫ ХАРЛАМОВА В НАРОДНОГО ЛЮБИМЦА ВАЛЕРИЯ ХАРЛАМОВА. ПОЭТОМУ И ПО СЕЙ ДЕНЬ, СПУСТЯ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ЕГО УХОДА, ЕГО ВСПОМИНАЮТ, О НЕМ ПИШУТ СТАТЬИ И КНИГИ, СНИМАЮТ ФИЛЬМЫ.

ЭТА КНИГА НЕ ВПИСЫВАЕТСЯ В КЛАССИКУ ЖАНРА. НЕВЕРОЯТНЫМ ОБРАЗОМ СОХРАНИЛСЯ СЕМЕЙНЫЙ ФОТОАРХИВ, ЕГО ОБШИРНОСТЬ ПОПРОСТУ УНИКАЛЬНА.

В КНИГЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО МАТЕРИАЛЫ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ ОТЦОМ ХОККЕИСТА, БОРИСОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ, И СЕСТРОЙ ВАЛЕРИЯ, ТАТЬЯНОЙ БОРИСОВНОЙ. МЫ ВМЕСТЕ РАССМАТРИВАЛИ ФОТОХРОНИКУ СУДЬБЫ СЫНА И БРАТА, ОСТАНАВЛИВАЯСЬ В ТЕ МОМЕНТЫ, КОГДА ВОСПОМИНАНИЯ БЛИЗКИХ ОБРЕТАЛИ СЛОВЕСНУЮ ФОРМУ И СЛАГАЛИСЬ В ОТДЕЛЬНЫЕ МИНИ-СЮЖЕТЫ.

СУДЬБА ВАЛЕРИЯ ХАРЛАМОВА ОБЫКНОВЕННА ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ, ЧТО КАЖЕТСЯ ПОЧТИ ТВОЕЙ.

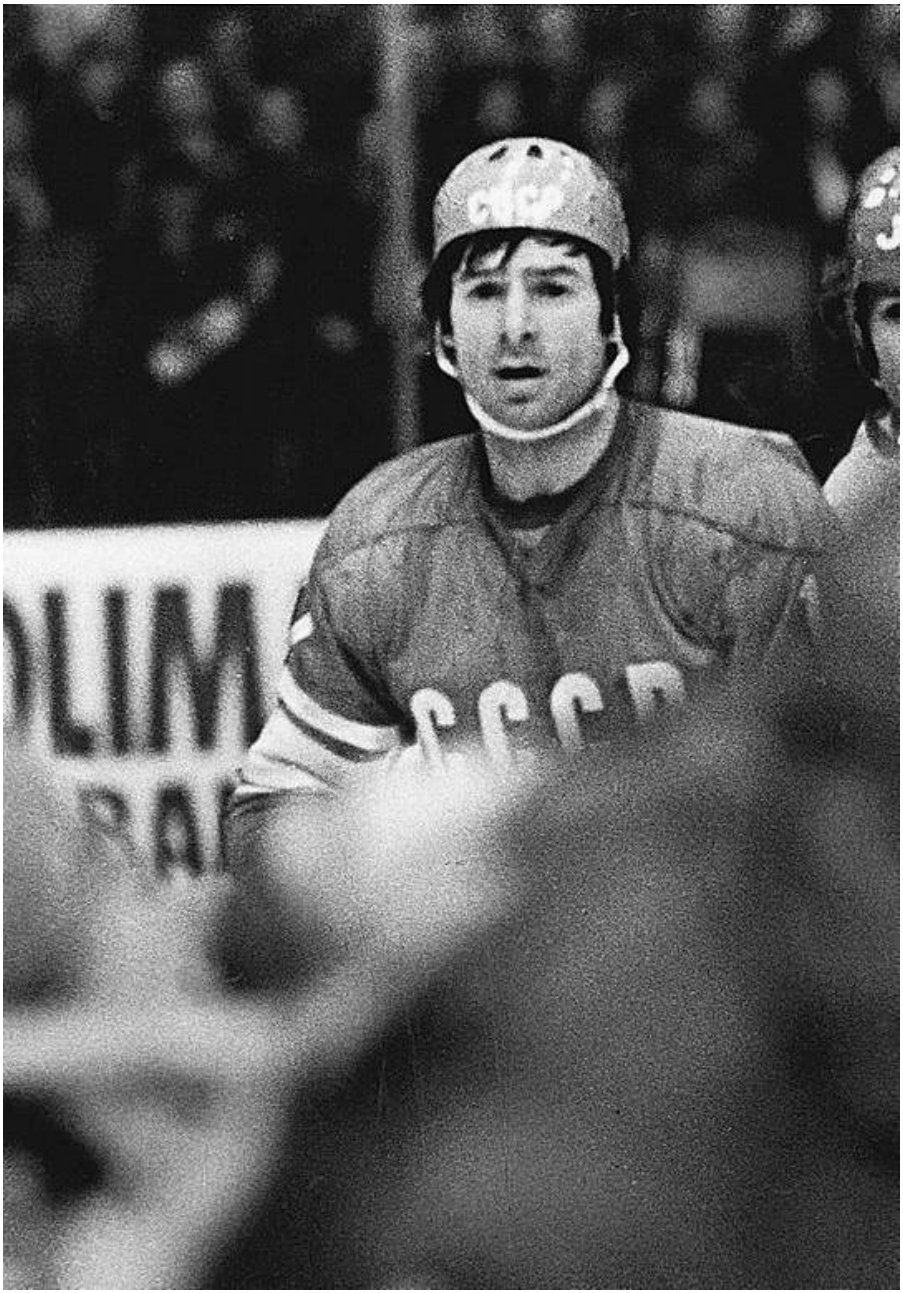
СУДЬБА ВАЛЕРИЯ ХАРЛАМОВА НЕОБЫКНОВЕННА, ПОТОМУ ЧТО НА ЕГО ДОЛЮ ВЫПАЛО НЕМЫСЛИМОЕ СОЧЕТАНИЕ КОЛЛИЗИЙ. ОНА ВМЕСТИЛА В СЕБЯ БУДТО СРАЗУ НЕСКОЛЬКО СУДЕБ, КАЖДАЯ ИЗ КОТОРЫХ ДРАМАТИЧНА СПОЛНА.

ГОВОРЯТ – «ФОТО НА ПАМЯТЬ». ТЕПЕРЬ СЕМЕЙНЫЙ ФОТОАРХИВ ХАРЛАМОВЫХ В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ, ЧИТАТЕЛЬ.

С ПРАВДИВЫМИ И ПОДРОБНЫМИ РАССКАЗАМИ ТЕХ, КТО ПРОЖИЛ С НИМ РУКА ОБ РУКУ ВСЕ ЕГО ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА.

Леонид Рейзер

KOHO



Появление на свет

Отец. Тот старый Новый год мы отмечали в заводском клубе. Посередь вечера Бегоня плохо себя почувствовала. Ну, я мигом схватил санитарную машину, при заводе была такая, испанец Монхе шоферил на ней, и повез в больницу. Где-то она за Соколом по Волоколамке находилась, недалеко от Покровского-Стрешнева. Приняли жену. Я там еще побыл маленько и пошел пешочком домой. Ночь же была – никакого общественного транспорта. Иду себе в шинели отцовской, великовата она мне была, по улице с узелком с ее вещами, вокруг ни одной живой души.

А морозец, между прочим, пробирает. Зябко, однако. Ну а что делать прикажете, коли метро еще не открылось… Доволен, что благополучно в больницу жену доставили и пристроили. Волнуюсь, конечно. Переживаю. Навстречу милиционер, сразу его и не приметил:

– Ваши документы?

– Послушайте, товарищ милиционер, нет у меня ничего.

– Пройдемте в отделение для выяснения личности.

А там все быстренько выяснили, культурно так спросили:

– А что ж вы, товарищ Харламов, сразу-то не сказали про свои обстоятельства?

– Так уж больно погреться хотелось.

Нормально отнеслись. Еще махоркой меня на дорожку угостили.

А родился Валерик часов в десять утра. Выходит, вскоре, как мы в больницу приехали. Потом Бегоша неделю там вместе с младенцем была. *Сестра.* Валера появился на свет божий поутру, часов в десять. Папа отвез маму ночью, прямо с вечера в заводском Доме культуры. И через несколько часов все свершилось. Слышала о том, что Тарасов в своих мемуарах добавил изрядно красок в эту историю – от любви к Валере и уважения к Борису Сергеевичу, – и вышло, будто братик мой родился чуть ли не в машине по дороге в роддом.

Отец. Ну, тут Анатолий Владимирович приукрасил, умел это. Роды нормально прошли.

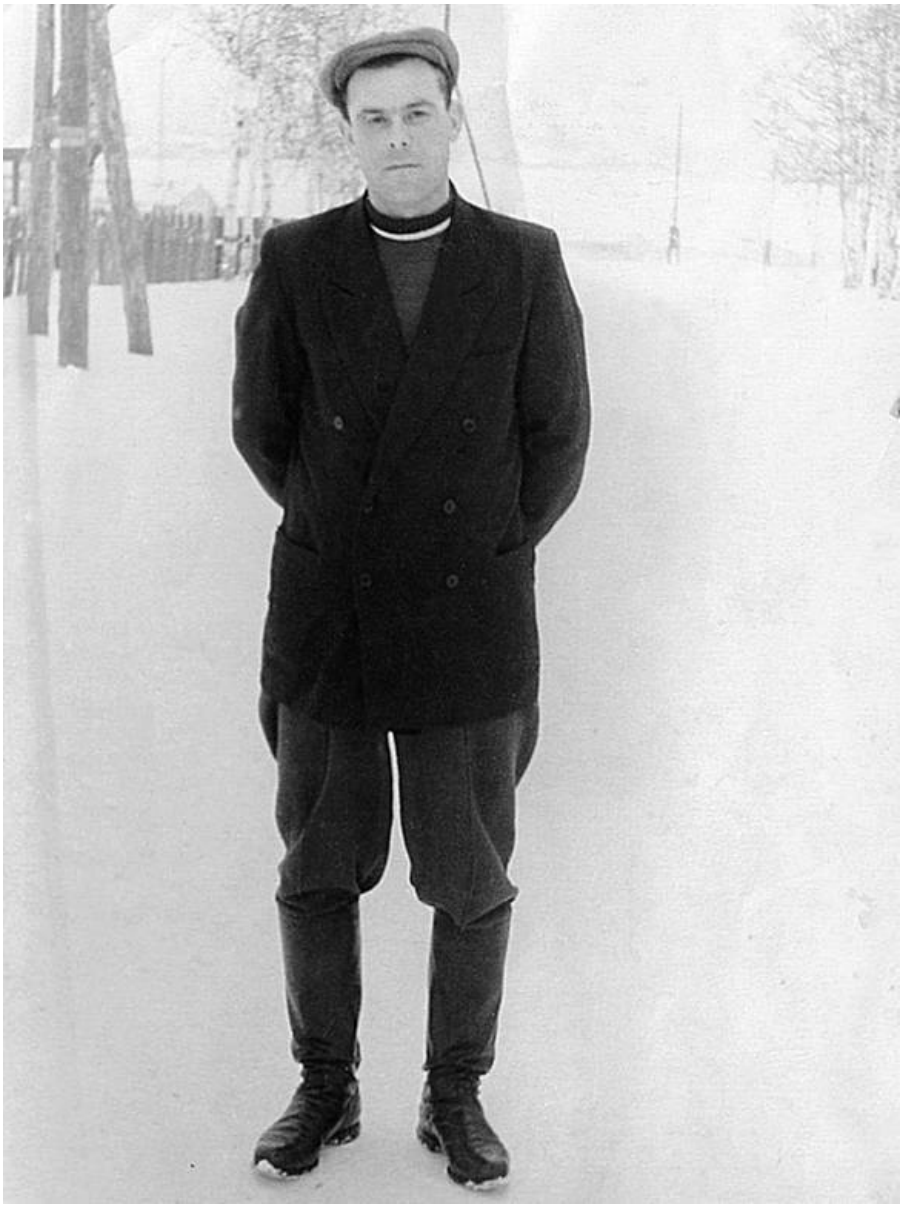
Сестра. Ничего себе нормально! Хоть смейся, хоть плачь. Мама же после эмиграции из Испании в Союз росла в детском доме, где девочкам никто ничего не объяснял про будущую женскую долю.

Она стеснялась своей беременности, боялась всего, не с кем было проконсультироваться. Во время самих родов от этой

скованности зажималась, зажималась и, ну как сказать, невольно затруднила выход дитяти: «Я как его-то увидала, так ужаснулась – что за голова такая вытянутая? Голова огурцом была». Это она рассказала мне много лет спустя, когда я была на восьмом месяце: я-то, рожая своего Валерика, уже ученая была. А тогда она закатила истерику, стала хватать сыночка и пытаться подправить форму головы – акушерка еле-еле успокоила ее, заверив, что все и так образуется.

Валерой почему назвали? Чкалов. Валерий Чкалов. Легендарный летчик. Всенародный любимец! Эти его пролеты под мостом… Кружилась от них голова.

С мамой



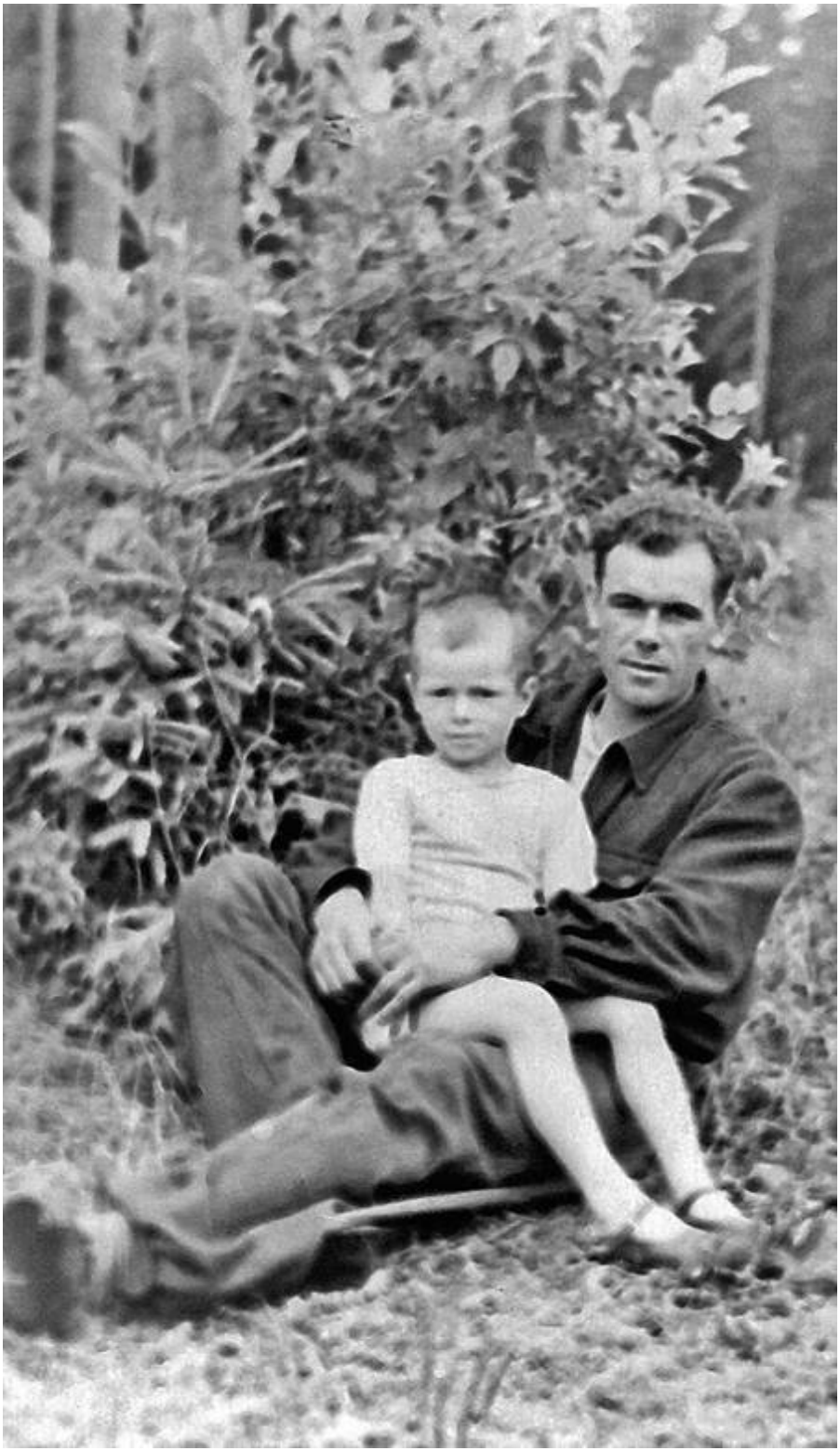
Отец

Отец. Брат у меня был младший, Валера, – Бегоша очень его любила. Кстати, именно благодаря ему в нашей семье так много любопытных фотоснимков.

Сестра. А про меня другая история. Первой оперой, которую мама услышала, была «Евгений Онегин». Образ Татьяны Лариной, конечно, произвел неизгладимое впечатление на молодую испанку. Между прочим, мама занималась в балетной школе при Большом театре! Но что-то там не сложилось… Пела она

прекрасно, слухом абсолютным обладала. Вообще артистичная натура была!

На руках у маминой подруги Анхелиты. Комната в заводском общежитии



С отцом в Тимирязевском парке

Молодая Бегоня Харламова

Мама + папа

Сестра. Это сорок восьмой год. Папе – 20 лет, вот какой красавчик! Матери – 22 года, вот красотка какая!

Отец. Это мы уже поженились?

Сестра. Нет. Уже Валерка был. А потом мама с папой расписались.

Отец. Нет. Не так было.

Сестра. Женихались они, отец прав.

Отец. То-то и оно-то.

Сестра. Они познакомились в заводском клубе. Отец поначалу с одной подружкой танцевал, с другой… А мама его увидала – кудрявого, в хромовых сапогах – и спросила у девчонок:

– А кто это такой?

– С механического цеха парень. Харламов, что ли.

– Ну, этот будет моим!

В тот вечер они и познакомились.

Отец. На Соломенной сторожке до войны еще испанцы жили. На лыжах катались. Когда ломали, отец мой чинил им. Потом испанцы стали болеть – их из детдома на юг направили здоровье поправлять. Война началась. Я на заводе работаю, испанцы – тоже. Встретил там друга давнишнего, Маноло, за «Динамо» отчаянно болел. Его жена Кармен была подругой Бегони. Тогда я еще не знал про нее. Ну а как с Маноло снова встретились – пивка пошли испить. Туда-сюда. Она мне сразу понравилась, красивее всех была! С Бегоней в кино чуть ли не каждый вечер шастали. Она у нас в лаборатории работала, спиртик завсегда водился – подбадривала меня иной раз.

Нас не расписывали в ЗАГСе. Хотели все честь по чести, а нам отказывали.

Сестра. Родители хотели еще в сорок седьмом расписаться, но им отказали, сославшись на то, что Бегоня была иностранкой и имела только вид на жительство. 14 января 1948 года родился Валера. И только после этого – 2 февраля 1948-го – их брак зарегистрировали в ЗАГСе.

Для Бегони Харламовой, однако, ничего не изменилось по части документов. Хорошо помню, как мы с братом и мамой ходили каждые три месяца отмечаться на Колпачный переулок. Очереди выстаивали. Для нас с Валеркой это мукой было – на одном месте подолгу оставаться. А паспорт матери дали только в шестьдесят первом.

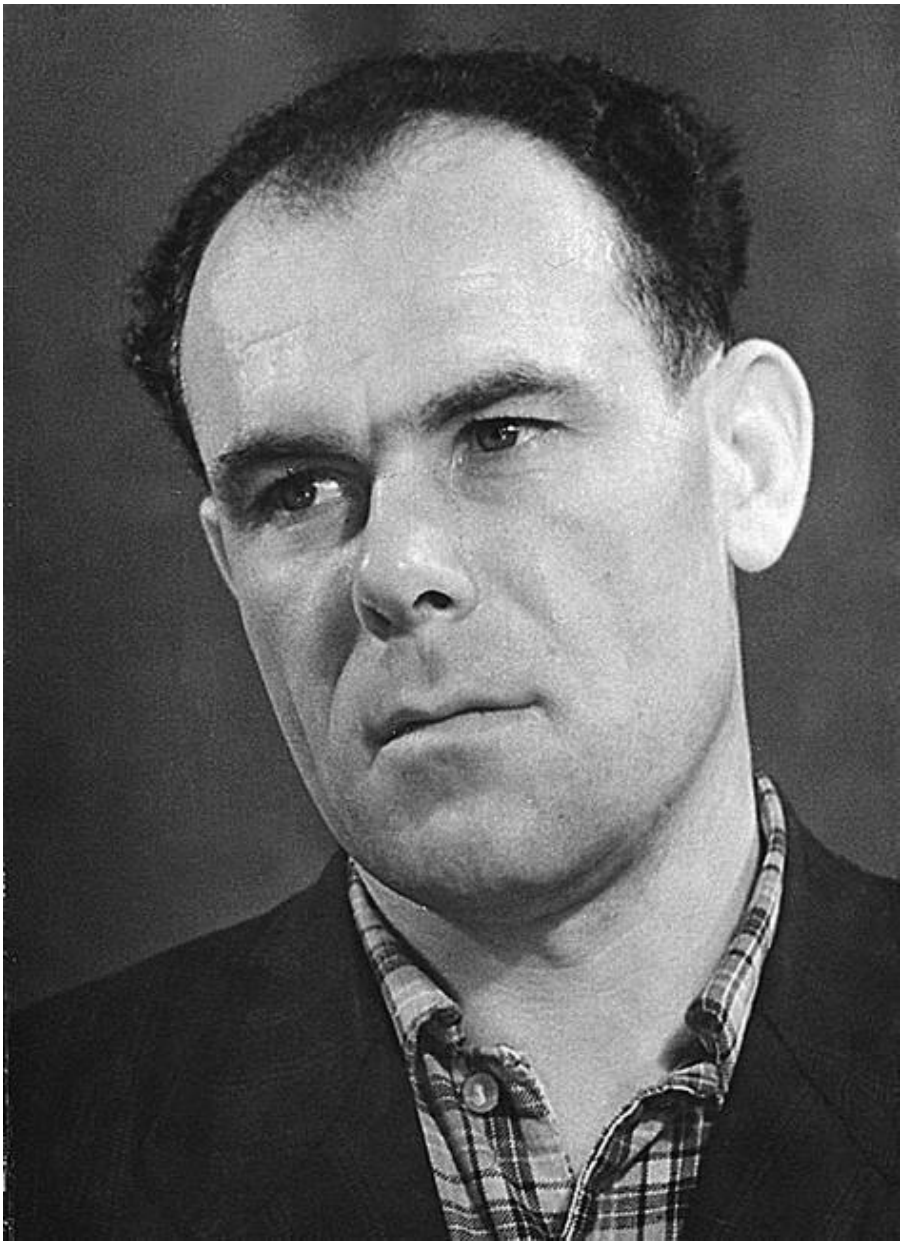
По праздникам – ко дню рождения и к Новому году – родители делали нам всякие подарки. Как они выкручивались –

так для нас и осталось загадкой.

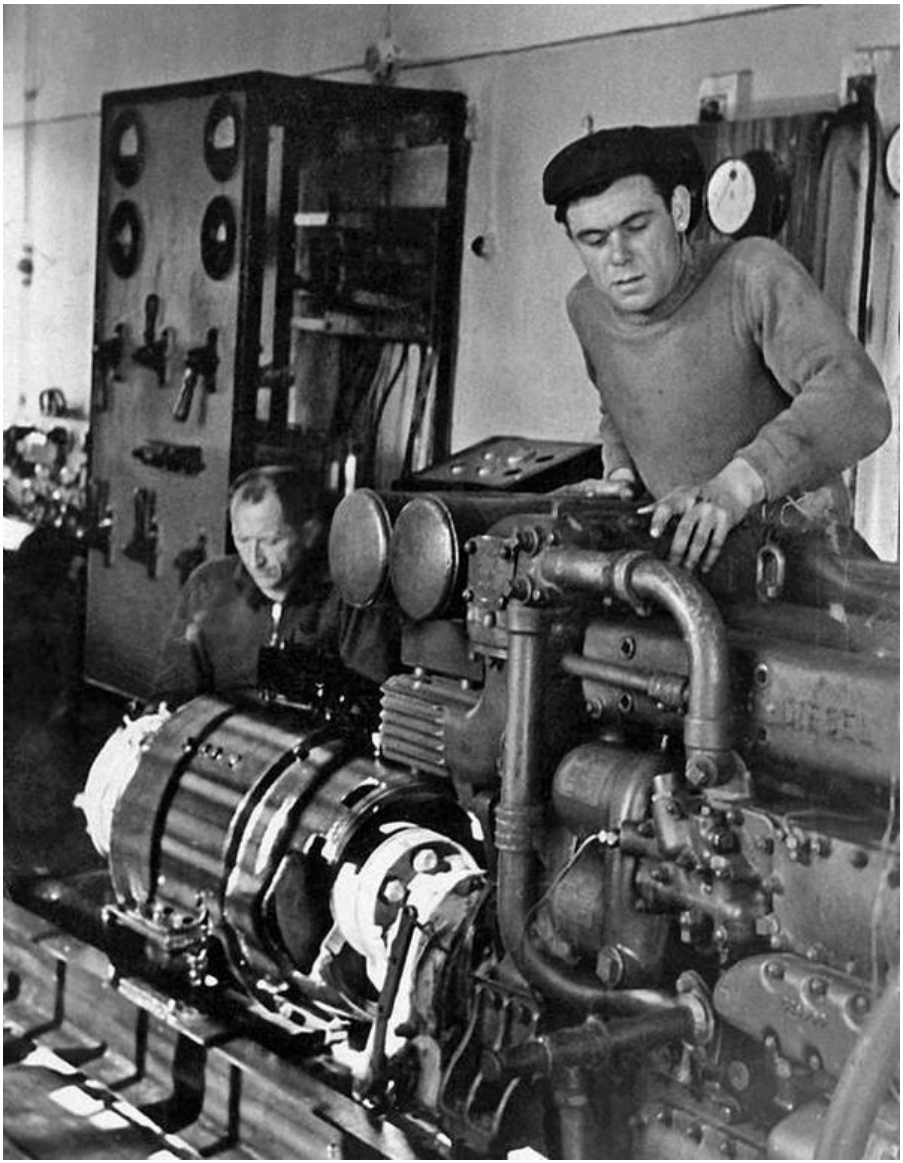
Жили-то они от долгов до долгов: сегодня зарплату на заводе получили, а назавтра раздали долги.

Молодожены

Экспансивная жена



Невозмутимый муж



Слесарь-сборщик оборонного завода Борис Харламов

Бегоня Харламова на отдыхе на озере Сенеж в Подмосковье. Загипсованная после перелома левая рука не влияет на ее замечательное настроение

Сбор перед демонстрацией у заводского клуба «Красная звезда». Борис Харламов – крайний слева

Супруги Харламовы встречают Первомай

Борис Сергеевич в выходной день

Зарплата у мамы была 78 рублей, а у папы – 150 рублей плюс премия, там по-разному выходило, но довесок был приличный.

Отец. Работали мы с Бегоней на заводе «Коммунар». Недалеко от Белорусского вокзала это. Вооружение для авиации выпускали. Жена в химической лаборатории работала, там вредность была, а я слесарем-сборщиком вкалывал, в последние годы – электриком-испытателем, вредности не было, а так в камере бывало и под минус 60 градусов, и под плюс 60…

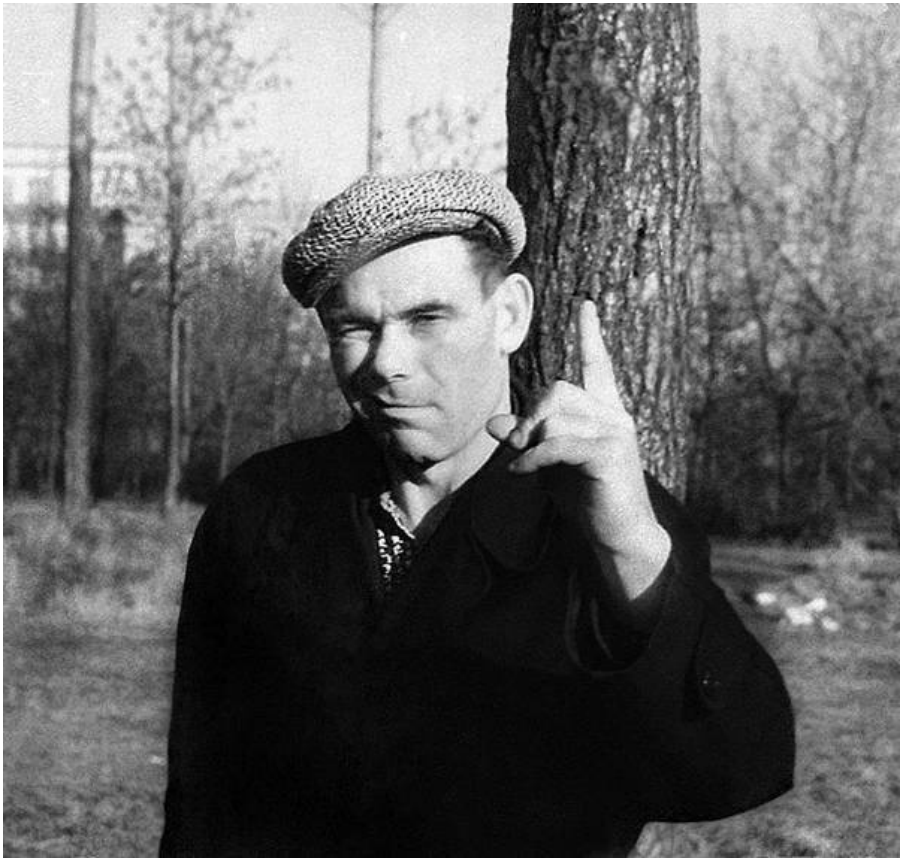
Сестра. Потом и я устроилась на этот завод. Электромонтажницей была. Я наклепаю и наделаю побольше – на сдельщине же была, а отец там в своей камере проверяет. Брака за мной замечено не было.

Отец. Бегоня сломала однажды руку. Прыгала через козла. Отчаянная была. Шустрая. Ну и гипс наложили, все как положено. А тут путевка подвернулась по линии общества испанских эмигрантов. Что ж упускать такой отдых в Подмосковье, да еще бесплатный? Поехала. Санаторий на озере Сенеж находился, за Солнечногорском. Я туда на мотоцикле приезжал, меньше чем за час добирался – с ветерком! Жена хоть и плавала хуже некуда, а к воде тянулась. Любила на эти мостки ходить. Даже в дождь могла там дышать озоном. Мостки эти деревянные для рыбаков сделали, для тех, кто на лодке желал погрести. А год это, пожалуй, шестьдесят третий.

Рукопожатие перед началом матча по русскому хоккею на заводской базе отдыха под Звенигородом. Капитан команды Борис Харламов – крайний слева

Матч городского первенства по бенди среди коллективов физкультуры на стадионе «Пищевик». Борис Харламов пятый

слева



Воскресным днем в Чапаевском парке. Располагается парк напротив дома на Ленинградском проспекте, где в коммунальной квартире обитала семья Харламовых

На трибуне малого стадиона «Динамо». Рядом с Борисом Харламовым близкие друзья сына Сергей Сугробов и Миша Кузнецов (все звали его Лесной)

Матч городского первенства по футболу среди коллективов физкультуры на стадионе «Пищевик». Капитан заводской команды – Борис Харламов

Сестра. Это год шестьдесят второй. Коммунальная квартира. Мама – в подаренной береточке.

По линии Красного Креста она как-то отдыхала в санатории

под Солнечногорском. А там поблизости находились Высшие офицерские курсы «Выстрел», где учились и военные из дружественных Советскому Союзу стран. В то лето кубинцев было много, мама с ними задружилась, а отец, часто наведывавшийся в санаторий, был в роли переводчика. Кстати, был среди них и Рауль Кастро – родной брат лидера кубинской революции. При расставании посланцы Острова свободы подарили маме эту симпатичную береточку.

Скорее всего, снимок сделан в канун Первомая. Принарядилась мама. Надела не брюки, а модные тогда шаровары – синие хлопчатобумажные; выглядели, кстати говоря, очень даже симпатично. Она могла надеть что угодно – выдумщица была и пошутить любила.

Мама на Соломенной сторожке

Отец на Соломенной сторожке

Мама в доме отдыха

Детство

Отец. Детишек наших везет на санках друг моего брата Валерия. Дочка – первая, сынок – второй, на прицепе. На Соломенной сторожке это. Жили в одноэтажном просторном доме, вернее, его часть занимали. У деда сарай был хозяйственный и садик. Дом был не дощатый какой-нибудь, а рубленый. Раньше, как сказывали, княгине какой-то принадлежал…

Отец. Это жена приехала в Звенигород проведать детишек наших. Каждый год мы их отправляли на все лето в заводской пионерлагерь, «Лесные поляны» назывался. Валерик там хорошо себя чувствовал, вольготно. Скучать некогда было, все какие-то игры и мероприятия, а он-то шустрый мальчонка был, общительный и веселый.

Лет шесть-семь ему на этом снимке. А Танюша в этот момент, видно, отошла куда-то.

Сестра. Лагерь был замечательный. Лучший на всю округу! Несколько деревянных домов – добротные срубы, с водопроводом. И природа сказочная. Раздолье для детишек. Там же все свои были и знакомиться ни с кем не надо было, потому что с заводского детсада все знали друг дружку.

С тетей Ирой – сестрой отца – на Соломенной сторожке

С испанкой Люситой в выездном детском саду в Звенигороде

Папин друг везет Таню и Валеру на санках рядом с домом бабушки и дедушки на Соломенной сторожке

Сестра + брат. Тане – три годика, Валере – четыре

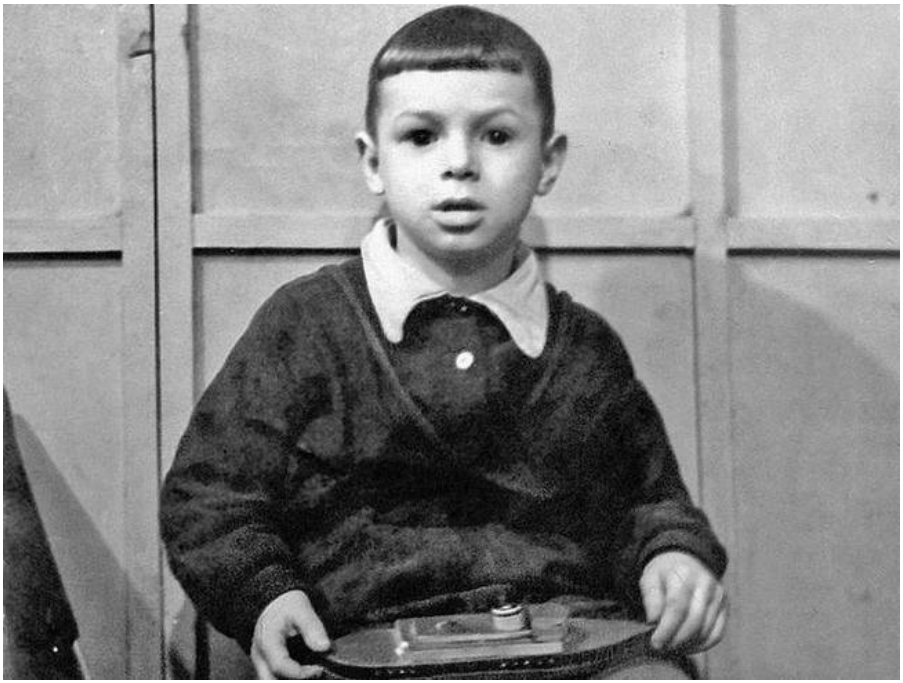
Детский сад в Звенигороде. Валера – второй ряд, второй слева

Пока что с мячом. Скоро появятся в его жизни конечки, клюшечка и шайба

Послевоенные мальчишки охотно играли в войну

Таня с Валерой и Люсита

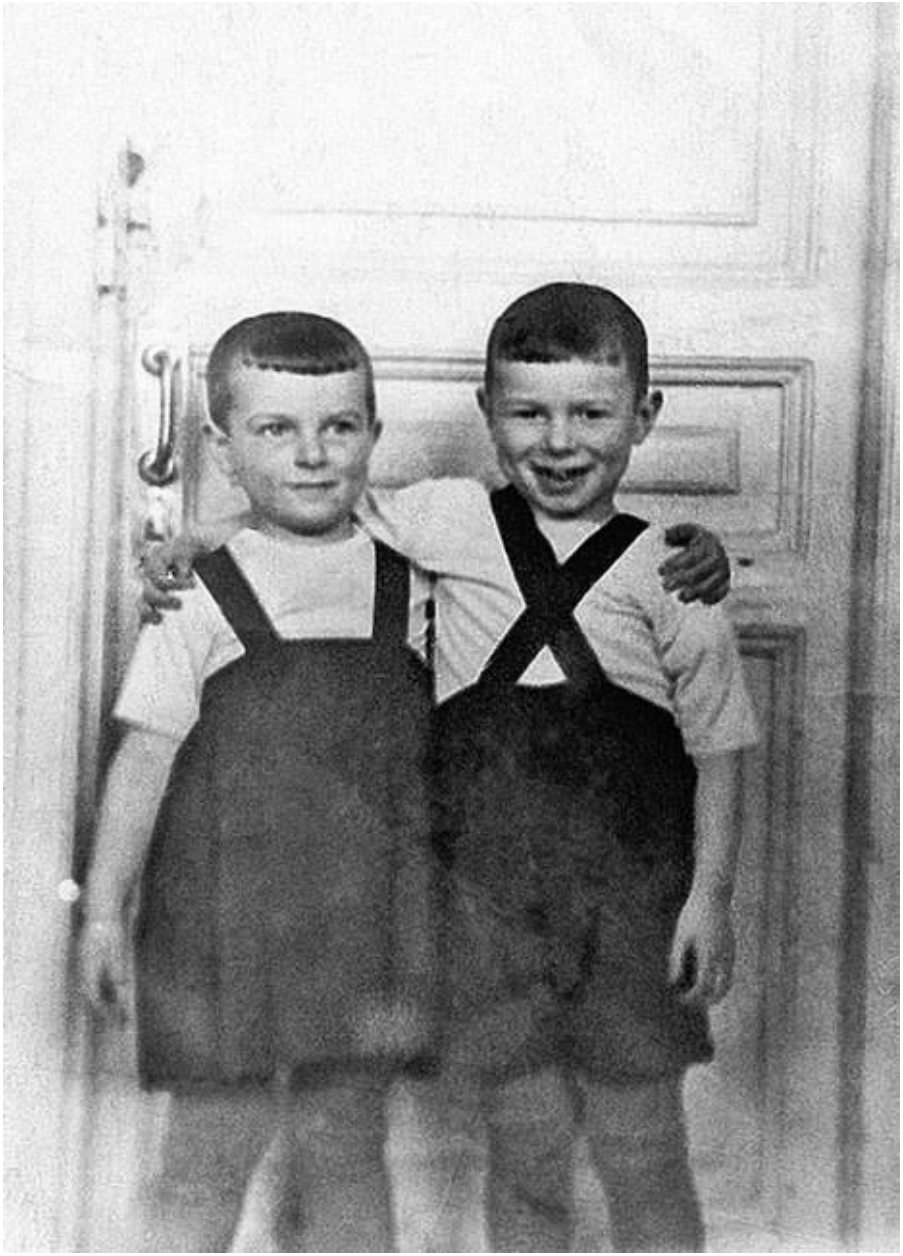
Сестра + брат. Тане пять лет, Валере – шесть



Послушный ребенок

Сестра + брат. На коленях у отца

С Альберто и Луисом



Сестра + брат. Неразлейвода – на всю жизнь!

Отец. На нашем военном заводе летнему отдыху детей внимание уделяли серьезное. А завод, скажу, был немаленький: в одном только механическом цеху человек триста работало, а всего, наверное, больше тысячи человек там было. И все люди квалифицированные, с высокими разрядами.

Меня, бывало, посылали в пионерлагерь инструктором по спорту – я в охотку брался за эту работу. Но это было уже когда

Валера вырос и хоккеистом стал известным…

Новогодняя ночь

В школьной форме

Закурить в детстве понарошку, чтобы потом никогда не прикасаться к сигарете

Семилетний Валера с мамой

Мама с детьми

А потом начался в стране бардак, никому ничего не надо было – ну и весь наш лагерь растащили по бревнышку да землю

распродали. Под коттеджи небось.

Отец. С одной стороны, в детстве сын доставил нам массу хлопот и переживаний, потому что хворал часто и серьезно. А с другой стороны – мы с женой не знали проблем с его характером, с его поведением, по человеческим качествам нас вообще не подводил. Нас ни разу не вызывали в школу из-за того, что он набедокурил. Мы и родительские собрания посещали по большим праздникам.

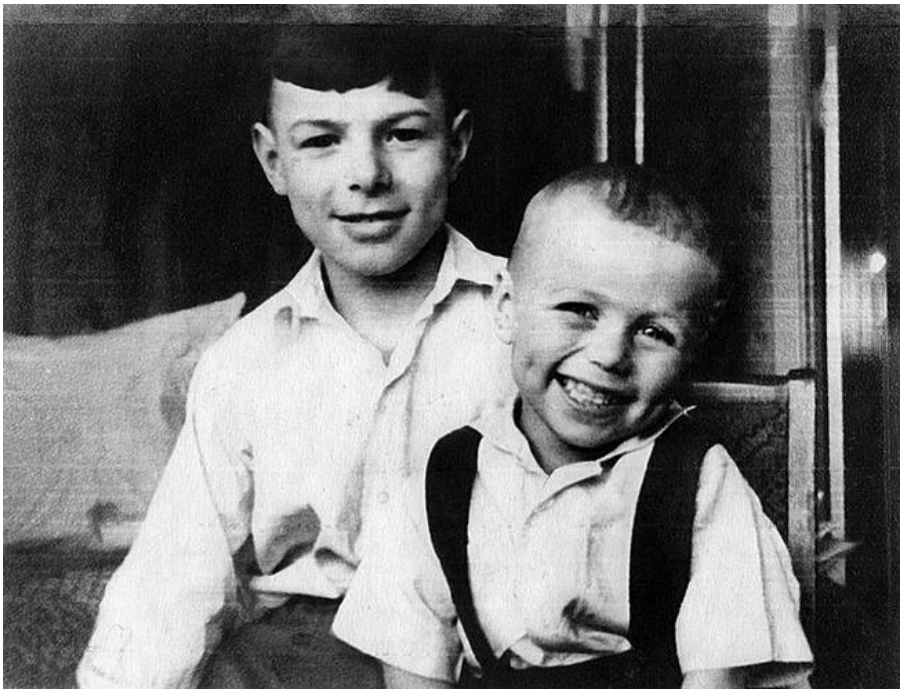
Зато в пионерлагере заводском однажды отмочил, мало нам не показалось.

В их отряде завелся пацаненок «с гнильцой». Ябедничал вожатому, закладывая остальных. Ну и сынок решил проучить его: выстриг на голове борозду прямо посередке!.. Такое уж не скроешь, на версту вокруг в глаза бросается. Да и не отпирался Валерка. Взял на себя вину. А там начальником лагеря работал Володя Михельсон, наш – заводчанин. Отличный, скажу, мужик, мы с ним дружили. Ну, понятно, ему ж надо отреагировать и принять меры – вызвал к себе и один на один выдал тумаков пионеру Харламову. Так, для проформы. Ничего страшного. Я еще потом сказал: «Правильно сделал. Надо было похлеще отлупить сорванца». Не выгнали из лагеря ребенка – и ладно. А то куда бы мы с Бегоней его дели в разгар лета? А тут путевка бесплатная, на всем готовом, всех вожатых знаем, навестить, если что, не проблема – жена на электричке или я на мотоцикле добирались легко.

Так у Валеры и осталась по жизни эта нелюбовь к стукачам.

Сестра. Повезли нас с братом в деревню Щапово. Родня там дальняя проживала. Хорошо там было. Молочко парное, все с огорода, свежайшее, хлеб с корочкой, целыми днями пропадали на воздухе. Валера там на велике гонял до одури.

В лесу под Звенигородом



С двоюродным братом Сашей – сыном дяди Николая (брата отца)

С двоюродной сестрой Ирой – дочкой тети Вали (сестры отца), и двоюродным братом Сашей

Мама в летной форме, сынок – в армейской фуражке

Мальчишки в те годы увлекались авиамоделизмом

Десятилетний Валера на прогулке с отцом по ВДНХ

Валера + Таня. Как это бывает в определенном возрасте, сестра, которая на год моложе, опережает в росте брата

С двоюродным братом Сашей

Отец. Это Валерик уселся на мой мотоцикл. Я этим делом увлекался, в гонках участвовал, до кандидата в мастера спорта дошел.

Да и воинскую специальность имел – «мотоциклист-пехотинец». Мальчишкой он ни на кого в хоккее-футболе не

равнялся. Каких-то кумиров тоже не было. На стадионах-то особо и не бывал. Разве что на «Пищевике», куда я брал с собой на свои игры: зимой – русский хоккей, летом – футбол. Зимой что было удобно? Чтоб он зря не мерз и времени не терял, надевал ему конечки – и вперед, катайся на свободном льду за воротами хоть все два часа. Валерик так и поступал. Оттого и с катанием, коньковой подготовкой у него был полный порядок, когда спустя годы пошел записываться в ЦСКА.

Ни за ЦСКА, ни за «Спартак» он в детстве не переживал.

А когда всерьез заболел, когда сердчишко прихватило, тогда уж и не до спорта нам всем было…

Сестра. Брату врачи предписали строжайший режим. Чтобы шума постороннего не было и чтобы шага лишнего не делал. Ужас… Мы, близкие, ходили вокруг него на цыпочках. Жили в большой коммуналке и потому указать многочисленным соседям на то, чтобы те соблюдали тишину, конечно же не могли. Но люди окружали нас доброжелательные и отзывчивые, они знали про Валеркины болячки и старались по возможности потише себя вести. Благодарны им были несказанно.

Девятилетний Валера гоняет по деревне Щапово на велосипеде для взрослых ребят

Мечта любого мальчишки того времени – прокатиться на мотоцикле! Снимок сделан у барака, где размещался заводской гараж. Там отец держал свой чудо-мотоцикл

В майские и ноябрьские праздники отец будил нас чуть свет,

заставлял идти на демонстрацию: «Люди, чтобы знамя нести, кровь в революцию проливали! А вы тут дрыхнете, понимаешь. Давайте скоренько одевайтесь». Народ собирался, естественно, у заводской проходной. Дальше колонной шли к площади Белорусского вокзала, к памятнику Горькому – поблизости, в Электрическом переулке, папин сослуживец жил, там их честная компания «отмечалась». Потом двигались на Маяковку, где тоже «отмечались» как-то. И когда колоннами выдвигались на Красную площадь, мужчины уже были в полном порядке. Ни майское похолодание, ни ноябрьская метель страшны им не были.

Неспешные прогулки в Чапаевском парке – как предписывали доктора

Снимки сделаны на Первомай, легко одеты родители. А мы наверняка где-то рядом. Иногда отца ставили в оцепление. Тогда мы с мамой шли без него. Нам это конечно же меньше нравилось.

В середине комнаты был большой раздвижной обеденный стол. Так мы с Валеркой и уроки делали на нем, и в настольный теннис играли. Ели обычно на кухне, на стол в комнате накрывали только при гостях. Кухня просторная была, всем места хватало. Жили все соседи дружно, никаких склок и свар не припомню. Родители с утра на завод свой уходили и спокойно нас оставляли. Ну, натворить что-нибудь мы, сами понимаете, могли – дети же. Мама когда лично меня начинала ругать – это было зрелище. Надо было видеть и слышать. Я, чуть что, в туалете пряталась, забегу и запрусь там. Слышу, тирада на испанском потише становится, чувствую, она снизила свой накал, и начинаю просить о пощаде: «Мамуль, честно? Только честно – не тронешь?!» А Валерка-то, если под горячую мамину руку попадался, бегал вокруг обеденного стола, как на карусели круги накручивая, – поди поймай его!..

Мама, если что не по ней, тапочку снимала и готова была ей отшлепать. Так в Испании принято: не ремнем, а именно комнатной тапкой. А вот отец никогда, ни разочка, нас не наказывал. Грубого словечка в наш адрес не припомню.

После школы мы, наскоро чего-нибудь перехватив на кухне, бежали во двор, чтобы успеть порезвиться. А родители с завода

приходили, и мама звала нас строго: «Домой! Чтоб я не повторяла и не ждала вас».

А если серьезно – хорошими мы были детьми. Только мелкие шалости. Ну как же без них?

Тринадцатилетний Валера Харламов, которому о спорте даже мечтать нельзя…

Первомайская демонстрация была праздником для Валеры и Тани

Среди заводчан. Таня Харламова – крайняя справа, мама – третья справа

В колонне идут супруги Харламовы

По улице Горького стройными колоннами

Шестилетний Валера с мамой на Соломенной сторожке

Мама за что могла осерчать на меня: только-только пальто мне новое купили, а я к забору прислонилась, и оно все в

полосочку стало. Или в новехонькой юбке повисла на заборе и порвала ее. Я озорной была. Но Валерка фору мне мог дать. Живой, шебутной был. Ни секунды на месте не сидел. Мой главный заступник. Никто меня не трогал и не обижал, пальцем боялись дотронуться – все вокруг знали, что я его сестра.

Отец. Наш дом на Ленинградском проспекте находился напротив инвалидного завода. То есть протезного завода, так правильно называлось. Такая и остановка была троллейбуса и трамвая – посерединке между метро «Сокол» и «Аэропорт», хотя к «Аэропорту» поближе она была конечно же. Дом большущий, восемь, кажись, этажей; стоял углом, и одна сторона выходила в переулочек, а на той стороне – автодорожный институт.

Хоромы эти мы получили не от оборонного завода, где с женой работали, а по линии Красного Креста. Многим испанцам давали жилье, дали и нашей Бегоне. Расселяли общежитие, и нашу семью включили в списки. Было в коммунальной квартире пять комнат на пять семей – двадцать пять человек выходило.

Две семьи испанских и три русских. Жили, доложу я вам, дружно. Очень. Можно даже сказать – как одна большая семья жили.

Сестра. Комната была большая. Пять с половиной метров потолок! Верхний этаж, над нами крыша, потому и высота такая. Крыша, как помню, никогда не протекала. Чтобы лампочку на люстре заменить, ставили на стол табуретку, а на нее еще скамеечку. А еще был эркер – на МАДИ выходил. Очень красивая комната. Внизу – магазин «Мясо», известный на всю округу, милиция, прачечная. Год это какой? Это мы уже вернулись из Испании. Наверное, пятьдесят девятый год. Ну, может, и шестидесятый. Точнее не скажу. На глазок тут Валере лет одиннадцать – двенадцать.

В гостях у бабушки и дедушки. Слева – тетя Ира

Перебросится в картишки? Почему бы и нет. Семья в полном составе в своих шикарных апартаментах – в коммунальной квартире на Ленинградском проспекте

Мама с детьми в деревне Щапово

Мы с мамой незадолго до отъезда в Испанию. Папин брат снял нас на Соломенной сторожке. Жили там вместе большой семьей.

Бабушка с дедушкой, папины братья, один уже был женатый, папина сестра. Дружно жили. Коммуной.

Отец. Участочек там был. Земельки, ясно, немного – сотки четыре, а то и три.

Но мать с отцом хозяйничали, возились, пропалывали, поливали, все, что надо, делали. И редис был, и огурчики, и помидорки. Свеколка, морковь, картошка опять же – запасались даже на зиму.

Сестра. Сколько же мужества проявил отец, отпустив нас в Испанию! И по сей день я не могу представить себе, что у него на душе творилось… У матери была кличка – Пантера. Потому что горой стояла за детей и мужа. Она жуть какая боевая была. Никого и ничего не боялась.

Резала правду-матку невзирая на лица.

Но с мужем своим воевать из-за детей определенно не собиралась.

Новый, 1961 год – в комнате Харламовых

Семья Харламовых перед отъездом мамы с детьми в Испанию. Сентябрь 1956 года. Тогда родители не знали, как оно дальше сложится… Прекрасное семейное фото сделано в хорошем ателье перед разлукой. Долгой? Очень долгой? Разлукой навсегда?

Испания

Семейное фото. Классика жанра советского времени. В каждой семье оно непременно было.

Съемку планировали загодя, в каком-нибудь фотоателье в центре Москвы; продумывали, кто во что будет одет: если сынишка – то подстрижен, «маленькая челочка», если дочурка – то прическа с бантом. Костюм с галстуком для главы семейства – по желанию. Супруга тщательно выбирала платье даже при скромном гардеробе.

По снимку видно, что Харламовы лишнего себе, мягко говоря, не позволяли, но и укладываться в бюджет рабочей семьи умели.

Такую фотосессию устраивали не часто, не ежегодно, конечно. Приурочивали либо к дате какой-нибудь, либо к событию, значимому для всей семьи.

У Харламовых событие было, что называется, из ряда вон. Семья раскалывалась на две половинки: мать с детьми – отец.

Между Борисом и Бегоней не было ни ссор, ни скандалов, ни конфликтов. Не было измен или подозрений в них. Никакой вообще разобщенности не было. Но коли сознательно расставались, значит, развод. Что же еще?

Разводила Бегоню с Борисом сама жизнь. Те диковинные обстоятельства, в которые они угодили из-за иммигрантской предыстории жены-испанки.

Отец. Это наше прощальное фото. Сентябрь пятьдесят шестого. Накануне отъезда моих в Испанию. В тот момент мы с женой понимали – семья наша может разъединиться навсегда.

Попробую объяснить, что же с нами происходило. После смерти Сталина в отношении испанцев, эмигрировавших в Советский Союз в 1936 году – во время гражданской войны в Испании, – было установлено правило: захочет человек вернуться

на свою родину, чинить препятствия не будут, но если в течение двух лет в Союз он обратно не приезжает, то дорога сюда ему закрыта навсегда. Отчего раньше-то шлагбаум не поднимали? Вроде как слышал я: мол, после окончания войны в сорок пятом правительство Сталина заявило: «Мы принимали детей у республиканцев, вот им и вернем». А генерал Франко-то оставался у власти.

Я видел, я чувствовал, что Бегоня очень рвалась повидать родителей, в особенности отца, к которому была привязана с детства. А тут молва прошла – испанцы могут вернуться к себе. Ну как я мог этому воспрепятствовать?!

Так мы с Бегоней и порешили: она с детьми едет на родину, а дальше видно будет.

Все оформление отъезда велось по линии общества Красного Креста. В первый раз после войны испанским детям разрешили поехать в родную страну. Нервы нам не трепали, волокиты с документами что-то и не припомню. Никаких «хождений по мукам» у нас с Бегоней не было.

А вот проводы помню.

Я ведь поехал на поезде до Одессы, откуда мои на корабле «Крым» отплывали до берега испанского. Ходил по всем вагонам и прощался с испанцами – друзьями, знакомыми и незнакомыми. Душевно было. Весело и грустно разом. В том поезде были пограничники, которые до кучи осмотрели мой нехитрый багаж. Увидели букварь, учебники, которые хотел передать детишкам. А там везде Ленин да Сталин. Пограничник предупредил, чтобы я этого не делал. Ну да ладно, поглядим, как, что.

Всю ночь шла посадка-погрузка на пароход «Крым». Огромный. Белоснежный. Я таких и не видывал. А там как было: ступил на палубу – и ты уже за границей! Целый пароход испанцев был. Я попросил позвать жену, а детей велел не будить. Бегоня вышла ко мне, спустилась по трапу. Обнялись. Поцеловались трижды. По русскому обычаю. Какие-то слова.

Ну я тут под это дело и обращаюсь к пограничникам: вот, дескать, детишкам учебники хочу передать – дозволяете? А они: да пожалуйста, батя. Я их в авоську положил и передал супруге.

На причале нас трое было перед тем, как пароход отчаливать стал: еще русский и испанец Хосе. Через веревочку – канат там был протянут – выпили на прощание. Пожелал им счастливого пути.

На душе было у меня как-то путано, не верилось, что расстаемся навсегда. Не хотелось мне в это верить.

Корабль исчез в морской дымке. Я постоял-постоял и поплелся в город. На выходе из порта разговорился с незнакомым

пожилым испанцем, жителем Одессы: «Я тут уж который день провожаю пароходы. Как на работу в порт хожу».

Еще помню, провожал я позже Гомеса – футболиста московского «Торпедо».

А тогда покатил я на поезде обратно в Москву. Вагоны были почему-то пустыми. Проводники даже предложили нам сдать билеты, а взамен мы договорились на бартер: мы им немного денежек – они нам немного водочки.

За окном мелькали наши просторы. Не представлял себе, что больше не увижу самых близких мне людей. Но как-то готовился и к худшему. *Сестра.* Жили мы в Бильбао – главном городе испанских басков. Приехали в сентябре. А всего пробыли там восемь месяцев.

Языкового барьера у нас с братом вообще не было. Мы же с детства жили в общежитии испанцев, а потом в большой коммуналке, где среди соседей тоже были испанцы: с русского мигом переходили на испанский, а затем так же легко в обратную сторону. Но в целом у Валеры разговорный был получше, чем у меня. Щебетал только так!

Поселились, ясное дело, у дедушки с бабушкой – у маминых родителей.

Очень даже обеспеченными людьми они были. И наследство кое-какое им досталось, и сам дед работал, и на него работали. Какой-то бизнес имел, что-то с электричеством связанное.

Жили мы не в квартире – в хоромах барских! После московской-то коммуналки это означало, считай, попасть в графский замок… Хотя и в той нашей огромной комнате с видом на автодорожный институт нам с братом вольготно жилось.

Там, в Бильбао, на первых этажах зданий располагались магазинчики, бары, гаражи, склады. А люди жили выше. Наша квартира была на втором этаже с выходом в патио – внутренний тенистый дворик. Всего было семь комнат. Больше, чем вся наша коммуналка в Москве! Мы с братом в первые дни с широко открытыми глазами перемещались по дедовским владениям, но к хорошему, как известно, быстро привыкаешь. Одна комната – специально для хранения продуктов: овощи и фрукты в красивых плетеных корзинах, на деревянной перекладине на крючьях висят аппетитные окорока – бабушка заходит туда и срезает нам с Валерой огромные тонкие ломти для бутербродов, фирменное изделие испанской гастрономии – хамон называется. В той же кладовой были корма для собак – дедушка же на охоту ходил и держал двух красавцев-сеттеров. Мама – в одной комнате, Валера – в другой, я – в третьей, спальня маминых родителей, столовая, кухня.

Осень 1957 года. Бильбао (Испания). Бегоня Харламова с детьми и своими родителями

Мамина икона, которая всегда стояла у изголовья кровати

Праздник в Испании

Адаптировались мы в школе легко. Но я легче, чем брат. Там как заведено было: зашел в здание, классы для девочек налево, для мальчиков направо, а двор для прогулок – общий; пришел в школу – надо помолиться, на большой перемене – тоже изволь молиться, после занятий – снова молиться. Ну а что поделать, католическая же страна.

Валера ходил во второй класс. Успеваемость нормальная была, а вот молиться ни в какую не желал. Да и не знал толком, как там что принято по католическому обряду. Всем только мешал. Ну, его классный руководитель раз огрел линейкой по рукам, другой, третий. В Испании это считалось в порядке вещей, дозволялось так наказывать школьников за непослушание. А Валерка-то ничего дома не рассказывал, терпел и терпел, но как-то за ужином мама заметила следы на руках от этой линейки. Назавтра, еле сдерживая праведный гнев, помчалась в школу. Разобралась скоренько. Больше Валеру Харламова из Советского Союза не трогали и молиться не заставляли.

Отдыхали мы в Бильбао просто замечательно! То с мамой куда-нибудь выбирались – живописные окрестности, холмистый рельеф, да и по самому городу, уютному и чистенькому, приятно было прогуляться, то сами находили себе развлечения. Брат в футбол гонял до одури, друг его закадычный спустя годы дорос до основного вратаря «Атлетика» из Бильбао! А я все прыгала через скакалку. Там-то все иначе – обязательно… поют при этом. Вместе с Валеркой на роликовых коньках учились кататься, в диковинку же было, ведь в Союзе о них и слыхом не слыхивали,

появились они, кажется, только в горбачевскую перестройку. Еще любили мы гулять в районе заброшенных шахт: заросли ежевики, помню, там были; полудикая природа. Вольницей для нас, москвичей, это было.

Приведу полные имена наших с Валерой дедушки и бабушки по материнской линии, а также нашей мамы.

Отец мамы – Бенито Орибе Бараона.

Мать мамы – Антония Абад Арранс.

Дочь – Бегоня Хермана Орибе Абад Бараона Арранс.

Орибе – первая фамилия отца, Абад – первая фамилия мамы.

Бараона – вторая фамилия отца, Арранс – вторая фамилия мамы.

Мария Бегоня – церковное имя нашей мамы, Хермана – ее гражданское имя. Маминых родителей, у которых мы жили в Бильбао, звали Бенито (дед) и Антония (бабушка). Наша мама была у них единственной дочерью.

У мамы нашей были еще два брата и одна сестра: все двоюродные по документам, по кровному родству, но жили вместе одной семьей и считались просто братьями и сестрами – так принято в Испании, когда под одной крышей живут.

Валера с мамой в парке аттракционов на Арчанде – самой высокой горе в Бильбао. Это самое теплое место в окрестностях города

С маминими друзьями

Бабушка и дедушка по маминой линии, такие, какими увидели их Валера с Таней в первые дни приезда. В далекой Испании. В далеком детстве… Бильбао, улица Урасуррутия, дом 28. Дедушка Бенито и бабушка Антония у своей машины рядом с домом, где была их многокомнатная квартира

Их в тридцать шестом году, когда в Испании вспыхнула

гражданская война, раскидало по свету. В Алжир, во Францию, в Англию. А маму, как самую активную пионерку, – в Советский Союз. И все это происходило без согласия и даже без ведома родителей: ее отец Бенито был на фронте, а мать Антония сидела в тюрьме за подпольную деятельность. Впоследствии маме довелось свидеться с сестрой и одним из братьев, не встретилась только с тем, кто в Африку подался.

Однажды в Бильбао выпал снег. Снег настоящий! Мы ошалели от счастья! Как же мало детям надо. Это был праздник для нас с Валерой, мы же соскучились по русской зиме и не чаяли здесь, в Испании, что-либо похожее увидеть. Правда, Бильбао находится на севере страны, в горах, но тогда, в начальной школе, мы были далеки от нюансов физической географии. Забыли про все на свете – лепили снежки и бросались ими с балкона. На тротуаре делали ямки и присыпали их тонким слоем снега: прохожие, которым зима была в диковинку, конечно же попадались в нашу ловушку и пусть неглубоко, но проваливались. Однако никто не сердился на русских детей.

Первые этажи зданий сдавались арендаторам («лонха»): кто держал бар, кто магазин, кто гараж. А в этом доме на первом этаже обитали… два ослика. Использовали их для перевозки грузов. А русито Валера и Таня катались на них.

Бенито с Антонией душой прикипели к нам – к внукам. Других же сыновей судьба раскидала по белу свету, а тут любимая дочь с детьми приехала из далекого и непонятного Советского Союза, приехала насовсем, приехала жить и воспитывать своих сына и дочь. Я всегда сопровождала бабушку в церковь и молилась там как положено. А Валерка повсюду с дедом мотался – и по служебным делам, и просто так на машине покататься. Дед даже мигалку при поворотах не включал, потому что внучек высовывал ладошку из открытого окна и показывал водителям, куда Бенито собирается совершить маневр. И ничего – все четко проходило, никаких дорожных происшествий не было. В городе Бильбао так девятилетнего Валеру Харламова и прозвали – русито. Сидели в уличных тавернах и с улыбками показывали рукой на дедовский «лимузин»: «Вон, смотрите, Бенито снова со своим русито разъезжает!» Дед очень хорошо играл на гитаре и пел замечательно. Горожане часто собирались в таверне только для того, чтобы услышать деда. А еще русито танцевал и показывал фокусы. Фокусы какие – с картишками в основном. Газету рвал на части и враз собирал ее вместе. На Новый год – именно в этот праздник баски гуляют на улицах и в тавернах, а Рождество непременно встречают дома – братишка заработал большущий поднос пирожных и даже денежек принес. Уж и

наелась я до отвала.

В погожий день на Арчанде

Мамины родители были басками. Это народ особый. У басков свой язык, свои традиции, свой менталитет.

Тогда, в пятьдесят седьмом, эти отличия не так бросались в глаза. Ладно нам, детям, – так даже мама ничего особенного не примечала. А все почему? Потому что диктатура генерала Франко все жестоко подавляла, буквально выжигая любое мало-мальское инакомыслие. А вот после его смерти стало все острей проявляться стремление басков к автономии. А народ этот еще с прошлых веков выделялся своей воинственностью.

Я, уже будучи взрослой, несколько раз вместе с мамой гостила у родни в Испании. Это были 70-е годы. И уже тогда буквально в воздухе этой прекрасной страны ощущалась напряженность, которая возникала из-за яростного стремления басков отделиться от Испании. Дважды я это на себе испытала. На автостраде нашу машину остановили – проверка документов. А я, как назло, при себе ничего не имела. Полицейские поначалу решили, что я на баскском выражаюсь, и сразу насторожились. А когда услышали, что мы с мамой из СССР, то облегченно вздохнули и пожелали доброго пути. В другой раз я так легко не отделалась, хотя загранпаспорт был при мне: не поленились и отвезли меня в ближайшее отделение полиции для выяснения моей подозрительной личности.

Мамин двоюродный брат с дочерьми Херманой (названной в

честь мамы) и Пепи. Установить, кто у него на руках, не удалось. Это тот брат, которого во время гражданской войны в Испании отправили в Алжир

Бегоня Хермана – будущая мама хоккеиста Харламова в

детском доме в Одессе с подружкой-испанкой. Там она десятилетней девочкой жила после приезда в Союз до Отечественной войны, когда ее эвакуировали в Саратов и потом в Тбилиси

Так что Валерий Борисович Харламов – наполовину русский, наполовину испанец. Строго говоря, не испанец, а баск наполовину.

В его жилах текла кровь небольшого, свободолюбивого и самобытного народа.

Отец. Я подарки им посылал. Мяч футбольный шикарный Валерику! Кожаный. Духи Бегоне – «Красная Москва». Оформлены они были плоховато, зато по качеству ох как хороши были – в Париже на выставке первое место взяли!

Сестра. В Испании мы жили как у Христа за пазухой. Тихо. Спокойно. Тепло. Чисто. Безмятежно жили. Бытовых проблем вообще не знали, напротив, полное изобилие, одеты-обуты. Ну чего, казалось бы, еще надо?!

Харламовы высоко над Бильбао и далеко от Москвы, где остался глава семейства

Все хорошо, все просто замечательно было у Харламовых в Испании

Однако маме нашей было как-то не по себе. Не сразу это она ощутила, наверное, месяца три-четыре минуло. Ее душевное состояние все ухудшалось. За нами откровенно, даже не пытаясь это скрывать, следили, контролировали буквально каждый шаг, вплоть до того, какие радиостанции слушаем по вечерам. Кто-то из вернувшихся из Союза терпел, привыкая к такому безропотно, а кто-то мучился, его организм отторгал такую жизнь – будто в клетке. Почти все мужчины из числа тех, кто прибыл в Испанию на пароходе «Крым», оказались потом в тюрьме.

Мама еще со времен своего детства до эмиграции в СССР привыкла резать правду-матку, невзирая на лица; могла, особенно если что-то больно заденет ее, идти до конца, борясь за справедливость.

Это недовольство наряду с душевным дискомфортом накапливались, накапливались – и, наконец, уже по весне мама не выдержала и написала папе весточку: «Прошу тебя, Боренька,

забери нас отсюда! И – поскорей, ради бога».

Отец быстренько оформил необходимые документы по линии Красного Креста с требованием вернуть детей.

А нам, детям малым, мама, плотно закрыв дверь своей спальни, сказала просто и решительно, тоном, исключавшим возражения: «Дети, мы едем к нашему папе. Домой возвращаемся. В Москву».

Отец. Письма из Испании получал регулярно. И сам тоже писал им в ответ.

Сестра. Сам город Бильбао, где мы жили, расположен в низине, а вокруг горы – серпантин на серпантине. Иногда выбирались на машине в живописные окрестности. На этом снимке: довезли нас на самую гору, мы вышли полюбоваться видами, внизу – море.

Ночь перед отъездом из Бильбао. Мы с братом потом многие годы ее вспоминали. Бабушка с дедом не хотели нас отпускать. Очень. И что удумали – выкрасть нас с Валеркой и под покровом ночи увезти в горы, в отдаленную деревушку! Мой братик услышал через стенку их беседу между собой и мигом доложил матери. Она завела нас в свою комнату. Мы спали одетыми на одной кровати с ней, чтобы в случае чего выбежать на улицу и кричать о том, что нас разъединяют.

Возвращались мы долго. Ехали на поездах. Сначала отправились во Францию. Из-за того, что в те годы в Испании не было советского посольства. В Париже месяц жили у маминой тетушки. Ничего в памяти от тех дней не отложилось.

Мы с Валерой жили ожиданием встречи с Москвой. Помню только, как медленно и нестерпимо тягуче поезд катит вдоль перрона Киевского вокзала.

Мы с братом визжали от радости, завидев в окошко отца, – выбежали к нему, он стиснул в объятиях сына, опустил его на землю и, глядя мимо меня, спросил: «А где ж Таня-то?!» Не узнал меня. Ладно, повзрослела – уезжала с челочкой, а вернулась – и все на пробор. У меня ведь еще и лицо все разбитое было: когда Чехословакию проехали, на советской пограничной станции Чоп двое суток торчали – всякие проверки и проволочки, на другой поезд пересаживались, потому что ширина железнодорожного пути различалась в Союзе и в Европе. Мы с другими детишками пошли к огромному забору играть во что-то, Валерка еще попросил: «Вы только сестру мою Таньку не сальте, а то упадет обязательно!» Как в воду глядел. Ну, я с того забора высоченного и сиганула, навзничь упала. Валерка принялся меня щекотать, а я не реагирую. Мать прибежала, у нее истерика началась, конечно.

Отец. Я как телеграмму из Чопа получил – поезд такой-то,

вагон такой-то, – прямиком на завод побежал отгул брать. Ясное дело, мои мать с отцом прознали о таком событии. А было это под Пасху, точно помню, что под Пасху.

Отец-то мой отродясь на такси не катался, а тут аж ЗИМ заказал! Как-никак, внук с внучкой на родину возвращаются, они ведь тоже не ведали, доведется свидеться с ними когда-нибудь али нет. Ну, дед Валеркин, правда, так разволновался, что перепутал и прикатил сначала на Курский вокзал. Но с запасом прикатил и потому успел вовремя на Киевский.

Я по перрону шел – ноги меня то сами несут, а то подкашиваются. Волновался жуть как. Встретились. Они как из вагона-то вышли, меня счастье переполнило. Обнялись. Поцеловались.

Домой на Ленинградский проспект на ЗИМе подруливаем. Поднимаемся к себе. Батюшки-светы – а стол-то наш огромный накрыт скатертью-самобранкой! Оказалось, что матушка моя все, что состряпала к Пасхе, сюда и притащила. Ключи же у нее от нашей комнаты были, само собой. Я еще, помню, сбегал в ближайший магазин и купил маленькие такие бутылочки шампанского. Для женщин, сами понимаете.

Хворый

Отец. Это он в Красной Пахре. Под Москвой. Красивое очень место. Но нам тогда не до красот было. Сын тяжело болел. Лежал в больнице. А когда выписался, его направили в санаторий – специальный, для детей-сердечников.

Сестра. Валерка очень часто болел ангиной. Одна за одной, одна за одной. И вот был один такой случай. Только переболев очередной раз ангиной, пошел в ванную мыться. Это в коммуналке нашей было. Хотел свет включить правой рукой, а она как плеть повисла. Брат упал. Хорошо еще, дома все были, мама тоже была. Его сразу подхватили и уложили в кровать. Вызвали скорую.

Отец. И до этого случая Валерик очень часто хворал. Диспепсия, скарлатина – ну все к нему, бедному, прилипало. Еще дизентерия была. До двух лет всеми детскими болезнями переболел. И потом не скучал.

Сестра. Мама то и дело сидела с ним дома, брала больничный лист. С его-то болезнями и выхода другого не оставалось. Ее даже уволили с работы. Но мама не отступила и не сдалась, подала в суд, там разобрались и распорядились восстановить ее на работе. Вернулась на завод.

Отец. С рождения до года у сына диспепсия была – неусвоение пищи. Мы с женой попеременно в больницу к нему ходили. Дежурили там круглые сутки. И на полпути встречались, переговаривались, как там что у ребенка. А все хуже и хуже было.

Сестра. Но однажды мама наша так идет понуро и плачет. Худенькая, черненькая, красивая. И беременная мною уже была. А навстречу ей старушка незнакомая:

– Дочка, что плачешь-то? Стряслось что?

– У меня сынок болеет. Не ест ничего. Совсем, говорят, плохой. Не жилец. Левую ногу парализовало.

– Не бойся, доченька. Все сделаю. Завтра придешь к нему – и он пойдет на поправку.

Отец. Я с утра пораньше пошел в больницу. А там окна выходили на улицу, на первом этаже были – хорошо все видно; все детишки стриженые и в отдельных боксах. Вчера, позавчера вялый такой был, а тут узнал меня сразу и оживился. Вот те на! Ну я встречаю Бегоню, а она, обалдев от радости, говорит и вроде как не верит сама: «Хороший сегодня Валерик».

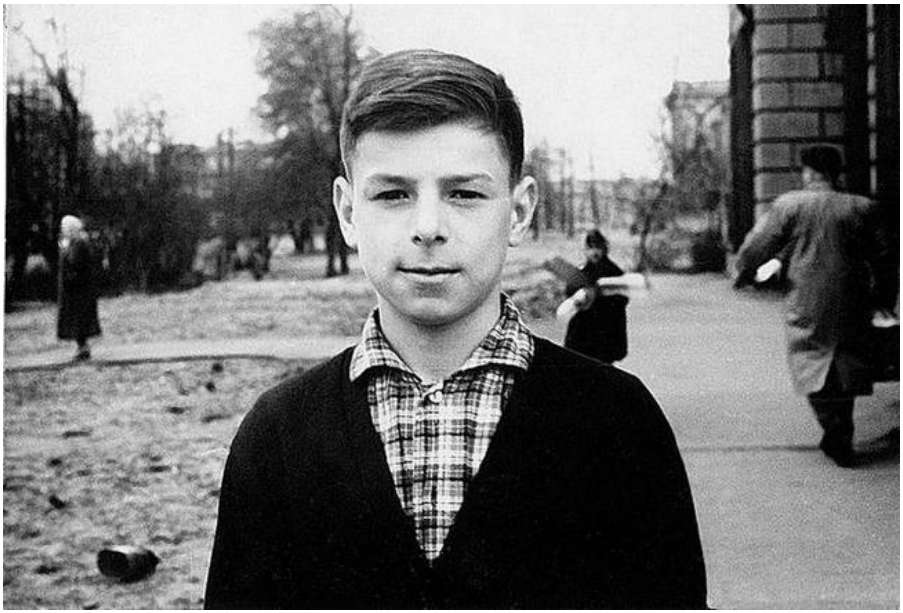
Сестра. Вот что за чудо эта старушка сотворила?!

Отец. Дизентерией Валерик болел. Мы с ним в Морозовскую больницу сунулись – не принимают нас.

Сестра. Грудничок же был. Жуть. Что родителям выпало… Как ребенок мучился…

Летом 1961-го – в детском санатории для сердечников в подмосковной Красной Пахре

Харламов и Харламов



Осень 1961-го. Валере Харламову рекомендованы прогулки в ближайшем парке

Отец. Нас нигде не приняли. В 11 месяцев он пошел. А летом все ж таки уложили его в больницу.

Сестра. Однажды родители пришли его навестить. Заходят в палату, видят картину – ребенок в кювезе лежит. Врачи уже говорили: «Надежды мало».

Отец. После того случая, когда он в ванной упал, парализовало у Валерика правую руку и левую ногу. «Детский паралич» – диагноз врачи поставили. И объяснили, что это все – последствия многочисленных ангин. Врачи предупредили: «Следите, чтобы не простужался. Аккуратней с мороженым. Ноги в тепле держать. Горло шарфом укрывать. Чтоб не на ветру был».

Мало того, прошло какое-то время – и порок сердца обнаружили у него. Только в этом возрасте. В 13 лет.

Врачи все приходили, приходили, пока мама через Красный Крест не добилась, чтобы его положили в 7-ю, кажется, больницу.

Это в апреле было. В шестьдесят первом. 12 апреля. Когда Гагарин полетел. Маму нашу направили от завода его встречать. Ну, она, конечно, рванула к Валерику. А из больницы его потом на «скорой» перевезли в санаторий в Красную Пахру.

Катание на лодке у Тимирязевской академии

Это они катаются на лодке у Тимирязевской академии. Там большой пруд и красивый парк. Нам-то близко было, от Соломенной сторожки пройти минут пятнадцать или проехать на трамвае, на 27-м, пару остановок. Валерик здесь школьник уже, лет 12–13 ему определенно. А что жена не побоялась сына на весла посадить, так он к тому времени умел плавать, а она бултыхалась почти на месте, ну, по-собачьи что-то могла изобразить. *Сестра.* Строго-настрого запретили активное движение. Прыгать? Бегать? Какое там! Только шахматы и шашки. И чтобы тишина была дома полнейшая. Что в коммуналке с пятью семьями не очень просто обеспечить. Любой активный нагрузочный спорт исключили категорически. Только пинг-понг в санатории разрешили. И то сказали, чтобы недолго играл. Потом еще под Звенигородом в заводском пионерлагере брат побыл, ходил там как неприкаянный. Порок сердца у мальчика. Что тут поделаешь?

Отец. Его выписали из санатория для сердечников в августе, а в сентябре, как обычно, запись в секцию хоккея в ЦСКА проходит. Набор после просмотра. И он тихо-тихо пошел туда записываться.

Сестра. И слова даже отцу, считайте, тренеру его сызмальства, не сказал. Увидел где-то объявление о наборе в ЦСКА – и в назначенный день и час прошел с друзьями два квартала и очутился в ледовом дворце.

Отец. Конечки-то у него были. Гаги. По тем временам – хорошие конечки. А я только через два дня узнал обо всем этом.

Сестра. А от матери брат с отцом еще долго скрывали про хоккейную секцию. Она, ясно, на дыбы встала бы.

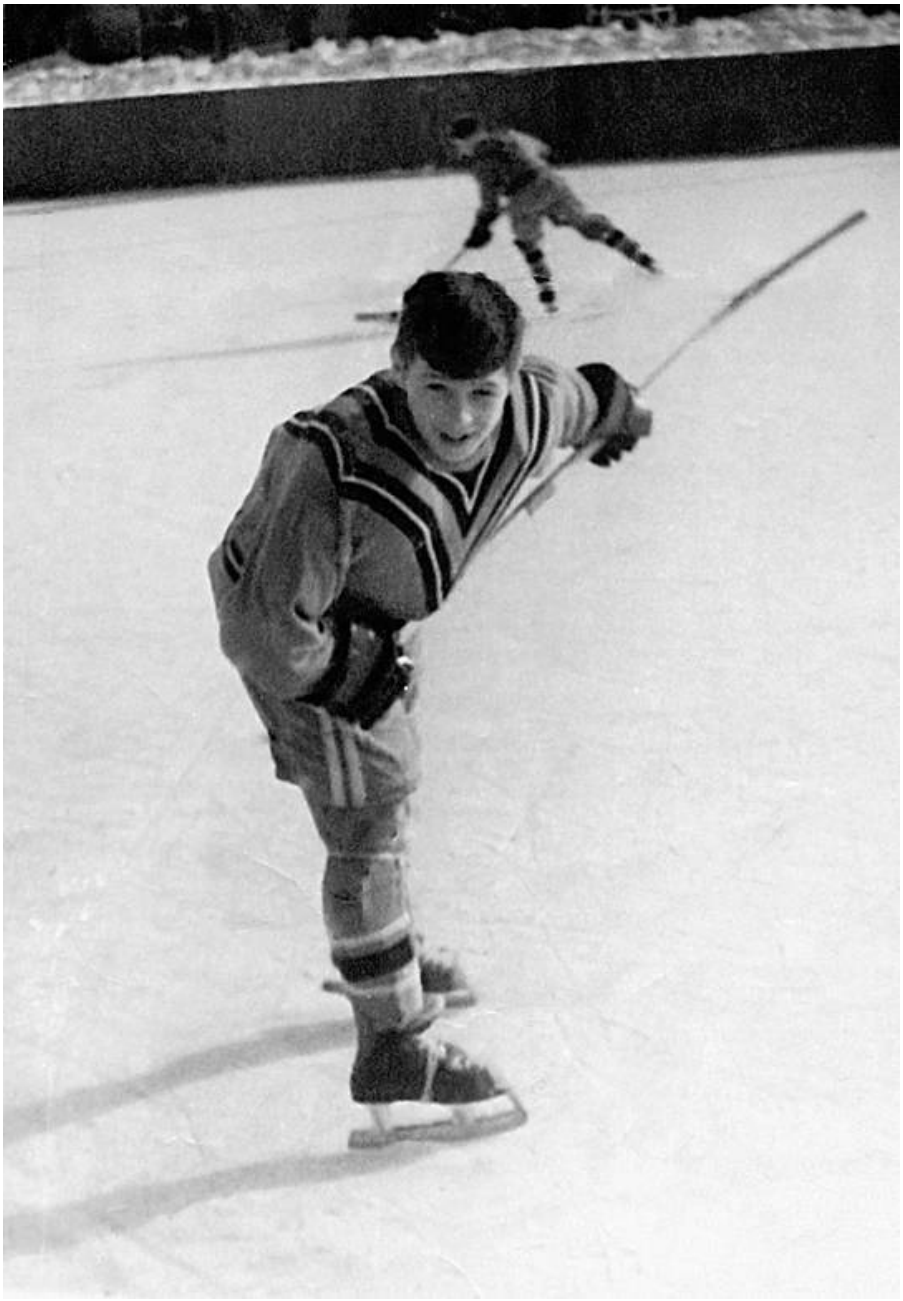
Отец. Рисковал ли я, зная про все его болезни тяжелые? Боялся ли я взять на себя ответственность? Нет, не боялся. И не было такого настроения, что вот очень рискую здоровьем сына, что я похож, как там говорят про японцев, на камикадзе. Сам я играл в русский хоккей и Валерика всегда брал с собой в выходные дни, когда матчи городского первенства проводились. Я, значит, в поле гоняю, а он за воротами катается себе в удовольствие. И во дворе он катался охотно и помногу.

А почему бы немного не пошалить?

Я же чувствовал, что нет у него никакой одышки. Та же картина была летом, когда на футбол переходили. И не болел, не

простужался сын, даже не чихал. Но каждый месяц в Морозовской больнице врач делал ему укол со специальными лекарствами. Это мы не пропускали. Ни в коем разе. Не припомню уж, сколько времени прошло, с полгода пожалуй, и тот же самый врач обратился ко мне: «Больше вашему мальчику не надо сюда приходить. Но в движении ограничивайте его, покой прежде всего».

Валерик уже в ЦСКА занимался. Мы приехали в Морозовскую больницу где-то через год, чтобы провериться: он там на учете состоял. Сделали ЭКГ.



Начало хоккейного пути. На открытом катке ЦСКА на Ленинградском проспекте

Четырнадцатилетнему Валере привычно и хорошо в коммунальной квартире

– Все хорошо, все нормально. Сами удивлены. Как это вам удалось? Строго нашим рекомендациям следовали, наверное?

– Да он уже год как хоккеем в ЦСКА занимается.

– Не может быть!

Я как рассуждал: уж лучше тренироваться в ЦСКА под контролем врачей, чем снег жевать и гонять во дворе, где не дозовешься, если что не так. В тринадцать лет таких, как сейчас, нагрузок не было у ребят, да и занимались на воздухе, а не в духоте дворцовой. Повезло нам, чего уж там.

В ЦСКА при приеме не спросили медсправку! Нам-то, если б потребовали, никто ни за какие коврижки ее не выдал бы. С пороком-то сердца! Тогда как отбор производили: понравился ты, приглянулся тренеру – брали в секцию и играй себе. Никаких диспансеризаций. Хотя отбор еще надо было пройти. Желающих было хоть отбавляй. Валерик приглянулся чем? Думаю так, что катанием и смекалкой игровой.

Самым первым тренером был Старовойтов Андрей Васильевич. А потом уже коалиция возникла – Ерфилов Виталий Георгиевич и Тазов Вячеслав Леонидович, вот они несколько лет с сыном проработали. А Кулагин Борис Павлович все и всех отслеживал, присматривался; подозвал меня как-то: «Он (указывает на Валерика) ваш сын? Если будет стараться на тренировках, будет хорошо учиться, вырастет в мастера. В

большого мастера – помяните мое слово».

Вот эти слова я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Сыну не говорил про них, но сам поверил Борису Павловичу. И когда тяжело приходилось сыну, а пробивался тот ох как нелегко – не все же верили в него, – я всегда подбадривал себя тем, считайте, обещанием Кулагина, который и специалистом был уважаемым, и человеком, каких мало сыщется.

А как хоккеем занялся серьезно, никаких тебе болячек и простуд. Как рукой сняло! Аппендикс только удаляли.

Ну, это – отдельная история.

Уже чемпионом мира был. Неоднократным. Вернулись они из Швеции. Валера домой приехал, и что-то ему не по себе. Молчал поначалу, а дальше жаловаться стал. Ну, мы скорую помощь вызвали – приехали два амбала, все трубками перевешаны, как пулеметными лентами: «Может, поел жирного. Может, перемена климата…» А я им: «Какой климат, если он из Швеции вернулся? Там так же, как у нас». Что-то они вкололи и укатили. А Валере все хуже и хуже. Хорошо, кто-то догадался позвать друга его Чувакова, соседа по подъезду. Он студентом медицинского был. Вот он – то ли Володей, то ли Виктором звали – сразу определил, что аппендицит. Притом – острый!

Снова неотложку вызвали – и в Боткинскую больницу. Там Кузькина мать (вот как невольно слова сложились!) работала, через нее я узнал, что оперировали благополучно и что лимончики нужны. Туда-сюда разговор идет, и тут узнаю – у сына перитонит мог уже начаться. Если бы приехали на час-два позже, врачи, как сами сказали, его не спасли бы. Три часа операция шла. Так-то вот. Судьба сжалилась в конце концов.

Школа

Сестра. В школьные годы мы с братом не доставляли неприятностей родителям. Они хлопот с нами не знали. Какой подарок делали маме с папой к Новому году? Хорошие и отличные отметки в школе. Валерка успевал по всем предметам прилично, арифметику на лету схватывал, этого было у него не отнять, только почему-то французским пренебрегал, хотя по-испански стрекотал только так. Домашние задания по французскому я ему делала. А он моим голосом ко мне же и обращался в это время:

– Тань, дай трэ до понедэ!

– Кес ке се? – спрашивала я его на французском; мол, что это такое? И он отвечал:

– Комар муху укусэ, муха лапкой потрясэ, вот и вышло кес ке се. Мы действительно хорошо учились. И вели себя нормально.

На родительские собрания мама иногда ходила, худого слова в наш адрес не слышала там. Раз только вызвали ее в школу. Валерка соседского мальчишку излупил…

А было как? Я в 6-м «А» училась, а Валерка – в 7-м «Б». В нашем классе ученик один был хуже некуда: плохой был по нутру своему, учился плохо, вел себя плохо. Встал вопрос о том, чтобы перевести его в пионеры – принять в пионерскую дружину.

Ученик 1-го «Б» 642-й школы. Харламов Валера – третий ряд, крайний слева. Он был отличником. И что любопытно – классная руководительница носила фамилию Харламова. Многие были

уверены, что она родственница прилежного и способного ученика

Ученик 3-го «Б» 642-й школы Харламов Валера – за третьей партой в правом ряду

Ученик 6-го «Б» 642-й школы Харламов Валера – пятый ряд, второй справа

Шестиклассники Саша Ущека и Валера Харламов

Ученик 8-го «Б» 706-й школы Харламов Валера (*второй справа*) предпочитал сидеть на галерке

Выпускное коллективное фото. Харламов – нижний ряд, крайний слева

А я-то была председателем совета дружины и не дала на это разрешения. Этот хмырь подловил меня в закутке каком-то и ударил пару раз. Брат, как прознал об этом, отлупил моего обидчика за милу душу. Хотя тот и повыше Валерки был.

Ну, его родители пожаловались в школу. Пошло разбирательство, как водится…

А жила их семья на одной с нами лестничной площадке. Мать его как-то потом уже позвонила к нам, видать, мириться пришла, а наша мама открыла дверь: «А-а-а, это вы» – и захлопнула с треском дверь перед ее носом.

Больше родителей в школу не вызывали. На собрания ходили. Не всегда. А что ж ходить, если только хвалили нас?

Учились мы с Валеркой в одну смену, в утреннюю. Удобно это было и для нас, и для матери с отцом. Школа совсем рядом находилась. Из двора выйдешь, налево – вот и она. Классным руководителем у него был завуч освобожденный – Тамара Владимировна, а у меня учительница литературы. А учительницей физкультуры была замечательная Галина Михайловна. Кстати, жива до сих пор…

На этом снимке – ученик 8-го «Б» Харламов Валера. Сидит на галерке, вдали от посторонних глаз, учительских в том числе. Виден комсомольский значок на школьном пиджачке. А в

комсомол Харламова, довожу до вашего сведения, принимала не кто иная, как… Харламова Таня. Его сестра. Я была секретарем комсомольской организации нашей школы. Братик мой учился хорошо. Это говорю без всякой натяжки или какого-нибудь приукрашивания. Двоек вообще домой не приносил, троечки случались, но редко очень. А обычно – пятерки или четверки.

Особенно хорошо успевал по математике. Задачки щелкал как орехи! Соображал быстро и верно. Даже на районной олимпиаде по математике отличился однажды! А там в чем сложность была – предлагались задачи нестандартные, которые простыми формулами не решались и которые были по силам только ребятам сообразительным, способным раскусить крепкий орешек. Ну, Валера как раз нестандартным мышлением и обладал. В полной мере. И сохранил эту свою способность и в зрелые годы. И, между прочим, хоть я и женщина, позволю себе предположить: в хоккее этот его дар тоже пригодился в полной мере!

В 5–6-м классах у братика хватало времени и сил на учебу и в обычной школе, и в школе хоккейной. Ну а потом, сами понимаете, перевешивать начал хоккей. Однако не скажу, что стал учиться плохо. Уроков вообще не пропускал. Это было просто исключено в те годы. Но пятерок в дневнике все же поубавилось.

Переходный возраст

Отец. Первый, кто поверил в сына, серьезно поверил, – это Кулагин Борис Павлович. И сказал мне об этом в тот день, когда Валерику в ЦСКА выдали хоккейную форму, полный комплект, – в первый раз. Шли годы – и все сбывалось. Так что Кулагин для семьи Харламовых – человек особый. Благодетель. Ну как еще сказать?..

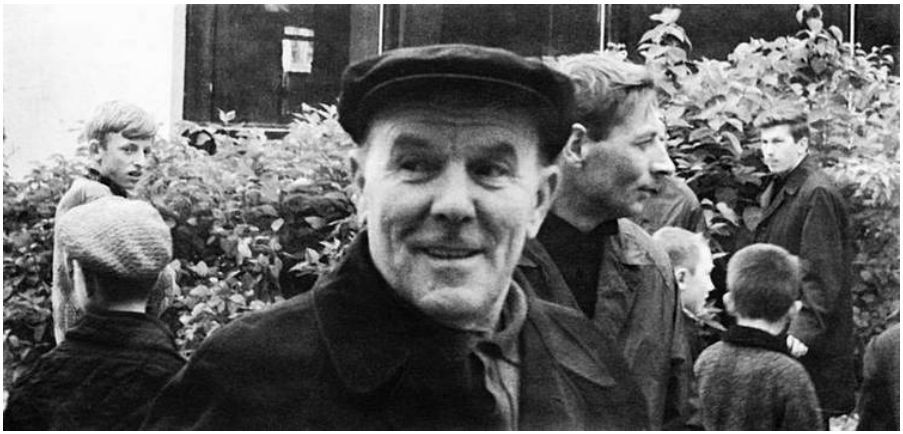
Сам я понял, что из сына будет толк, еще до ЦСКА. Во дворе, на каточке на Соломенной сторожке – видел, что игровик он. Я чувствовал это, ведь сам в русский хоккей и в футбол играл.

Сестра. Валерка потому еще не котировался, что очень маленький был. В физическом плане уступал, не выделялся, мягко говоря. Но без него команде не игралось.

И не выигрывалось, между прочим. И тогда он обводил, пасовал, забивал. Ребята к нему тянулись, тот же Володя Богомолов – капитан команды и комсорг – поддерживал брата.

Несколько лет тренером у брата в школе ЦСКА был Ерфилов Виталий Георгиевич. Очень любил наших родителей. Почему-то помню, что частенько бывал у нас дома.

В любой хоккейной шеренге не оперившийся еще Харламов выглядел так, будто был на два-три года моложе остальных



Сергей Гаврилович Харламов души не чаял во внуке, а уж когда тот в хоккей заиграл, старался матчей вообще не пропускать

То ли далеко жил, то ли по пути было, – от ЦСКА на троллейбусе вторая остановка наша была – «Протезный завод». Заглянет, обязательно дневник Валеркин проверит – чтобы двоек не было, чтобы замечаний по поведению не было, – с родителями посидит и перекусит.

Отец. Они в паре с Тазовым тренировали. Хорошим мужиком был Вячеслав Леонидович, но немножко выпить любил.

А Ерфилов довел Валеру до выпуска из школы ЦСКА.

Тройка у них была: Лопин – Богомолов – Харламов. Наигрывалась постоянно. Поехали в Минск на молодежное первенство Союза. Выиграли в финале у Новосибирска, еле-еле выиграли. А по возвращении Ерфилов им объявил: «Лопин – свободен, Богомолов – подыскивай себе другой клуб, Харламов – а тебя будут пробовать в основе».

Отец мой, между прочим, к спорту неровно дышал. В молодости в Коломне на заводе работал и играл в футбол на большой «поляне». Как прослышал про то, что внук в хоккейную секцию пошел, стал его заядлым болельщиком. На все игры Валеркины ездил, а путь не такой уж простой был – вроде от Соломенной сторожки до ЦСКА на Ленинградском проспекте и недалеко, а с пересадками и ожиданиями с часок набиралось. Обычно играли на улице, чаще на основной территории – рядом с ледовым дворцом, пореже – на Песчанке, где «коробка» стояла между футбольными полями, «гарюхой» и зеленым. Так стояли мы прямо на сугробах – и в любой мороз, бывало, вся наша коммуналка являлась на матч. Дед старался вообще не пропускать Валеркины игры. Души в нем не чаял.

Команда ЦСКА 1948 года рождения на родной открытой «коробке». Кто выглядит наименее заметно? Парнишка во втором ряду справа. Даже шапочка у него какого-то неспортивного покроя. Росточка совсем уж невеликого, да и в плечах широты не обнаруживаем. А это и есть Харламов. Тот самый, что спустя несколько лет станет ХАРЛАМОВЫМ! Его партнеры по звену – Володя Богомолов (*второй слева во втором ряду*), Валера Лопин (*третий слева во втором ряду*). Обещавший так много Саша Смолин – в третьем ряду второй справа. Защитник Миша Алексеенко – в третьем ряду второй слева. Коля Вакуров – в третьем ряду крайний справа, вратарь – Саша Панасов

Однажды – это уже когда внук по мастерам выступал – его не пускали во дворец ЦСКА. Он распалился не на шутку и пригрозил бдительным контролерам: «Коли так – сейчас внука моего позову и велю ему не играть сегодня!» Ну, бабульки встрепенулись: «А кто он, ваш внук-то?» И дед гордо выпалил: «Валера Харламов!» И на долгие годы моему отцу был включен зеленый свет при входе в цеэсковский дворец.

Однажды иду я в «Лужники», во дворец спорта. Дед у 10-го подъезда, служебного, стоит. Увидал меня и замахал рукой: «Сынок, давай сюда». Подхожу: «Что случилось, отец?» А он негромко, но значительно произносит: «Сынок, могу тебя провести во дворец…»

С Колей Вакуровым

Весь в игре

Команда ЦСКА сорок восьмого года рождения в полном составе. Валерику тут лет пятнадцать, а скорее даже еще четырнадцать. Первый или второй год регулярных тренировок в хоккейной школе ЦСКА. Вот второй слева во втором ряду – Володя Богомолов. Капитанил. Вот второй справа в верхнем ряду Смола – Саша Смолин. В «королях» ходил. Вот защитник Миша Алексеенко. В «Динамо» по мастерам играл. Валеру Лопина что-то не вижу… Очень рано умер… Вот Вакуров Коля. В

«Локомотиве» играл потом. Саша Панасов – вратарь.

Сестра. А Валерку нашего сразу и не заприметишь. Самый же маленький в команде. Кроха.

Ему посоветовали – мол, если хочешь подрасти, надо много прыгать и висеть на турнике. Ну, он и прыгал до одури, и висел тростинкой на ветру.

А вообще-то стал он расти заметно после того, как съездил на Черное море.

Лет в пятнадцать пошел в рост.

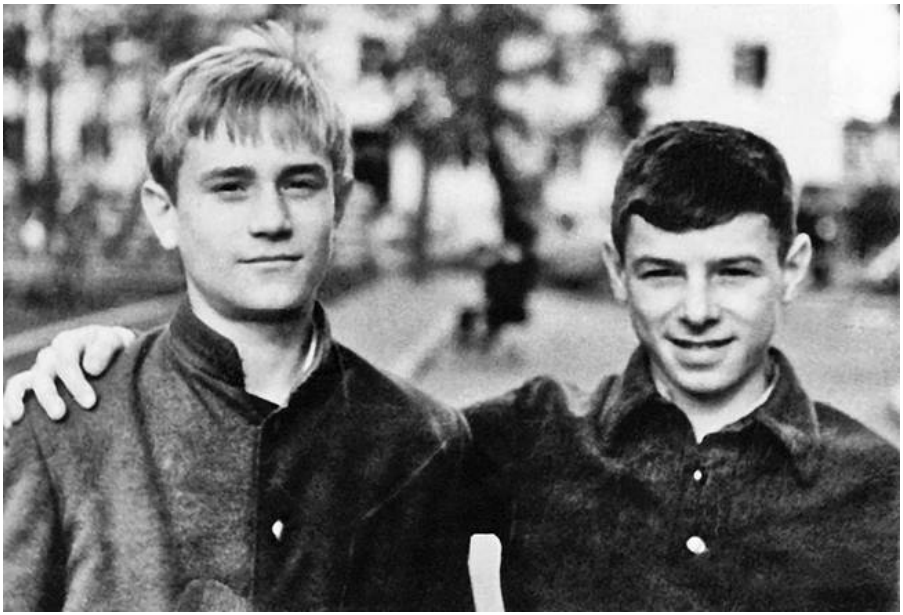
Однако еще в 10-м классе на уроках физкультуры был последним – самым маленьким оставался. Но симпатичным был. Знал, что недурен собой. А из-за роста шибко не переживал и тем более не комплексовал. Потому что еще каких-то грандиозных планов в хоккее не строил.

Отец. Они с Колей Гариповым выиграли первенство Москвы среди обычных школ; он тогда учился в 706-й, что ли, школе – за кинотеатром «Ленинград», в районе Песчаных улиц. Но о спортивных высотах даже со мной в том возрасте не заговаривал.

Сыну здесь лет четырнадцать – пятнадцать. Да-да, этот возраст. Матч какой-то играли на цеэсковской «коробке». Рядом с Валеркой Коля Вакуров. Нападающий. Потом в «Локомотиве» выступал.

…Забегу чуток вперед, чтобы не запамятовать.

Это Валера в армейском лагере под Солнечногорском (см. фото на с. 82, 93). С Сашкой Смолиным, с которым весь путь прошел в цеэсковской школе. Стоят в обычных солдатских гимнастерочках да в кирзовых сапогах. Уезжали ребята примерно на месяц.



С одноклассником и соседом по подъезду Сашей Карцевым

Десятиклассник Харламов кашеварит во время похода по Подмосковью

Поваляться на травке? Это можно!

В июне, кажется. Никаких телефонных звонков и никаких писем. Когда на тридцать дней, когда – на сорок. Один только раз вырвался и приехал в увольнительную. Утром явился пред наши очи и вечером вернулся в часть. На электричке добирался, там ехать-то всего ничего, часок с лишним. Помню, прибыл к нам на Угловой переулок, поел-попил досыта и предложил: «А давайте я пол вымою во всей квартире?» Ну, мы опешили, ясное дело, да кто ж от такого предложения откажется?

Перед футбольным матчем в пионерлагере

Рядовые Александр Смолин

и Валерий Харламов

Сын-солдат схватил ведро, налил его до краев и как жахнул разом по комнате – Бегоша чуть за сердце не схватилась, ужаснувшись такому методу. Он ведь привык в казарме драить полы на армейский лад…

Я пытаюсь вспомнить – а кем в детстве сын мечтал стать? Какую профессию хотел выбрать? И что-то ничего определенного не всплывает. Все помаленьку нравилось в школе, все его интересовало, радовало. В хоккейную школу поступил. Нравилось ему очень. Но чтобы планы строить в спорте – такого не было. Оттого еще, наверное, что не шибко выделялся среди сверстников по игре. До поры.

Сестра. Когда Валера закончил 8-й класс, в нашей семье возникла проблема: как ему дальше поступать – учиться в старой школе или перевестись в новую, где нагрузка поменьше будет? Или идти в вечернюю школу и устраиваться на работу? Вечером дома собрали семейный совет и порешили: я иду на завод, где родители трудятся, и начинаю приносить копейку в дом, а Валера

спокойно учится и заканчивает 10 классов. Так и поступили. Он тогда сказал нам: «Что из меня в хоккее получится, никто не знает. Буду стараться на полную катушку. Но если не выйдет в мастера пробиться, все равно буду поступать в инфизкульт».

Отец. Его моя сестра устроила в школу, которая за кинотеатром «Ленинград» находилась. От силы пятнадцать минут от дома было: Ленинградку перешел, Чапаевский парк и по Новопесчаной наискосок.

Там ему полегче было совмещать хоккей с учебой. Там они, кстати, с Колей Гариповым и товарищами первенство Москвы среди школ выиграли! Вот это было событие, будь здоров.

Сестра. Устроилась на завод электромонтажницей. На сдельщине была. Узлы делала, а испытывал их отец. Рабочим был высокого разряда. А мама – лаборанткой. Как-то быстренько я освоилась, работала практически без брака – и выходило в месяц 150 рублей с хвостиком. Очень даже существенная поддержка была для семейного бюджета. Отдавала я ровнехонько полтораста рубликов, а обычно где-то червончик-другой оставляла нам с братом. Этот «лишок» делили пополам. Оба жуть какие довольные ходили. То, что я пошла на завод фактически ради него, Валера ценил и помнил всю жизнь. Хотя никогда вслух красивых фраз по этому поводу не произносил.

В туристическом походе десятого класса 706-й школы. Справа – друг Вова Крюге

С друзьями. Снимок сделан во дворе дома рядом с метро «Сокол», где располагался рыбный магазин «Маяк». В момент открытия затвора Валера скорчил какую-то гримасу…

Первая поездка молодежной команды ЦСКА 1948 года рождения за границу – в Югославию. Харламов – в первом ряду второй слева, его крестный отец в хоккее Борис Павлович Кулагин – во втором ряду крайний слева, Андрей Васильевич Старовойтов – во втором ряду крайний справа

Не все поверят наверняка, но Харламов, уже став в хоккее ХАРЛАМОВЫМ, уже зарабатывая по тем меркам немалые деньги как ведущий игрок ЦСКА и сборной СССР, еще не будучи

женатым, всю зарплату и все премиальные приносил домой и клал в общий котел. Брал оттуда по необходимости, не спрашивая разрешения у главбуха в лице нашей мамы. В доме все было построено на доверии.

Отец. Копилок по углам в доме никто не держал. Все деньги в одном месте находились. У меня под 300 рублей выходило, у Бегони – 80; как-то справлялись, пока дети малые были, хотя частенько одалживали у друзей, чтобы перекантоваться.

Ну а когда Татьяна на заводе стала работать, попроще нам стало, намного проще.

В день получки мы заводской компанией заваливались в «Якорь» – рыбный ресторан в начале улицы Горького, от нашего завода десять минут ходу. Засылали загодя туда своего человека, чтобы все организовал и чтобы мы без проблем вечером, после смены, могли туда попасть. Ресторан-то котировался высоко. Жена, если обнаруживала прореху в бюджете, говорила то ли в шутку, то ли всерьез: «Борь, ты денег бери столько, сколько тебе надо. Только учти – в конце месяца сам будешь кормить-поить семью».

Футбольная команда «Метрострой», которую тренировал уважаемый специалист Нил Степанович Гугнин. Он верил в футбольное будущее Харламова (*первый ряд, крайний справа*)

Уральская ссылка

Отец. Сына оставили в команде мастеров. Уже выше крыши! Но в основе его не видели. Поди пробейся в ЦСКА, когда почти каждый год чемпионы Союза, когда добрая половина сборной из армейцев состоит. А играть-то надо – ну как будешь расти без практики? Локтев, если честно, Харламова перспективным не считал. Тарасов тоже зеленый свет перед парнем не включил, но Анатолий Владимирович погибче Константина Борисовича, помудрее в данном случае оказался. По осени дело было. В шестьдесят седьмом. Приехал в Москву Альфер Владимир Филиппович. Подполковником, кажется, был. Тренировал армейскую команду в Чебаркуле, это закрытый город в Челябинской области. Они с Тарасовым в дружеских отношениях были. Альфер в те дни просматривал игроков для своей «Звезды»,

благо в Москве их было пруд пруди. Валерка ему очень приглянулся. Владимир Филиппович привез Тарасову камень уральский – малахит, бутылочку какую-то особенную и стал упрашивать, чтоб Валерку к нему в команду отпустил. А Тарасов далеко видел, Харламова совсем со счетов не сбрасывал – простого игрока отправил бы в другой клуб и забыл о нем. Так вот, решил командировать в Чебаркуль по армейской линии двух игроков – Харламова, чтобы практику имел, и Гусева, чтобы остепенился, наконец, дисциплину подтянул.

Тарасов дал указание Альферу: «Харламов должен 70 процентов времени проводить на льду. Должен смело идти в обводку. Должен три раза в день тренироваться». Владимир Филиппович все эти требования выполнял неукоснительно.

Мы с ним сдружились потом накрепко. Толковый человек. Требовательный. Сердечный.

Я поехал в аэропорт проводить сына. В первый раз он уезжал далеко и надолго. Владимира Филипповича, ясно, я ни о чем не просил. Не в моих правилах такое было.

Сестра. Отец никогда никого не просил за Валеру. Наоборот, наставлял его: мол, коли есть к тебе замечания, надо то-то и то-то исправлять, делать лучше… Его за такое отношение все тренеры, кто с Валерой работал, очень уважали.

Отец. Мы не сразу узнали, что первый матч Харламов, грубо говоря, провалил. Ну, может, не совсем уж провалил, однако не показался Альферу.

Сестра. Ну а что вы хотите – первый раз вообще уехал из дома, куда-то в глухой городишко, на далекий Урал, играть пришлось не во дворце, а на трескучем морозе. Но главное – из-под маминого крыла улетел. Привязан был к ней – словами не передать.

Кстати, мама совсем далеко находилась почти весь этот период – в Испании гостила у родных.

Отец. Владимир Филиппович потом мне рассказывал. Мороз градусов под тридцать, а Валерка после тренировки еще остается на льду, шлифует обводку, броски. Другие игроки норовят в раздевалку забежать да чайку попить, а Харламову хоть бы что. Ребята дивились, глядя на все это: «Ну ты у нас якут морозоустойчивый!»

Сестра. И что удивительно – мама наша очень легко переносила морозы. Испанка же! Никогда зимой варежки не носила. Всегда ей было тепло, даже жарко.

Отец. Как уехал сын на Урал, так никаких прямых контактов с ним не было. Почему? Город-то Чебаркуль был закрытый. По тем временам письма не приветствовались. И телефона там не было – какой телефон в воинской части… Разлука вышла тяжелой и для Валеры, и для нас. Я только по газетам старался хоть что-нибудь разузнать. Ну, я первым делом разыскивал «Звезду» (Чебаркуль), подчеркивал красным карандашом и докладывал жене и сестре о хоккейных делах сына. Команда частенько выигрывала, порой и с крупным счетом, а Харламов забрасывал едва ли не в каждом матче. Бывало, что и по две-три шайбы.

Но самым главным было улучить момент и подойти к Кулагину, чтобы расспросить про сына. Борис Павлович держал все на контроле. Он был для Валеры в хоккее главным авторитетом, верил в него еще с давних пор, когда мало кто считал его перспективным. Частить было неудобно, так, раз в неделю или в две он рассказывал мне о сыне. И, скажу, с каждым разом все легче у меня становилось на душе.

В феврале, кажется, сказал мне: «Валера от игры к игре прибавляет. Во всех компонентах. Забивает много, очень много. Готов уже на 100 процентов за мастеров играть. Будем по весне

возвращать его в ЦСКА».

По календарю высмотрел, что «Звезда» будет играть в Калинине (это сейчас Тверь). Ну как не подъехать?! Недалеко же. Мои, ясно, одобрили это. Экипировался я по люксу. Зима ж стояла, а играли на открытом льду. В унтах и куртке – как летчик вырядился! Нам на заводские испытания выдавали все это.

А в СКА (Калинин) составчик был неслабый. Эдик Иванов доигрывал, Сенюшкин, Деконский, половина тех, кто за ЦСКА в лучшие годы выступал. Тренером был Пантюхов Юрий, тоже человек уважаемый.

Доехал я на электричке. Купил четвертиночку для сугреву. Взял билет и стою себе на трибуне сбоку, специально спрятался, чтоб меня никто не увидел. Морозец знатный был. Игроков на скамейке одеялом укрывали. Ну, я глаз с Валерки не свожу. Подходяще выглядит, прибавил, да еще как прибавил. По ходу матча Гусь, они же вместе с Сашкой Гусевым были отправлены в Чебаркуль, меня-то и заприметил. Уж не знаю как! Вижу, он Валерке что-то говорит и рукой тычет в мою сторону – у сына глаза-то на лоб полезли.

Чебаркуль выиграл 7:2, что ли. Сенсация была!

А во втором матче, тогда спаренные играли два дня подряд, моего уже прихватили. Разок приняли жестко, с ног сбили. Второй раз подловили. Ну, я не выдержал и крикнул с трибуны: «Что, Валер, коньки ненаточенные?!» Подковырнул, чтоб не расслаблялся.

После игры тренер Альфер отпустил его на побывку домой.

Мы на электричке в Москву вместе с цеэсковскими ветеранами поехали. Они хорошо приняли сына, тепло отнеслись, хотя и не показывали виду. Выпили немножко. За полночь домой вернулись. Бегоня и Татьяна не спали, конечно. Праздник у нас вышел семейный.

Сестра. А на следующий день брат улетел на Урал. Насовсем вернулся аккурат восьмого марта. В женский день. Нежданно-негаданно объявился.

Отец. Сразу стол накрыли. Отметить собрались такое дело. А сын, как будто чувствовал, к спиртному не притронулся.

Сестра. Мы с ним поехали на Сокол к его другу Саше Баеву. Потом туда приехал папа и сказал Валере, что его срочно вызывают в ЦСКА на тренировку.

Переправа

Отец. Бывает, тяжело матч складывается – и наступает такой момент, который все и решает, который и определяет цифры на табло после шестидесяти минут рубки не на жизнь, а на смерть. Мой сын ухабов по дороге наверх встретил много, но был один эпизод, который я считаю переломным.

Валера уже вернулся из Чебаркуля, уже тренировался с основой, уже дело шло к тому, что вот-вот заиграет за родной клуб по мастерам. Вовсю вкалывал. Не ходил – летал. Такое настроение замечательное было.

Команда собиралась в турне по Японии. Сын дома сообщил об этом, сказал, что включен в состав. Ну, мы, ясно, приободрились, а Бегоша прямо счастливая ходила, собирая вещички для заграничного выезда.

Валера поехал в аэропорт и вскоре вернулся оттуда со своими пожитками. Как так? Что там случилось?! Прямо на пороге он сказал – как отрезал: «Подождите чуток. Я еще им всем докажу!»

Харламова в последний момент не взяли, а взяли Смолина.

Ну, если вспомнить, какой расклад получался, то и особо удивляться не приходилось. Смолин гремел на всю округу. Смолин по Москве котировался. Здоровенный. С обводкой. С катанием. Ну все при нем было. Тренеры ЦСКА, тот же Локтев Константин Борисович, на него уже конкретно делали ставку. К тому же, как припоминаю, у Сашки отец был какой-то начальник: не министр, конечно, но военный при звании, полковник, что ли. Обидно-то было из-за того, что нормально, по-человечески не предупредили: парня в аэропорту развернули на 180 градусов.

На заводе, где я работал, был один любитель спорта, Ваня Андрианов. Пошел во дворец ЦСКА. Поглядел, кто как играет, и назавтра в утреннюю смену подходит ко мне: «Сергеич, видел я этого хваленого Смолина. По бортам носится как угорелый, а толку-то маловато. А знаешь, Сергеич, почему он так играет? Да потому что рановато парень женился… А твой-то сын в порядке, скоро придет его время, помяни мое слово, Сергеич».

Ну а жизнь спортивная очень скоро все развернула в обратную сторону: где был Харламов и где был Смолин в зрелые годы?..

Про другое скажу. Когда Валерка еще по юношам играл, в ЦСКА тройка была: Викулов – Полупанов – Еремин. О Еремине только и судачили, на него конкретно мужики ходили, чтобы полюбоваться. И я ходил. Отчего потом у парня не сложилось – не знаю. Уж больно важный этот период – когда из молодежного во

взрослый хоккей переходишь.

Рядовые Александр Смолин и Валерий Харламов. На территории высших военных курсов «Выстрел» под Солнечногорском

Первая тройка

Сестра. Это знаменитый снимок. Прикольный! Звезды мирового хоккея из Советского Союза сидят, как примерные школьники, и пьют кефир. Фотокорреспондент здорово придумал, ничего не скажешь. В жизни я такой сценки, понятно, не видела.

Отец. Сразу скажу – снимок сделан 30 июня. А какого года – не скажу… Это они день рождения Володи Петрова отмечают. Обычно приезжали к нему в Красногорск, жил там центрфорвард, и устраивали пикничок. А вот «Волга» чья рядом со скатертью-самобранкой – тоже не скажу… У них у троих по белой «Волге» было, а номера здесь не разглядеть.

Разные они люди по характеру, по привычкам, по интересам. А объединяла тройку преданность хоккею. Ну и, скажу так, преданность команде ЦСКА. Хотя коренным воспитанником, с младых ногтей, был из них только Харламов.

Борис Михайлов по возрасту был старше и по авторитету повыше. Вожак, что там говорить. Вел за собой. Головы никогда не опускал и не терял. Еще влияло, что рядом Женя Мишаков был в команде, с ним все считались. А они с Михайловым росли вместе, оба с Хорошевки.

У Володи Петрова характер был не подарок. Как упрется – не свернешь с пути. Валерка как-то перед отбоем заходит к ним в комнату на базе в Архангельском и видит такую картину: спорят до хрипоты по поводу форточки – закрывать ее на ночь или оставить открытой. Петров вообще уступать не собирается. Ну, Харламов слушал-слушал все это, да и сообразил – подошел к окошку, открыл форточку и оставил ее под углом, чтобы оба при своих остались.

СССР
СССР
СССР

adidas

ЦСКА – сезон 1967/68. Харламов – верхний ряд, второй слева

В зените славы

Сестра. В ресторане «Волга» мы отмечали первую Валерину золотую медаль чемпиона мира. Он-то на нее особо не засматривался, даже как-то стеснялся той славы, которая на него обрушилась, а мы с родителями глаз от медали не в состоянии были оторвать. Брат заиграл на самом верху! И как заиграл! Мы, его родные, успели поднатореть в хоккее и всей душой ощущали, как народ воспринимает игру Харламова. И это – после всех детских мытарств со здоровьем, после всех злоключений с сезоном в Чебаркуле и снятием с трапа самолета перед турне по Японии. Ресторан «Волга» нам очень нравился. На Речном вокзале находился, в самом здании, со столиками на открытом воздухе – с видом на канал и причалы, на белоснежные огромные пароходы, совершавшие круизы по Волге.

А как обратно добирались – умора! Друзья в машину набились (а еще два грузных товарища были), места не хватило – так в багажнике кто-то пропутешествовал! Но повеселились на славу. Там же в основном друзья Валерины были, кто к хоккею отношения вообще не имел. Мишка Лесной, Сережка Сугробов, Вадик Никонов.

Отец. Один раз встречали мы на машине Валерку в Шереметьеве. С чемпионата мира возвращалась сборная. Ну, ясный пень, чемпионами возвращались.

Валера появился, всех обнял и поцеловал. Спросил с улыбкой своей широкой:

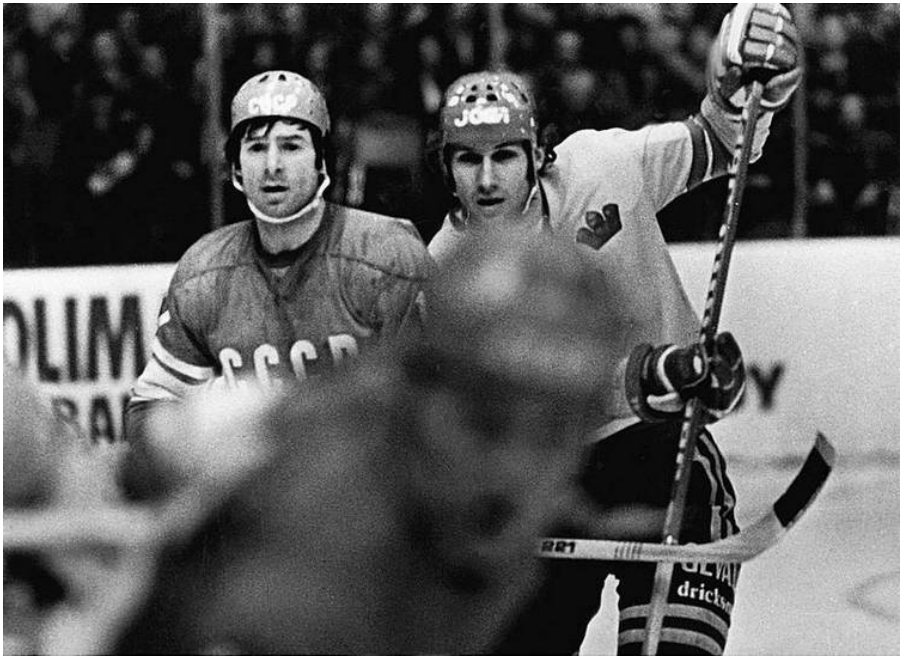
– Стол-то готов у нас?

– Стол готов, да все не уместятся в машину, – ответила Ирина, жена его. Прозрачный намек сделала на то, что, мол, Валерины друзья понаехали (они своим ходом добирались, на автобусе), а мы, значит, в застолье обойдемся без них.

Ну, сын виду не показал, только бросил решительно:

– Тогда мы с ребятами на такси доберемся. А вы на нашей машине езжайте. Только гонки не устраивайте, пожалуйста.

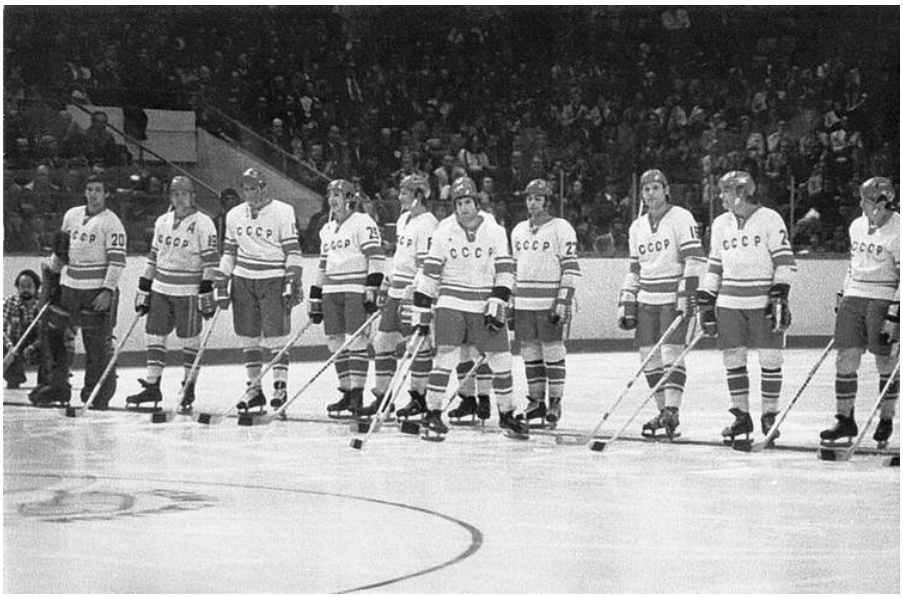
Сестра. Брат редко проигрывал в хоккее. Что в ЦСКА, что в сборной Советского Союза. Как за рубежом бывало, не знаю. А в Москве, если армейцы вдруг терпели поражение, брат возвращался домой один. Тихим был и понурым. Без аппетита, хотя обычно мамины блюда уминал за обе щеки. Он считал себя виновным в поражении команды. Алкоголь? Выпить мог, если радостный повод был. А так – чтобы тоску развеять, как говорится, – нет. Никогда. Просто как-то замыкался в себе. Не видно и не слышно его.



Харламов обладал качеством, свойственным единицам: чем сильнее был соперник, тем ярче и эффективнее Валерий играл!

На Калининском проспекте

Урок зимнего вождения. Отец руководит действиями сына. Рядом Ирина. А номер белоснежной «Волги» тот самый: 00–17 ММБ



Представление игроков сборной СССР во время Суперсерии-74. Голос диктора: «№ 17 – Валерий Харламов». И буря оваций!

ЦСКА – «Спартак». Вот это было зрелище!

Редкий снимок – Харламов однажды сделал себе модную в те годы прическу

За границей. В ресторане Александр Мальцев и Валерий Харламов

В советском посольстве в Австрии: Борис Михайлов, Татьяна Якушева, Валерий Харламов, Валерий Васильев

Владимир Шадрин, Валерий Харламов, Владислав Третьяк на открытии Олимпиады-76 в Инсбруке

Уже когда семьей обзавелся, в такие вечера либо сам к нам на Угловой переулок приезжал, либо мы старались его вытащить куда-нибудь в гости. Мама незаметно, зато успешно успокаивала сына. Дед на игре, отец на игре, а мама с испанцами дома смотрела хоккей по телевизору. Тетушка Изабель тяжело жила – двое детей, муж рано умер, но она говорила: «Последний рубль на такси потрачу и приеду к вам». После Валериных поражений веселила нас, подбадривала.

Отец. Жена моя на хоккей не ходила. Очень уж переживала, нервничала, с эмоциями не в силах была совладать. Однажды до милиции дело дошло, забрали ее в отделение.

Сестра. В ЦСКА это случилось. В родном дворце. Играли наши как-то не очень, проигрывали два периода, да и, как назло, у Валеры что-то не ладилось. Мама кричала, ругалась, возмущалась. А оказалась случайно в стане врагов – в секторе, где кучковались не наши болельщики. В общем, ее приняли за цыганку и пожаловались милиционерам. В отделении быстро разобрались, что к чему. Посмеялись. Посочувствовали. Проводили. Сын, как узнал про это, на следующий день купил огромный телевизор, наверное, под 75 килограммов – кажется, первая модель «Темпа», – сам занес на пятый этаж: «Вот, мама, смотри хоккей дома, пожалуйста. Очень тебя прошу – во дворец

не ходи».

Чемпионат мира 1975 года в Мюнхене (ФРГ). Харламов в светлом пиджаке – крайний справа в третьем ряду

Отец. После этого Бегоня ходила на хоккей на первый матч, когда еще ничего ясно не было, и на последний, когда в чемпионате Союза все вставало на свои места.

Сестра. Брат за границей бывал часто. По тем-то временам. То с ЦСКА в турне по Канаде, то со сборной на чемпионат мировой ездил. Привозил оттуда каждому из нас все, что только мог и чего только мы желали. Валерка всех нас одевал и с размерами угадывал, все тютелька в тютельку подходило. Первонаперво матери выдавал «обмундирование».

ЦСКА – сезон 1969/70. Харламов – третий ряд, пятый справа

ЦСКА – сезон 1975/76. Первая Суперсерия против клубов НХЛ. Харламов – третий ряд, первый слева

Одежду обычно со вкусом подбирал. Как-то прикололся и привез ей парик, что по тем временам в диковинку было. У мамы волосы густые были, никакой парик не держался; так он напялил на себя – со смеху умирали вокруг. Через какое-то время

химзавивку себе сделал. Кудрявым ходил недели две, а то и поболее. Отцу леску и крючки разные не забывал доставить, рыболовными снастями обеспечивал исправно; еще зажигалки обязательно входили в батин комплект. И друзей одаривал. И, само собой, бабушку с дедушкой.

Брату здесь года двадцать три. Нет, скорее двадцать два: это застолье в нашей квартире на Угловом переулке. Вон какой Валера красавчик!

Охоч до выпивки брат не был. Так, чтобы по любому поводу откупоривать бутылочку или быть готовым в ответ на любое предложение составить компанию, – нет, это не про него. Так, чтобы, как говорится, снять напряжение, или с горя, с радости, – нет, это тоже ему не было присуще. Спокойно вообще обходился без алкоголя. Но, как компанейский парень, как мужчина, как командный игрок, не чурался застолья, в котором вел себя раскованно и создавал приятную атмосферу.

Что предпочитал? Водку и шампанское. Никогда не гнался за двумя зайцами, не мешал. Но, откровенно говоря, водку плохо переносил. По молодости так особенно плохо… С годами покрепче стал, научился, видно, контролировать процесс.

Чем закусывал? Да что под руку попадет, что в доме есть. Неприхотливым был. Селедочка с картошечкой. Яишенка с колбаской. Борщ – добавки просил обычно. Да какой тогда выбор-то был в наших домах. Мы же не отоваривались где-нибудь по блату и не имели спецпайков. Единственное – огурчики и помидорчики любил в натуральном, так сказать, виде, то есть не в салате, месиво это не нравилось.

Ну что еще? Салат оливье – блюдо из обязательной программы любого семейного торжества – предпочитал не с картошкой, а с рисом. Рыбу маминого приготовления за обе щеки уплетал. Ну и мясо обязательно – с тренировки придет, а мама уже во всеоружии: толстый и нежирный шмат говядины или свинины жарила с кровью, а на стол подавала, полив сверху сметанкой, причем жирной, густой, чтобы не растекалась. И сын мой Валера тоже любил такое блюдо. Сказочно мама на кухне управлялась: что ни делала, все сметалось вмиг, если сын возвращался после матча с друзьями. И кстати, обычно никакого алкоголя на столе не было.

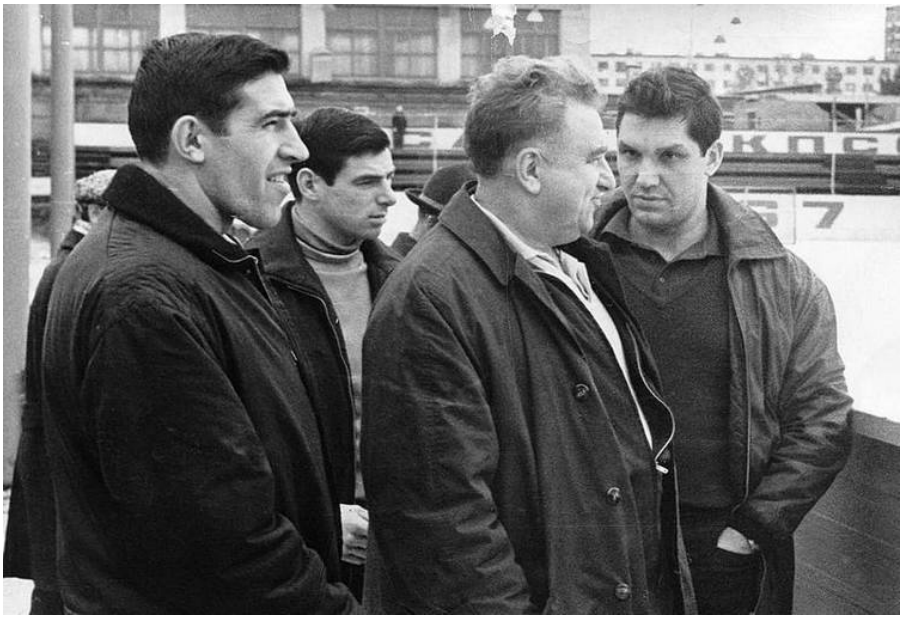
Отец. Это, считайте, траурное фото. Дедушка Валерин, Сергей Гаврилович, умер в семьдесят шестом. Ну, сыну сообщили, и он сразу туда, на Соломенную сторожку, рванул. С бабушкой побыть.

Отец мой умер от инфаркта. У него же еще ранение было и осколок в легких сидел. В 79 лет. Матушка моя, Наталья

Степановна, умерла в семьдесят девятом – и тоже в 79 лет.

Вечер в квартире на Угловом переулке

Наталья Степановна с внуком



Что ни имя, то всенародная слава: Анатолий Фирсов, Валерий Харламов, Анатолий Тарасов, Александр Рагулин

Сестра. Бабушка жалела очень внука своего. От спорта была далека, знала только, что Валера в хоккей играет и что там, на льду, бьют часто и больно. Что ему наверняка достается синяков и шишек больше других. Все старалась его пирогами своими попотчевать. Какие же необыкновенные пироги она пекла – я нигде больше такой вкуснятины не пробовала!

Зато дед на подобные сентиментальные мелочи внимания не обращал. Гордился своим внуком – аж грудь распирало. Хоккеист Харламов был для него как свет в окошке. Любил его, всех нас любил до последнего вздоха.

Отец. Валерка все на себя брал. Всегда. Что бы ни случилось, ответ он держал. Что-то армейцы выиграли. Пошли небольшой компанией в ресторан «Бега», что на ипподроме, отметить это дело. Валерка, друг его закадычный Мишка Кузнецов – Лесной мы его звали, Саша Гусев, кто-то еще. Ну, посидели крепенько, повеселились. Ничего, как говорится, из ряда вон такого не было. Вышли на улицу. Там уже такси дежурило. Попросили спокойно: «Отвези нас в Тушино». А таксист, латыш оказался, как цену заломил. А Гусь что-то завелся, водилось такое за ним, и слово за слово – разнес тому стекло боковое!

Все разбежались. А Валерка остался. Его в 63-е отделение милиции под белы рученьки сопроводили. А утром Тарасову обо всем доложили. Скандал нешуточный. Тарасов по каким-то делам на «Динамо» был, звонит Локтеву: «Разберись скоренько, что там твои бойцы натворили!» Тем временем Валерку в военную комендатуру забрали. Офицер же. Ну, мы с Локтевым туда поехали.

Попытались с водителем мосты навести. Но латыш уперся и на мировую не идет: «Заявление буду писать. Пусть пропесочат хоккеистов ваших». На другой день я снова к нему поехал. Узнал, что двое детей у него. Предложил: «Давай клюшечки пацанам сделаем настоящие, спортивные. В ресторане посидим. Уладим по-людски». Контора у них находилась рядом с Краснопресненским универмагом, а там и «Казбек» неподалеку.

Еще б чуть-чуть – и скандал бы разразился. Валерку на выезд в Киев не хотели брать, в комендатуре же был. Вот так уладил еле-еле. А вины-то за сыном и не было никакой.

Это его сфотографировали после награждения за победу в чемпионате Союза. Всю команду обязательно принимали в Министерстве обороны. Полковники, генералы – ниже званий там не бывало. Разве что сами хоккеисты ЦСКА. Ну и лично министр обороны, в обязательном порядке. На эту церемонию Валера, как и остальные военнообязанные, должен был явиться при параде – в кителе, все начищено до блеска и отглажено-отутюжено. Вот один раз в году мы его и видели в офицерской форме. Ну, может, еще когда надевал по крайней необходимости.

Сестра. Когда он на официальные церемонии шел, состояние было приподнятое, с небольшим волнением: «Тань, погляди, как сидит? Нормально? Точно – нормально? Без обмана?..» А я лукавила. Вынужденно. Китель-то офицерский все тот же оставался, только на погоны звездочки пришивали после получения очередного звания, а физически Валера крепчал год от года, мышечный корсет был будь здоров, загляденье, и потому тесноват становился китель. А подпороть что-нибудь, подшить мы не решались – все-таки военная форма, как тут своевольничать?

Цеэсковцы на приеме у министра обороны СССР маршала Гречко: Владимир Яковлевич Лутченко, Борис Петрович Михайлов, Владимир Владимирович Петров, Андрей Антонович Гречко, Валерий Борисович Харламов

Обмундирование получал как положено: парадное и повседневное. Военная форма шла брату исключительно! Как с мужчинами обычно и бывает. Хотя по натуре своей был он, прямо скажем, абсолютно не армейский человек.

Отец. Звания военные присваивали сыну согласно общему порядку. Первое – сразу после чемпионата мира 1969 года. Младшего лейтенанта дали. Через два года – лейтенанта. Потом, запамятовал, сколько времени прошло, – капитана. А майором Валерий Борисович стал в восемьдесят первом. И в этом же году произошло несчастье. Не успели сделать снимок в форме майора.

Сестра. Все эти военные звания, все эти привилегии советского времени брат не воспринимал как задел на будущее, как гарантию безбедной жизни после окончания спортивной карьеры и возможность обеспечивать семью. Карьеризмом не страдал. Абсолютно! Да и молодой еще был, не задумывался всерьез над всеми этими житейскими проблемами.

Скажу больше. Само офицерское звание – то, что являлся кадровым военным, – нещадно и с каждым годом все болезненнее тяготило его. Тяготило из-за того, что не мог съездить в Испанию.

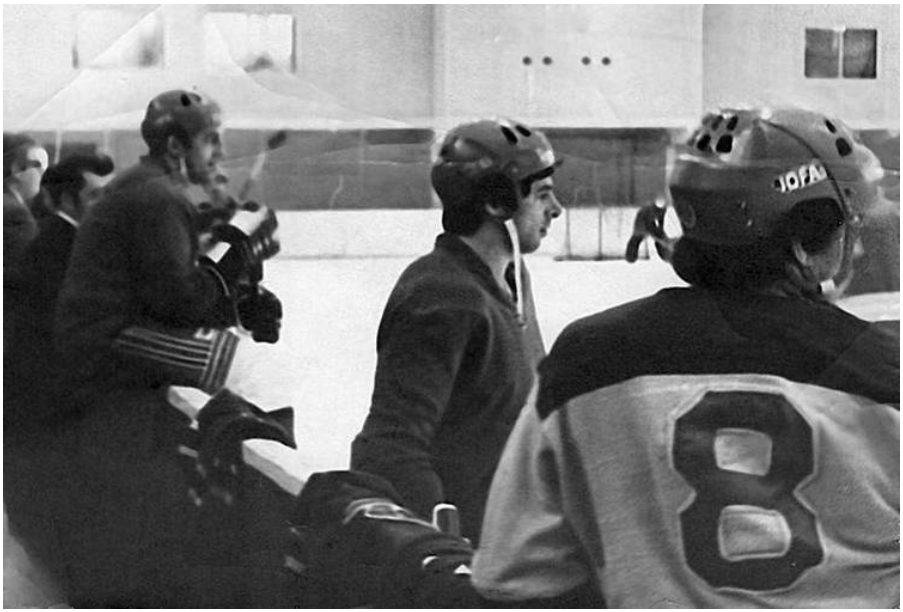
Вообще по тем порядкам не имел права выехать за пределы Советского Союза как обычный гражданин. А вот защищать спортивную честь родины, не щадя живота своего, – это разрешалось.

Валерий Харламов с партнерами по ЦСКА на Черном море

В военном санатории в Ялте. Хоккеисты с местными жителями. Валерий Харламов – второй слева, далее – Надежда Петрова, Татьяна Третьяк, Владислав Третьяк; Виктор Жлуктов – четвертый справа, Татьяна Михайлова – вторая справа, Борис Михайлов – крайний справа

В Испании он был только в детстве, довольно долго притом; хорошо помнил те впечатления. Ближе к концу хоккейной карьеры Валеру все острее тянуло на родину его предков по материнской линии. Подумывал о том, что повесит коньки на гвоздь – и переедет со мной в край басков. На время или насовсем? До обсуждения этого вопроса мы с ним не дошли.

Между прочим, брат очень долго не вступал в партию. Как-то никто ему не предлагал, а сам он тоже активности в этом направлении не проявлял. Карьеризма в нем не было ни на йоту. Кажется, после победы на Олимпиаде в 1976 году подали документы на награждение Михайлова, Третьяка и Харламова орденом Ленина. Выше для спортсмена награды не было в те годы. Борису и Владику вручили, а Валера наш пролетел. Получил орден Трудового Красного Знамени. Чиновники объяснили ему: «Из-за того, что беспартийный».



Тренировочные будни

Откровенно говоря, обидно брату было. Несправедливо же поступили. Очень даже несправедливо. Орден давали за достижения в хоккее – при чем здесь членство в коммунистической партии?! Валера виду не подавал, но мы-то, родные, чувствовали, что переживает.

Года, наверное, через два или три все-таки вступил в партию. Без особого энтузиазма, но вступил. Одну рекомендацию Харламову дал Игорь Владимирович Силин, врач ЦСКА и сборной, а вторую – Галина Михайловна, его учительница физкультуры.

Отец. Сколько же было разговоров, обсуждений и споров до хрипоты после того, как по весне семьдесят второго объявили о встрече наших с канадскими профессионалами. Наши лучшие против их лучших! Побаивались мы, что скрывать-то. Уж больно рекламы было много вокруг канадских звезд. В мировых первенствах и в Олимпиадах они не участвовали, мы нигде не могли увидеть, как играют, не могли оценить их силу и сравнить с нашими мастерами.

У Валеры коленки не дрожали. Напротив, рвался в бой душой и телом. Азарт появился дополнительный. Я подтрунивал в те дни: «Ну что, сынок… Ох, и намнут вам бока эти канадские профи!» А он уверенно так отвечал: «Бать, мне интересно против них сыграть. Представляешь – я против Бобби Орра! Эх, поскорей бы уж эти игры начались».

И у Бори Михайлова такой же настрой боевой был. И у

Володи Петрова.

Это уже давно не секрет. После той первой серии с канадцами в семьдесят втором нашим ребятам предложения поступили от тамошних клубов. Ведущих в НХЛ. Саше Якушеву, Владику Третьяку, всей армейской тройке, еще, может, кому-то.

Суммы там назывались заоблачные! Ну, ясно, никто и помыслить не смел о таком. Потому как никто никому не разрешил бы, а бежать из Союза – этого тогда и привидеться ребятам не могло.

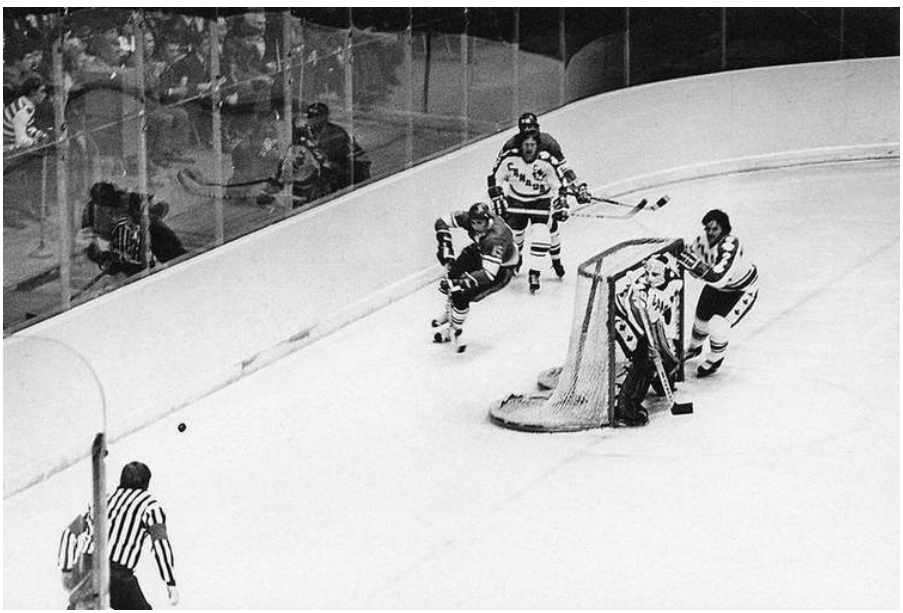
Как-то вечером сидим дома. Валера заскакивает нас проведать. А мы чай пьем. И невзначай вырвалось у меня:

– Валера, а может, все-таки подумаешь насчет Канады? Поиграешь, денег заработаешь, мир посмотришь.

Тут и Бегоня поддержала:

– А вправду, сынок, – почему не попробовать?.. Валера прервал нас на полуслове:

– Да я бы с огромным удовольствием там поиграл. Только поймите, если рвану туда, вам здесь житья не будет. Сгноят вас, закопают.



Битвы с канадцами особенно мотивировали Харламова

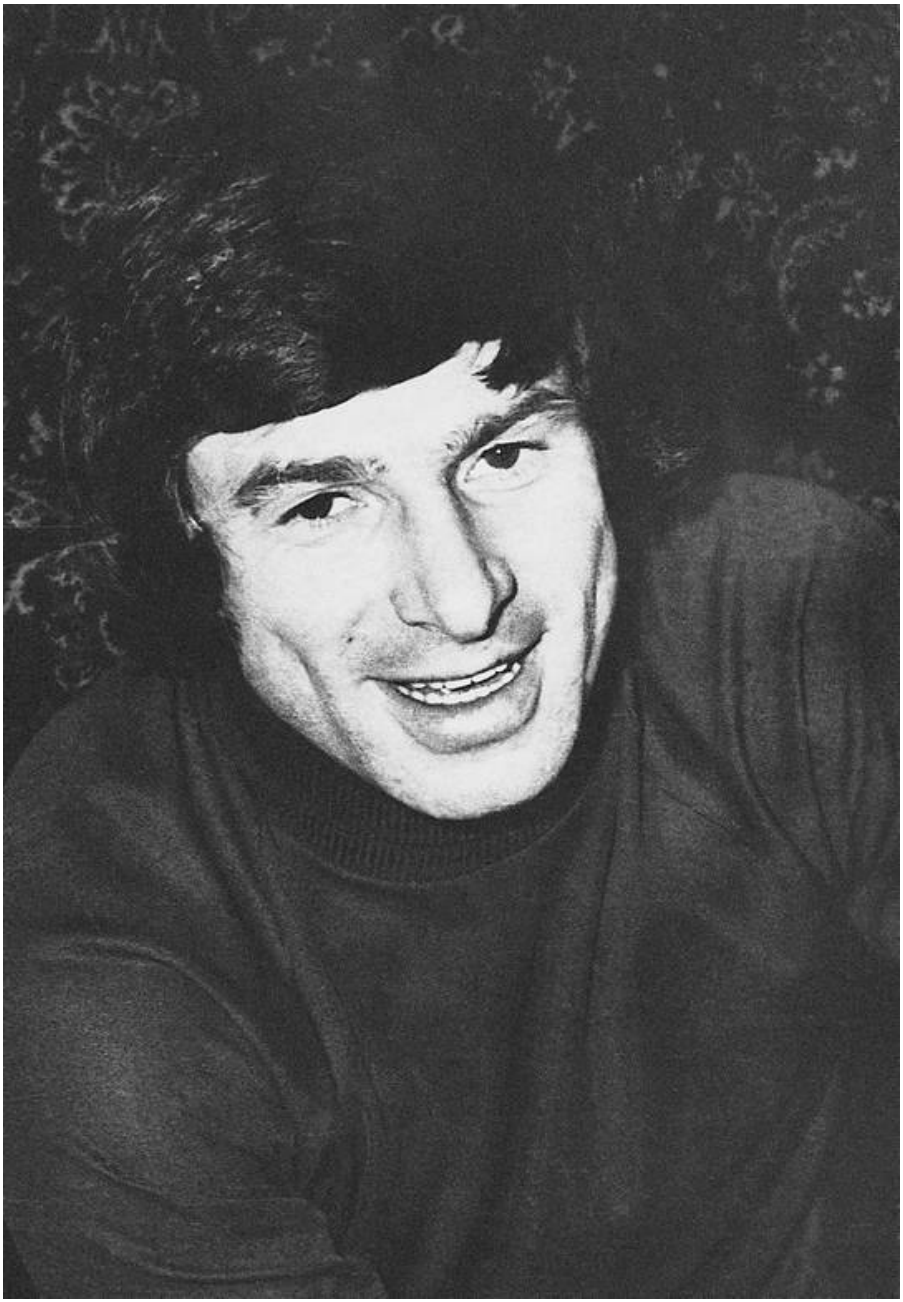
Любимец женщин

Сестра. У мамы была близкая приятельница, Валентина Назаровна. Хлебнула женского счастья. Прошла сталинские лагеря только из-за того, что отказалась стать любовницей Берии. Интеллигентка высшей пробы. И такой маникюр, такой каблучок, что глаз не оторвать. Какая-то неземная красота! А было ей хорошо за семьдесят, на всякий случай. Она была из той, еще дореволюционной породы людей. Дружила с Зоей Федоровой, популярнейшей актрисой. Так вот Валентина Назаровна всегда выделяла Валеру из всей этой дружины хоккейной: «У Валерия порода чувствуется. Красив. Аристократ настоящий!»

Женщинам мой брат нравился. Все, как говорится, было при нем. Красота настоящего мужчины, манера держаться, душевная широта, чувство юмора. Он знал, что имеет успех у прекрасной половины человечества, но голова оттого не кружилась. Он знал, что у него есть Маринка. Баженова. Это было серьезно и основательно, долго очень было. А так, мимоходом, мог и познакомиться с девушкой, и пригласить на свидание, однако все это не особо серьезно сам и воспринимал. Валерий не «болел», не переживал из-за девчонок. Сколько раз бывало в те годы, когда он жил в однокомнатной квартире в Тушине: мама звякнет сыну и сразу учует там развеселую компанию, мне строго наказывает – мол, Тань, съезди туда, проведай, как там что. Ну, я выдвигаюсь в ту сторону. А Валера только увидит меня на пороге, так мигом всю честную компанию распускает на все четыре стороны. Оставался только Миша Туманов, друг закадычный, он еще всегда следил за тем, чтобы ничего из квартиры не вынесли, чтобы все награды харламовские в целости и сохранности находились.

На Черном море с Мариной Баженовой

Вопрос о его женитьбе никогда не обсуждался в нашем доме. Валера вечно на сборах, в турне заграничных, в разъездах по Союзу. В личную жизнь никто из нас не вторгался, не лез с расспросами. Знали, что у него есть Марина.

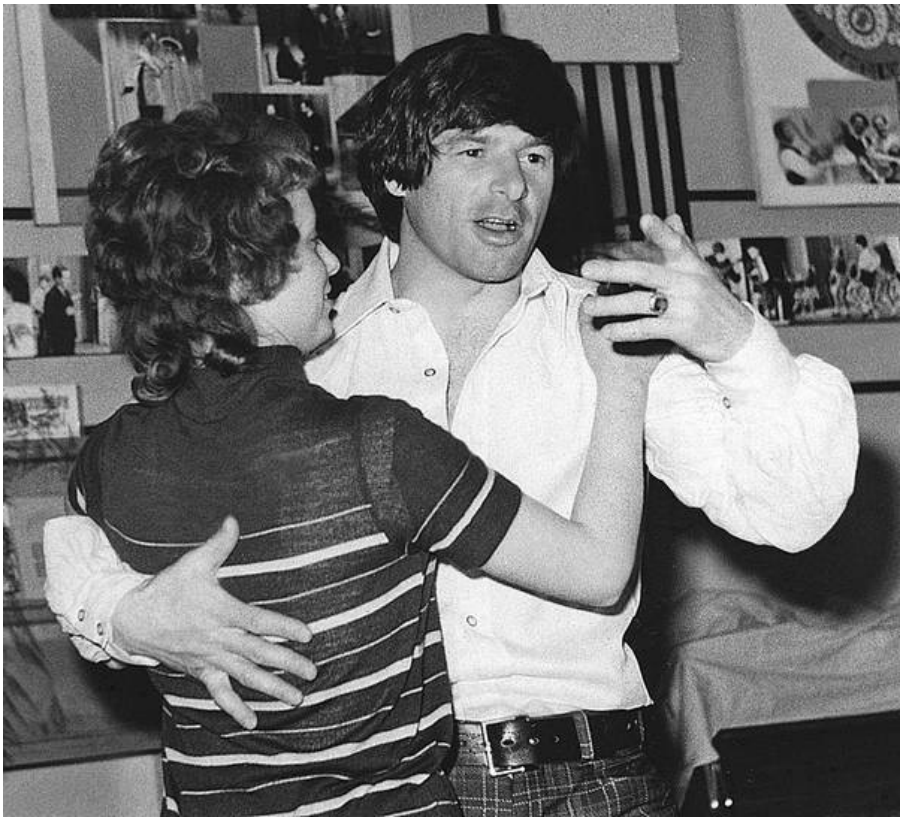


Ох, какая ж хорошая девушка была! Работала переводчиком с французского где-то в системе Минатоммаша. Жила в Бескудникове. Как же она мне нравилась! Маришка встречала любимого и провожала при любых разлуках, а на хоккей не ходила никогда. Роман длился лет пять. Познакомились – 21 год брату исполнилось, расстались – 26 лет.

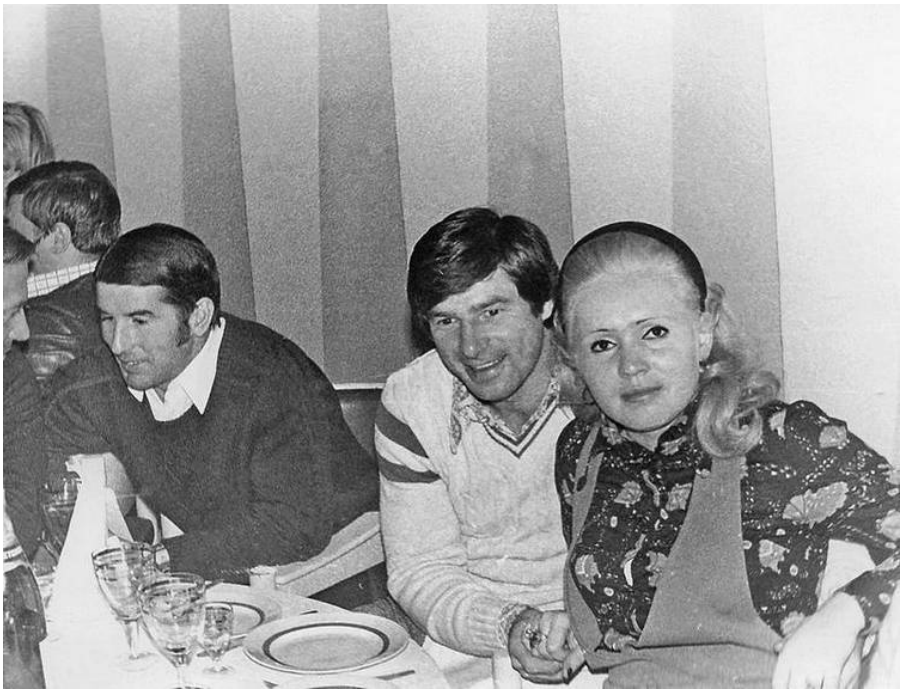
А первая его любовь – Галка Егорова. Из соседнего подъезда. В доме на Угловом переулке. Тоже на пятом этаже жила. Лазили друг к дружке… с балкона на балкон. Боязно ли им было? Да какое там…

Они с Мариной так и не расставались. До последнего. Завтра свадьба, а его дома нет! Где он – у Маринки!

Уж и не припомню, когда именно, но наверняка в те дни, перед Валериной женитьбой, спросила ее:



Валерий не был обделен женским вниманием

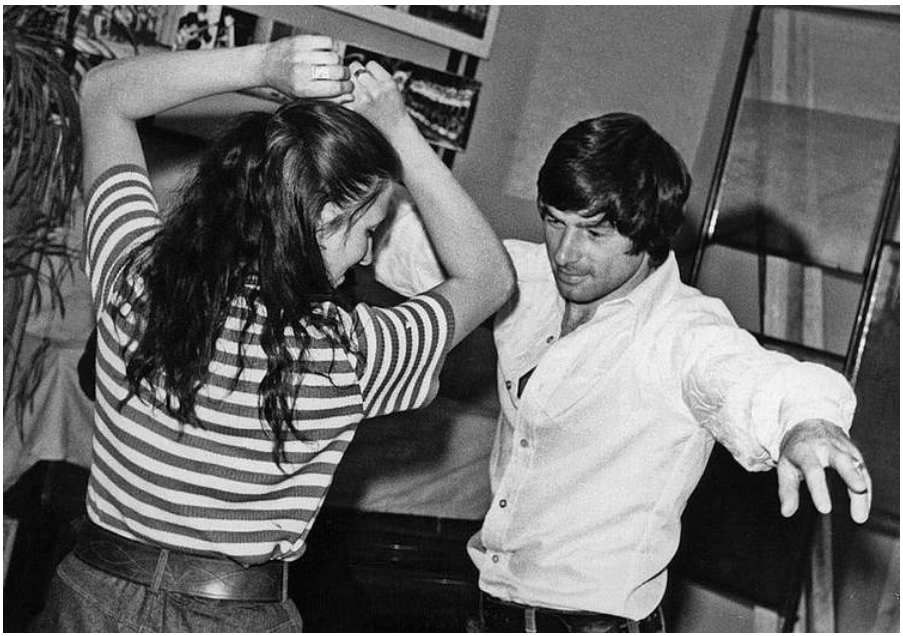


– Ну почему ж ты замуж за Валеру не идешь?!

– Ну, раз эта Ира «поймала» его ребенком… Сумела охомутать мужика… Так тому и быть. А я в сторону отойду.

Я абсолютно точно знаю: если Маришка сказала бы «да», этой свадьбы с Ириной не случилось бы… Марина долго не выходила замуж. Потом встретила кого-то. Родила сыночка. Вот оно как сложилось, значит.

Харлам был душой любой компании



Танцевал Валерий в охотку

Гены

Сестра. Мама с папой очень похожи были по характеру. Общительные. Веселые. Юмористы – палец в рот не клади.

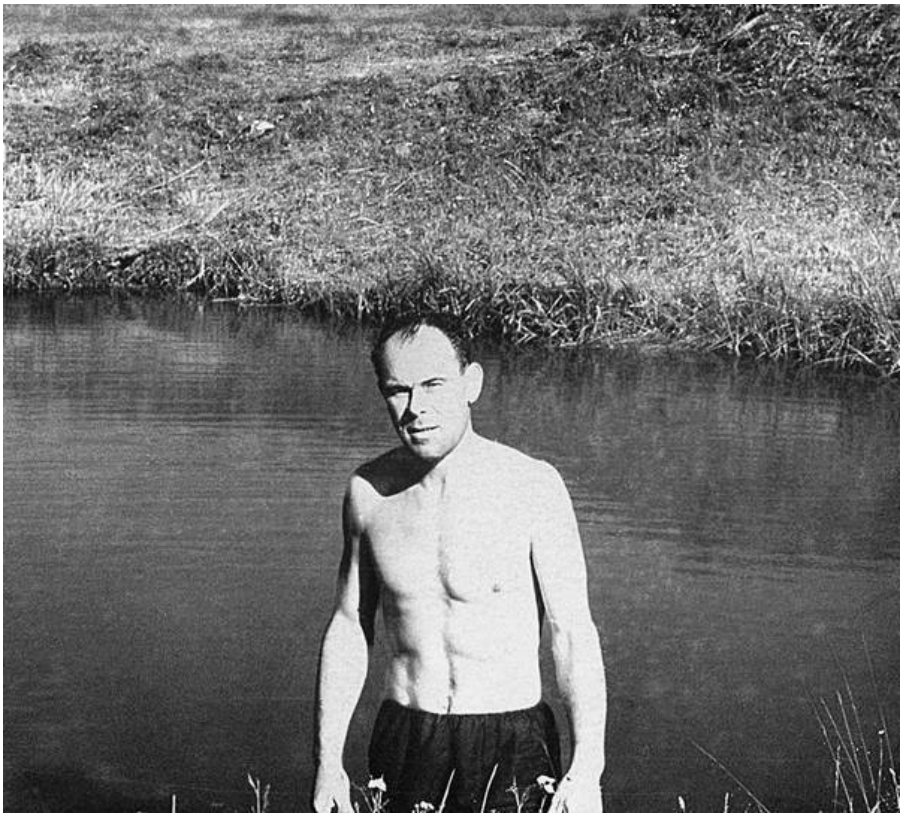
Единственное, в чем абсолютно не схожи были, – как обиду переносили. Папе что ни говори, не злится и не обижается. И в молодые годы так было, и в пожилом возрасте. А мама нет: если кто-то один раз обидел ее, подвел, обманул – все, крест поставит, запомнит, и этот человек перестает для нее существовать. Мама ставила жирную точку. А не многоточие…

И Валера в этом отношении в мать пошел.

Мама – это взрыв. Отец – все в себе. Зато чувство юмора Валера унаследовал от обоих. Отец, тот мог спокойным голосом, жилочкой на лице не дрогнув, подшутить – упадешь со смеху!

Мы с братом после пребывания в Испании в далеком детстве испанский язык сумели не забыть. А что удивляться, если мама больше на испанском дома говорила, если отец мог запросто ей ответить на испанском, если каждый второй гость в нашем доме был испанец?

У брата произношение было лучше, чем у меня. Охотно говорил в домашней обстановке. А с мамой так вообще только по-испански общался! Ну, чуток я преувеличиваю, конечно. Да и папа по-испански говорил дай боже. А если уж выпьет, то и запоет на языке тореадоров запросто! Валеркины друзья поражались: «Дядя Боря, ты тоже знаешь испанский?!» *Отец.* Я испанский «схватил» еще до войны, когда эмигранты сюда в большом количестве прибыли. Я ж не один год в испанском общежитии прожил, пока мы комнату в коммуналке не получили.



Отец во время ловли раков на Москве-реке

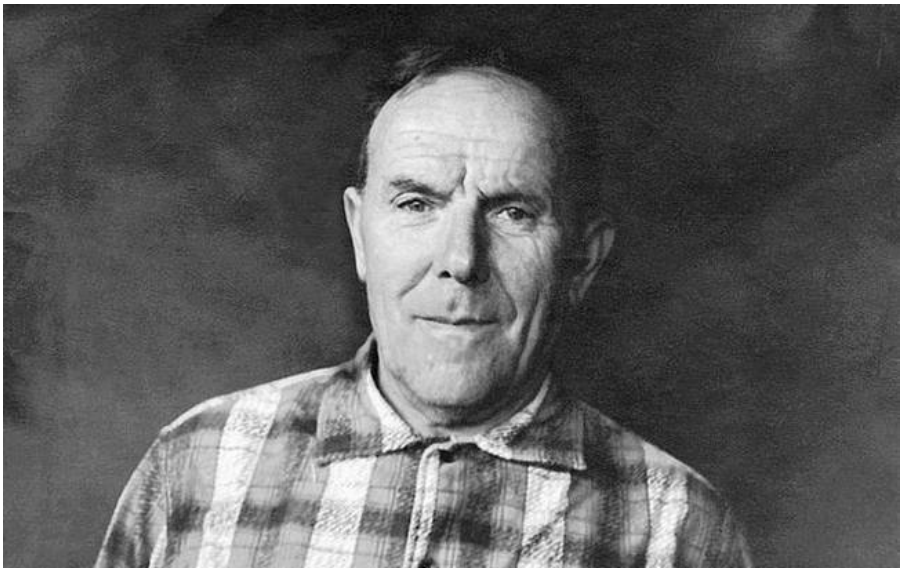
Мама на отдыхе

Новогодняя ночь 1958/59 года в коммуналке на Ленинградском проспекте. Испанский эмигрант Луис – друг Бегони еще по довоенному детскому дому в Одессе; работал в оркестре музыкального театра Станиславского и Немировича-Данченко

Бегоня Харламова с друзьями-испанцами

Приятель родителей шофер Монхе (испанский эмигрант) с пятилетним Валерой в выездном детском саду в Звенигороде. Тот самый Монхе, который работал вместе с родителями на заводе и который в ночь с 13 на 14 января 1948 года доставил в экстренном порядке беременную Бегоню в сопровождении мужа в роддом в Покровском-Стрешневе

Мама в комнате коммунальной квартиры на Ленинградском проспекте

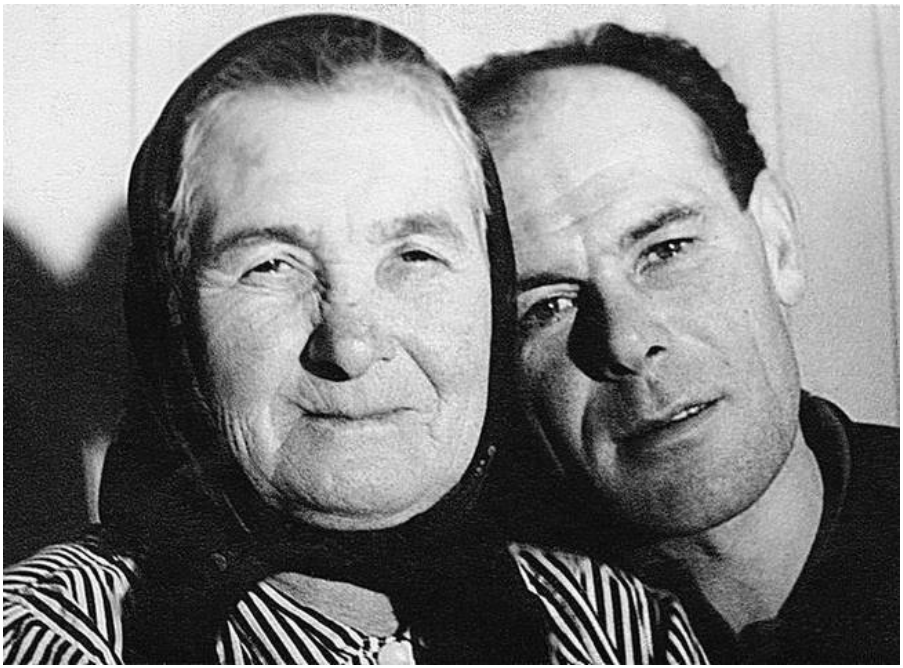


Дедушка Сергей Гаврилович

Семья отца Харламова: Николай, Борис (будущий отец Валерия), глава семьи Сергей Гаврилович, Ирина, Валентина, хранительница очага Наталья Степановна. На снимке нет Валерия, появившегося позже. Снимок сделан в 1937–1938 годах

Тимирязевский лес, вблизи 50-й городской больницы. Родня десятилетнего Валеры Харламова по папиной линии на прогулке. Это примерно посередине пути между коммунальной квартирой на Ленинградском проспекте, где жил будущий хоккеист, и комнатами в двухэтажном деревянном доме на Соломенной сторожке, где жили дедушка с бабушкой. Слева направо: дедушка, дочь Клима (брата дедушки) с мужем, сестра отца Ирина, Валера с бабушкой, отец, брат дедушки Клим

Отец в деревне



Отец с бабушкой Валерия Натальей Степановной

Мама на кухне в коммуналке. Конец 50-х

Валерина испанская прабабушка – мамина бабушка по отцовской линии

Сестра. Между прочим, когда мы детьми малыми вернулись из Испании, Валерка сразу всех во дворе обучил испанскому мату.

Отец. Но их мат послабей русского будет.

Сестра. Спору нет. У них даже многие крепкие выражения употребляются как бы между делом, без намерения выругаться. Оттого, может, и не так грубо выходит, как на русском.

Отец. Я скажу – сын не сквернословил почем зря.

Сестра. Брат не ругался матом. Так, ради смачного словца, вообще не употреблял крепких выражений. Если уж довести его, разозлить вконец. А так он был в отца. Отец совсем не матерщинник был. А мама наоборот: как разойдется – хоть уши затыкай, хоть и по-испански…

Отец попробует маму урезонить:

– Бегоня, дорогая, что я от тебя слышу? Ну не надо так. Ее подруги шикают на него:

– Да не трогай ты ее. Оставь в покое.

– Девочки, вы такие красивые и так ругаетесь?! Уши вянут…

Отец. Валерин дедушка был мужиком настоящим. Русским мужиком. Где только не воевал. И в Первую империалистическую, и в Гражданскую, и в финскую, и в Отечественную. Про что батя никогда нам, детям, не рассказывал, так это про Финскую кампанию, которую наши с треском провалили. Ранения имел. В легких осколок еще с Гражданской остался: оперировать нельзя было, потому как хуже могло обернуться, а так осколок жирком зарос и вроде не беспокоил шибко. Да вот – и плечо было у моего отца прострелено.

Мама в заводском доме отдыха. Конец 50-х

Вообще говорил он мало, а делал много. Между прочим, дед Валеркин у Буденного работал в свое время. Столярничал в артели до и во время войны. А после войны трудился на мельнице, что на Дмитровском шоссе находилась: лопасти и прочее оборудование обслуживал.

Валерка с Танюшей обожали деда, хотя с виду он был

маленько суровый. Любили к нему бегать, когда мы на Соломенной сторожке жили. Слава богу, застал дед и то, как внук пробивался в хоккее, и то, как тот потом показывал на льду свои умения.

Сестра. Маму привезли из Испании в Союз и поселили в детском доме в Одессе. Там она провела несколько лет. Когда началась война, их в сорок первом эвакуировали в Саратов, а через какое-то время – в Тбилиси. В Саратове они уже трудились на производстве, но там были жестокие холода – теплолюбивые и неокрепшие организмы юных испанцев не выдерживали этого, даже умерло несколько человек. Помню, как мама однажды поведала нам жуткую историю: «По Волге нас везли на теплоходе. Нос корабля рассекал воду – это была река крови! Впереди нас два теплохода с детьми попали под бомбежку фашистов. Голодали страшно, крошки хлеба не видели. Иногда причаливали у берега, чтобы загрузить арбузы. Мы набрасывались на них, а потом мучились желудком. Наши сверстники не выдерживали. Умирали. Мы собирались вокруг них и причитали: «Вот вы счастливые – отмучились наконец…»

Испанские дедушка и бабушка в молодости

Дедушка и бабушка по маминой линии выходят из церкви в Бильбао после мессы

Бегоня Харламова (*второй ряд, вторая слева*) с сотрудниками заводской химической лаборатории

Наша мама легко воспринимала русский уклад жизни, наши традиции и привычки. Могла и выпить, и пошутить. Могла и стопочку водки принять. И всегда была в центре внимания любой компании.

Отец. Испанцы, те предпочитали в спирт, если доставали где-нибудь, добавлять анисовые капли, они продавались в аптеке. Ну и получалась анисовая водка. Кстати говоря, считалось в те годы, что рыба хорошо клюет на запах аниса. Тоже шла на ура в наших русско-испанских застольях. А еще мы с друзьями что исхитрялись делать – квас со спиртом разводили: как коньяк первоклассный получалось! У нас все путем шло, никто не травился и не баламутил.

Сестра. На испанском брат легко говорил. Язык вообще ему хорошо давался. Навык разговорный почему не терял? Да потому, что мама большей частью на родном языке изъяснялась. И потом, в нашем доме на Угловом каждый божий день народ толпился – либо хоккеисты, либо испанцы.

Отец. Уж и не припомню, по какому поводу народ у нас на Угловом собрался как-то раз. Испанцы на общественном транспорте добирались, а хоккеисты – те на «Волгах» прибыли. А дворик между пятиэтажками был обычный и небольшой, вот все проходы-проезды наши гости и заняли. Да еще гуляли мы от души и песни обязательно пели хором. Жильцы из разных подъездов возмутились и вызвали участкового милиционера: дескать, во дворе не пройти, шум-гам там, на пятом этаже.

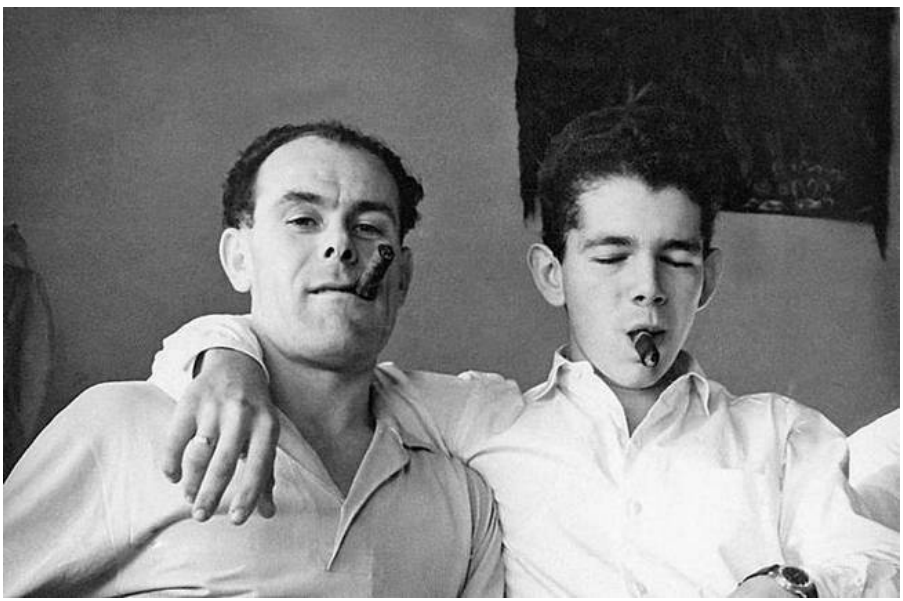
Бегоня Харламова и Татьяна Михайлова

Ну, участковый поднялся к нам и быстренько разобрался во всем. Вышел на балкон и одним движением руки и одной-двумя фразами успокоил трудящихся.

Сестра. В жилах Валеры текла испанская кровь, а вернее сказать, кровь басков. Небольшой народности со своим языком и своими традициями. Народности очень и очень воинственной, проживающей на севере Испании и юге Франции.

На льду брат никому не уступал, боролся отчаянно и с открытым забралом. Но и не сказала бы, чтоб уж чересчур агрессивным был. Ему интереснее было перехитрить соперника, чем тупо задавить физически. А в обычной жизни слово данное держал железно. Отклонений или каких-нибудь сбоев не случалось. Если что пообещал или о чем-то договорился с человеком, то будто клятву самому себе дал.

Отец. Боевитость. Стойкость. Выдержка. Все это отличало Валерия Харламова. И впрямь сказывалась смесь русских и испанских черт характера. Поровну было в нем того и другого.



Отец курит гаванские сигары вместе со слушателем военных курсов кубинцем Виктором в центре «Выстрел» под Солнечногорском

Сестра. Больше испанцем был Валера. И песни любил, и музыку любил, и танцевал зажигательно. И как-то мог себя преподнести красиво, причем естественным образом и не напрягаясь, без какой-либо нарочитости.

Отец. Пятьдесят на пятьдесят. Так считаю. Какой, по мне, основной фактор? Хоккей. Коньки. А кто научил его кататься? Отец. Я поставил Валерика на конечки, к валенкам пристегивал их, трех лет ему еще не исполнилось.

Сестра. Хоккей – это для русского человека раздолье! А футбол – для испанца стихия! Они же лучшие в мире. Брат способности имел к футболу, но выбрал хоккей. Все-таки остаюсь при своем мнении: испанского в характере, в привычках, в поведении у брата было больше, чем русского. Не намного, но больше. Про себя даже и не скажу, такое лучше со стороны видно.

Друзья

Сестра. Валере здесь 24–25 лет. Уже заслуженный мастер спорта. Вместе с закадычным дружком Сережкой Сугробовым. То ли с яслей, то ли с детского сада знакомы были. Это Валера вырвался к нему на денек в наш заводской пионерлагерь, чтобы перед мальчишками выступить, автографы раздать и провести, как сегодня модно выражаться, мастер-класс. А заодно и друга своего верного проведать.

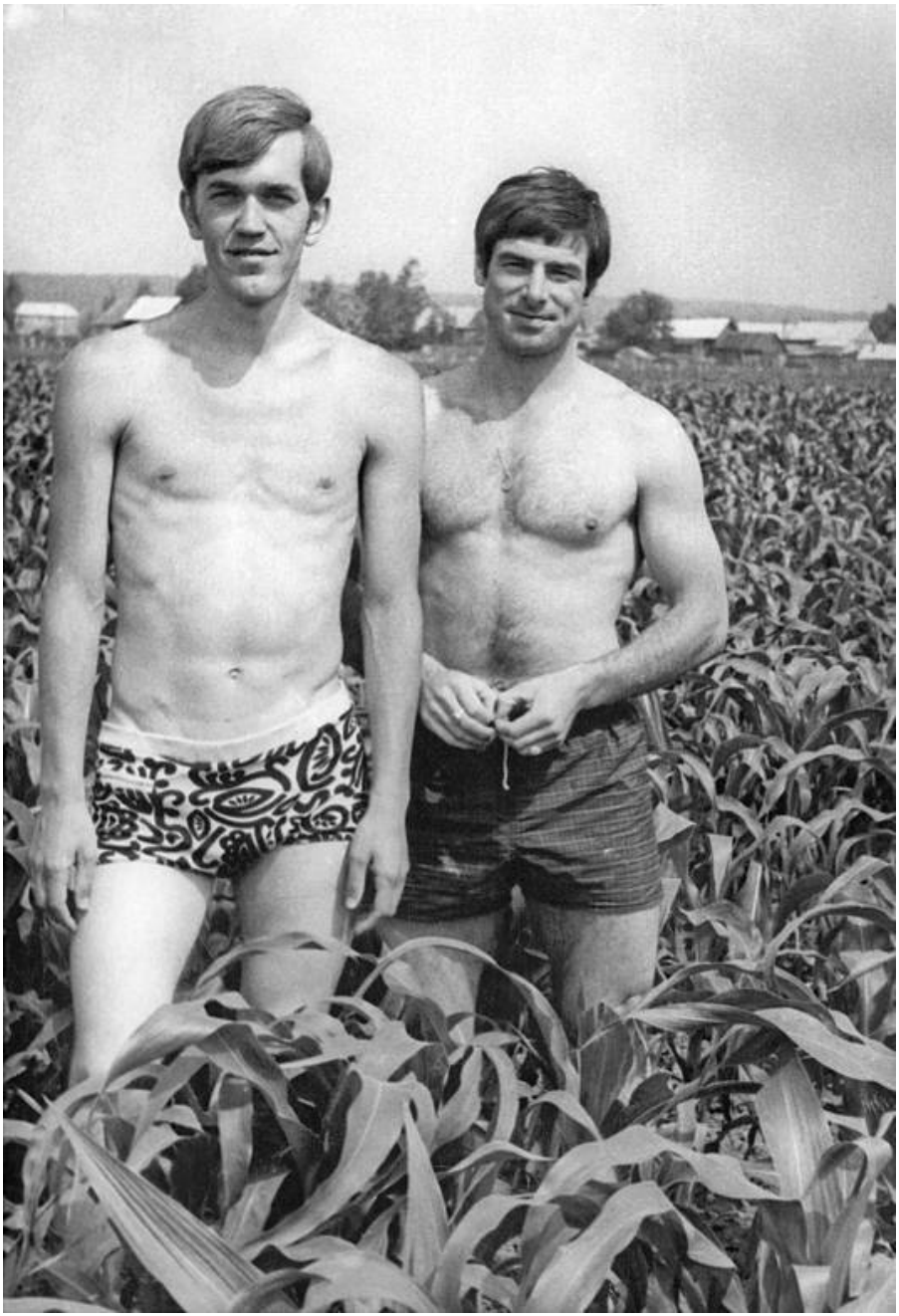
Стоят они посреди кукурузного поля, эти поля сразу за Звенигородом начинаются и, если правильно запомнила, расположены на левом берегу Москвы-реки.

Между прочим, Сережа занимался в той же спортшколе, что и я: он – баскетболом, я – волейболом. Летом ездили в спортивный лагерь на берегу Истры, за Солнечногорском. Накануне брат наказывал товарищу: «Слушайся Таньку. Все ж таки она старше тебя. Ну и, сам понимаешь, последи за ней». Так что, считайте, я под неусыпным контролем там находилась. А старше Сугробова я ненамного, на один лишь денек.

Это – в однокомнатной квартире в Тушине. Улица Свободы, дом 63. Первая его квартира от ЦСКА.

С Вадиком Никоновым они дружили с юности, со времен команды «Метрострой», которую Нил Степанович Гугнин тренировал. Потом Валера с хоккеем определился, а Вадик в московское «Торпедо» ушел, в основу попал. Когда подоспел призыв в армию, Валерка с Тарасовым переговорил, за друга словечко замолвил.

В своей однокомнатной квартире в Тушине. В центре – Вадим Никонов



В гостях у друга детства Сергея Сугробова. Заводской пионерлагерь «Лесные поляны» под Звенигородом

И его взяли в ЦСКА. Через два года вернулся в «Торпедо». Они еще вместе в институт физкультуры поступали и учились в одной группе. А рядом с Вадиком жена Таня. Он рано женился. И удачно. До сих пор вместе. Хороший он человек. Все эти годы с

нами. Звонит. Даже наведывается изредка.

На переднем плане Лена из соседней «трешки». Рядом? Уж и не припомню кто.

Да я могла и не знать всех Валериных подружек и приятельниц.

«Мать». Только так обращался Саша Мальцев к Бегоне Хермане.

Отец. Еще Женька Мишаков так к ней обращался.

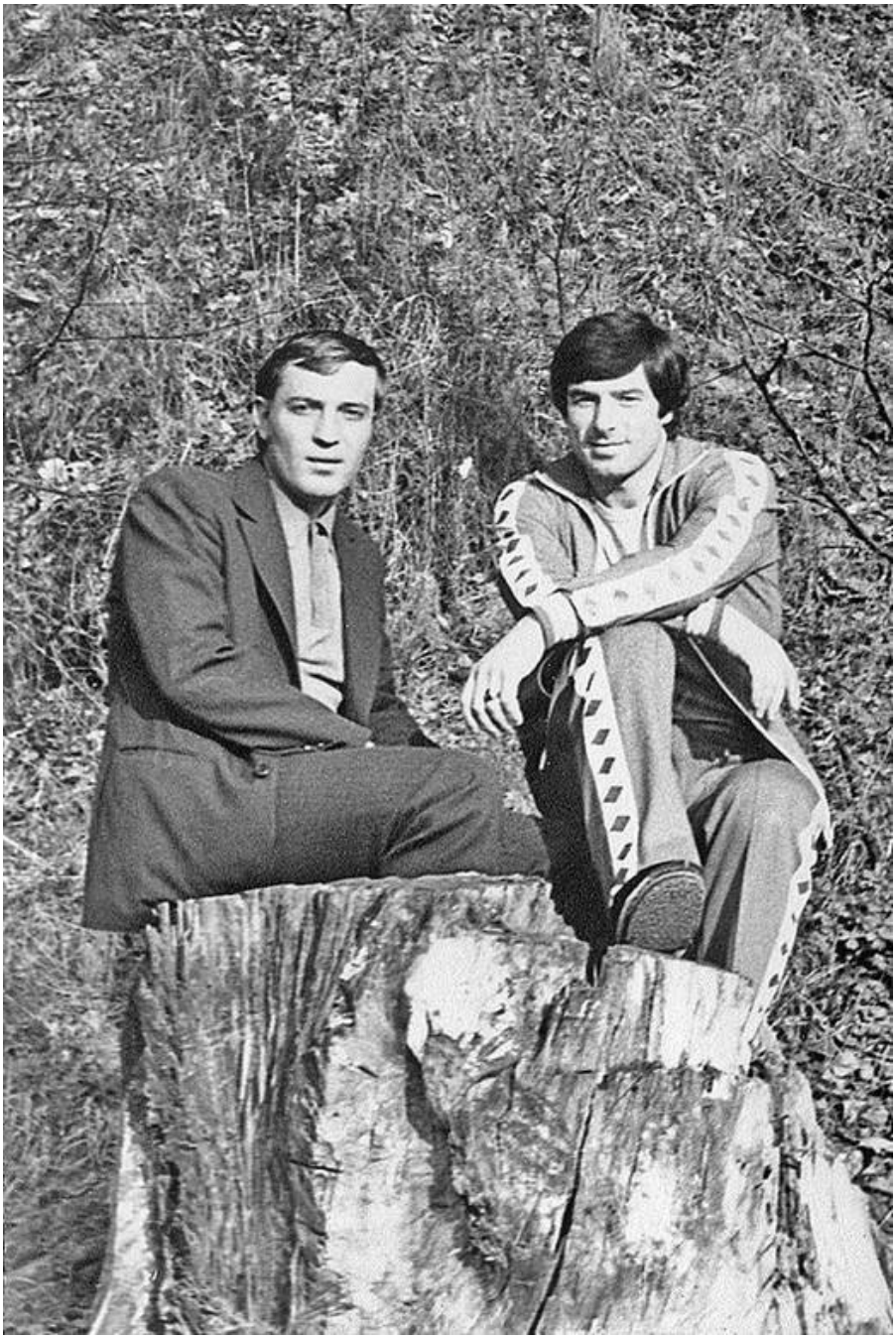
Сестра. И это искренне было, без какой-либо рисовки или натяжки. Саша крепко дружил с Валерой. Оба были звездами первой величины. Оба до поры были холостяками. К тому же близкие Мальцева жили в Кирово-Чепецке, откуда он родом, в Москве у него никого и не было. Единственное, где их пути расходились, так это в клубах: тренировки, сборы в ЦСКА и в «Динамо» проходили, разумеется, в разных местах и в разное время.

Не поверите, но скажу, что Саша заработки свои приносил… нашей маме. Да-да, приносил на хранение и от соблазна подальше. Бегоня вела строгий учет прихода-расхода; вела не хуже, чем в Сбербанке. Вот надо Мальцеву погулять – приезжает: «Мать, дай мне, пожалуйста, 500 рублей: мы в сборной дубленки должны получить». Она пишет в своем кондуите: взял столько-то на такие-то нужды. В другой раз приезжает: «Мать, 200 рублей нужно: нам цивильные костюмы завтра обещали выдать». Она снова все скрупулезно фиксирует. И такая бухгалтерия существовала вплоть до Сашкиной женитьбы; ну, при Сюзи, благоверной его, наша мама была освобождена от контроля за мальцевскими «миллионами». Да… Ну а потом случился у хоккейных звезд прокол: как-то невзначай они с Валеркой проболтались, что все эти дубленки и костюмы им выдавали бесплатно… Полностью мамину реакцию, пожалуй, приводить не буду. Очень эмоционально себя повела. Поначалу опешила и едва не разозлилась, но быстренько перевела все в шутку. Никто не пострадал от ее праведного гнева.

У брата моего были друзья детства, школьные товарищи, друзья юности. Он ценил их очень, доверял, был им предан. Среди хоккеистов имел, конечно, много приятелей. При его-то общительности, доброжелательности и чувстве юмора… Любую компанию мог поддержать. К нему тянулись буквально все кругом. Но на всех даже Валеры не хватало. Самым близким был Сашка Мальцев – Малец. Холостяцкий образ жизни тому способствовал. С Борисом накрепко был связан, хоть Михайлов уже семейным был. Да еще что влияло – Татьяна, жена его, как-то чисто по-женски тянулась к нашей маме. С Петровым, тоже

женатым, дружил, однако мне кажется, что влияло отчасти то, что Володя жил в Красногорске: рядом с Кольцевой, но не сравнить же с мальцевской Масловкой или михайловской Хорошевкой.

Бегоня Харламова и Александр Мальцев



В парке ЦИТО (Центральный институт травматологии и ортопедии). Валерий находился там по поводу травмы ключицы

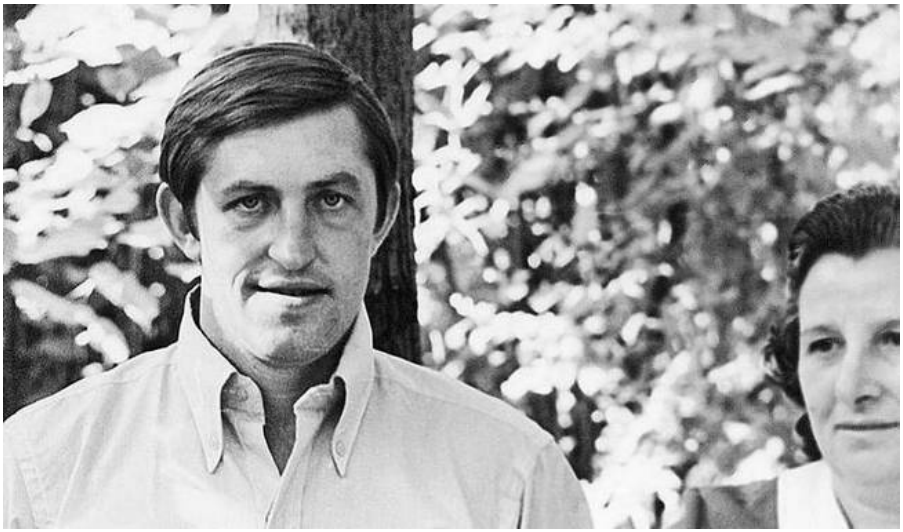
На свадьбе у одноклубника Александра Волчкова

Звезды эстрады приехали на Олимпиаду в Лейк-Плэсиде, чтобы поддержать звезд хоккея. Иосиф Кобзон (*второй справа*),

Владимир Петров (*третий справа*), Владимир Винокур (*четвертый справа*), Валерий Харламов (*пятый справа*), Лев Лещенко (*шестой справа*), Сергей Макаров (*седьмой справа*)

В команде дружбанил с Вовкой Лутченко. Неразлейвода были. Вместе могли и со сборов тайком сбежать, и вернуться так, что комар носа не подточит. Лутченко в команде звали Красавчик, а еще, на шведский манер, Эрик. У Бори Михайлова кликуха оригинальная была – Пыря. Слышала так – в футболе частенько пыром бил, на хитрость и на неожиданность, ну и приклеилось это. Женя Мишаков, друг его закадычный, сам, наверное, и придумал. А у брата ничего примечательного не было. Даже странно. Харлам да Харлам. Насколько помню, только так. Ничего особенного. А вот в цеэсковской молодежке его окрестили на канадский манер – Боб Харлей. Почему так – не узнала. Надо у Володи Богомолова полюбопытствовать. Мы с отцом собачку держали, которую Харлеем назвали.

Кафе «Погребок» в Алуште. Июнь 1969 года. После золотого дебюта на чемпионате мира, где в одном из матчей Валерию выбили зуб



Борис Михайлов и Бегоня Харламова – в парке Главного военного клинического госпиталя имени Бурденко: навещают Харламова после первой аварии

С Александром Гусевым. Вена. Чемпионат мира 1977 года

Отец. Сын с артистами крепко дружил. Тогда было ведь заведено: накануне больших турниров звезды эстрады приезжали в Новогорск, на базу сборной, к звездам хоккея. И на мировые первенства, на Олимпийские игры ездили, чтоб поддержать игроков, отвлечь и развеселить. С Володей Винокуром дружил.

Оба ведь юмористы были. И с Левой Лещенко, и с Иосифом Кобзоном.

Сестра. Раньше накануне турнира газеты «Известия» обязательно устраивали вечер в кинотеатре «Варшава», что рядышком с метро «Войковская». В гостях у хоккейной сборной – популярные артисты. Ребята туда охотно приезжали.

А Винокур бывал у Валеры и дома. Вот кого Ира охотно принимала, так это Винокура. С ним она дружбу Валерину всячески приветствовала. В отличие от того же Борьки Михайлова. Хотя не пойму, чем он был хуже популярного артиста?..

Заядлым театралом брат, пожалуй, не являлся. По случаю выбирался, не отказывался. А в театр на Таганке, куда вообще было не попасть в те годы, ходил охотно. Там как-то и познакомился за кулисами с Владимиром Высоцким. Через месяц-другой приходит Валера на вечер Высоцкого в Дом культуры (его же на большие площадки не пускали партийные верха), а тот во время паузы между исполнением своих песен возьми да объяви в микрофон: «Уважаемые зрители! Рад сообщить вам, что в этом зале сидит наш прославленный хоккеист, гордость наша и любовь Валерий Харламов! Давайте поприветствуем Валерия!» Прошло еще около месяца, и Валера ответил Владимиру взаимностью. Играл ЦСКА с «Крыльями Советов», и он на матч пригласил артиста. В перерыве брат как-то улучил момент, подошел к диктору и сам объявил пяти тысячам зрителей: «Товарищи болельщики, сегодня на игру пришел Владимир Высоцкий. Мы все любим его песни». А в семьдесят пятом я лежала в больнице. Больница хорошая, ведомственная – к Министерству водного хозяйства относилась. А находилась она на набережной, напротив Котельнической высотки. И надо же такому случиться – в соседнюю палату навестить родственника пришла Марина Влади. Встретились. Обнялись. Знакомы ведь благодаря Валере были. Тесен все-таки мир.

Женитьба

Сестра. О подробностях Валериного знакомства с будущей женой история умалчивает. Отношения с братом были самые что ни на есть родственные, дружественные и доверительные, однако ж, когда закрутилась вся эта карусель с нежданной женитьбой, не до этих расспросов нам было. Могу сказать только, что якобы в ресторане их пути пересеклись.

Вообще-то я у брата была в амурных делах кем-то вроде доверенного лица, а вернее сказать, на подхвате была. Частенько просил меня: «Танюх, выручи, подсоби, очень тебя прошу. Съезди на Маяковку, там к памятнику подружка должна подойти, договорились насчет свиданки – ну, скажи девчонке, объясни, что, мол, срочно вызвали на сборы и дома нет меня уже несколько дней». Пойти на свидание ему по каким-то причинам расхотелось, а обижать человека он по природе своей не мог органически.

Во Дворце бракосочетания

Решение о женитьбе сын принимал совместно с матерью

К Ире я конечно же никуда не ездила и не плела ей небылицы. Разок только увидала ее. В августе семьдесят пятого. Внимания особого на нее не обратила. И – все. Слыхом не слыхивала. Месяцы прошли. Осень прошла, зима. А потом вдруг раздается телефонный звонок, я ее и не узнала сразу-то, а она огорошила: «А я от Валеры родила». Иногда девчонки «ловили» или пытались «ловить» знаменитого Харламова. Являлись к нам домой и произносили ту же самую фразу, звучавшую как приказ жениться на ней: «А я от Валеры родила». На что мама наша отвечала незамедлительно и с металлом в голосе: «Раз такое дело, приноси ребеночка и посмотрим на него – если увидим, что похож на Валеру нашего, приютим и пригреем, никаких с нашей стороны возражений не будет». Тем обычно такая история и заканчивалась. Только не в случае с Ириной. В феврале семьдесят шестого брат вернулся из Инсбрука двукратным олимпийским чемпионом и абсолютно счастливым человеком. Но я не стала откладывать в долгий ящик и сообщила ему новость: «Звонила тут девушка. Ирой звать. Сказала, что родила от тебя». Помню, как брат очень удивился, как у него сразу озадаченным выражение лица стало. Через несколько дней явился к нам домой:

– …Мама, как ты решишь, так и будет!

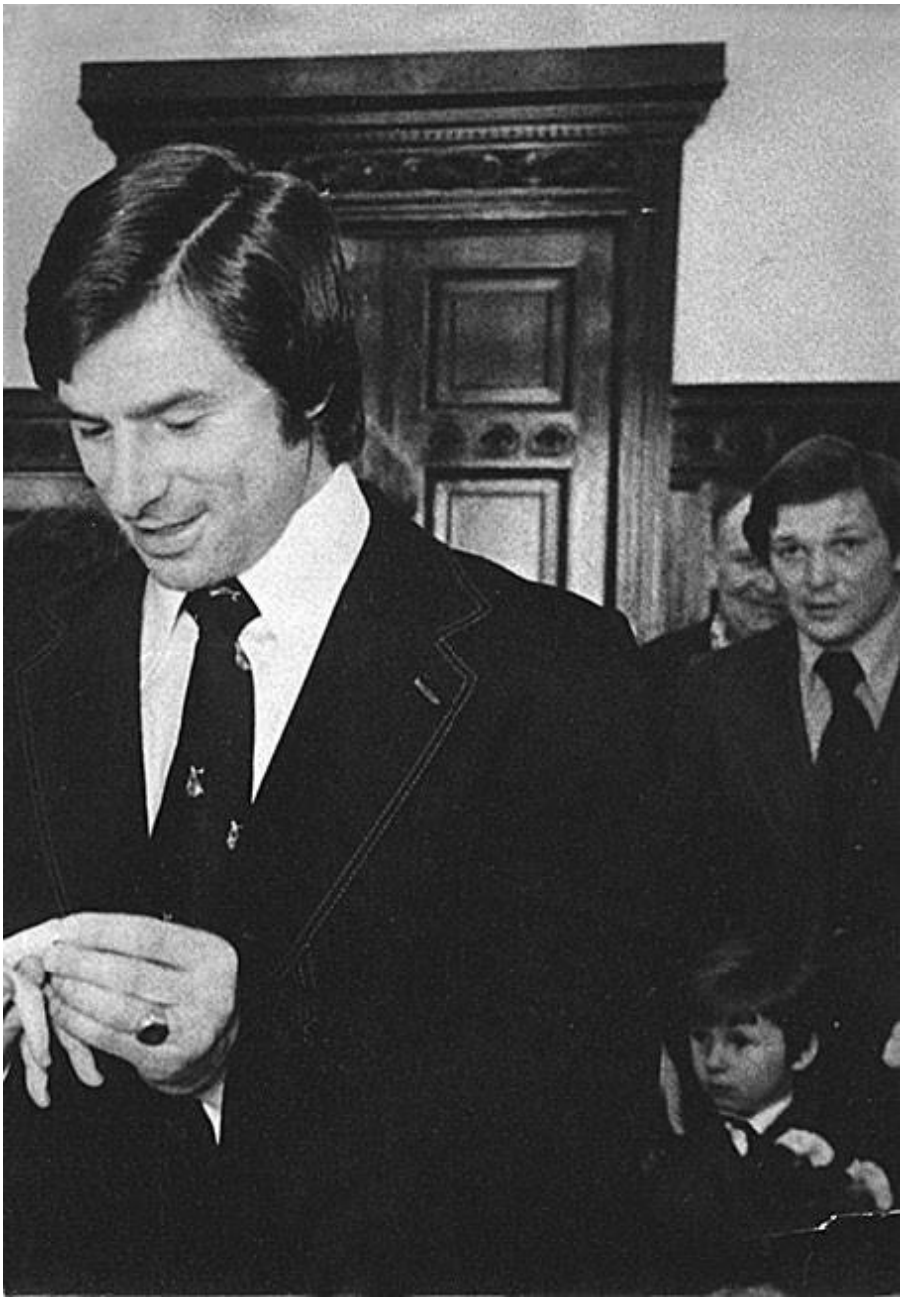
– Вроде мы тебя порядочным человеком растили, воспитывали. Раз твой ребенок-то, заводи семью, сын.

Зарегистрировались Валерий с Ириной в Грибоедовском дворце, что в районе Чистых прудов. Красиво было обставлено, торжественно. Свидетелем со стороны жениха был Александр

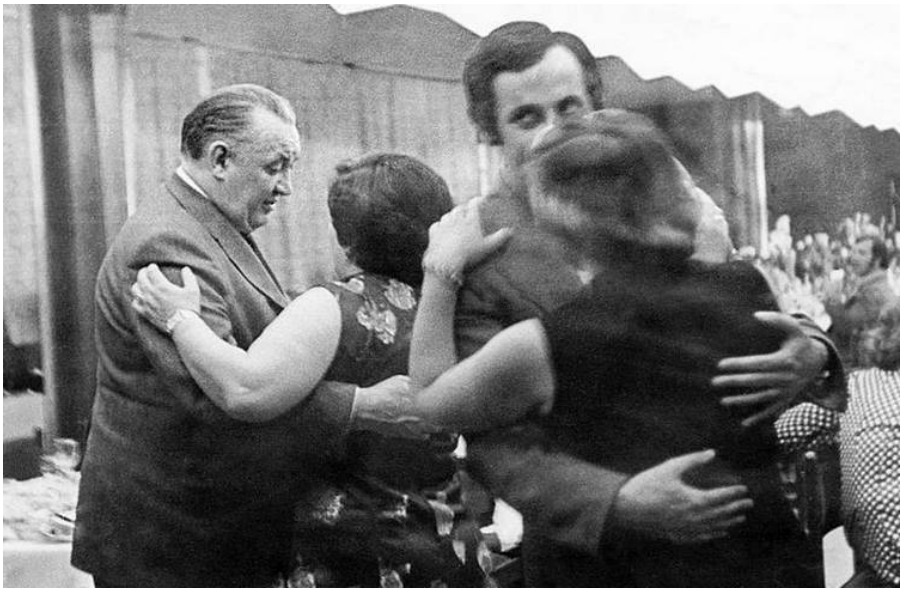
Мальцев.

Свадьбу сыграли в гостинице «Интурист» на улице Горького. В башне из стекла и бетона, казавшейся в те годы небоскребом. Ту «свечку» потом снесли и отстроили более презентабельное сооружение. Ресторан наверху располагался. Балкон еще, помню, был, выходишь на него – и вид шикарный открывался: Манеж, гостиница «Москва», Александровский сад, Красная площадь, Большой театр, гостиница «Метрополь».

За свадебным столом: молодожены и Татьяна Харламова



Во Дворце бракосочетания: на заднем плане свидетель со стороны жениха Александр Мальцев



Свадьба в ресторане гостиницы «Интурист». Слева – знаменитый тренер Борис Павлович Кулагин, который всегда верил в звездное будущее Валерия, танцует с мамой жениха

А в том ресторане администратором работала Нина Шестернева, супруга знаменитого футболиста ЦСКА и сборной. Женщина бойкая и приветливая. Казачка! Все организовала на высшем уровне и не безумно дорого. Гостей пришло человек полтораста. Из Швеции хоккеисты приехали, из Чехословакии. Гуляли от души. Красивая, очень красивая свадьба была. Веселая. А какая ж еще могла быть у Валерия Харламова?!

Первая авария

Сестра. Та авария. В семьдесят шестом. Первая. Опять-таки, не хочу наговаривать, не желаю измышлениями заниматься, но знаю точно, что наполовину в аварии была виновата Ирина.

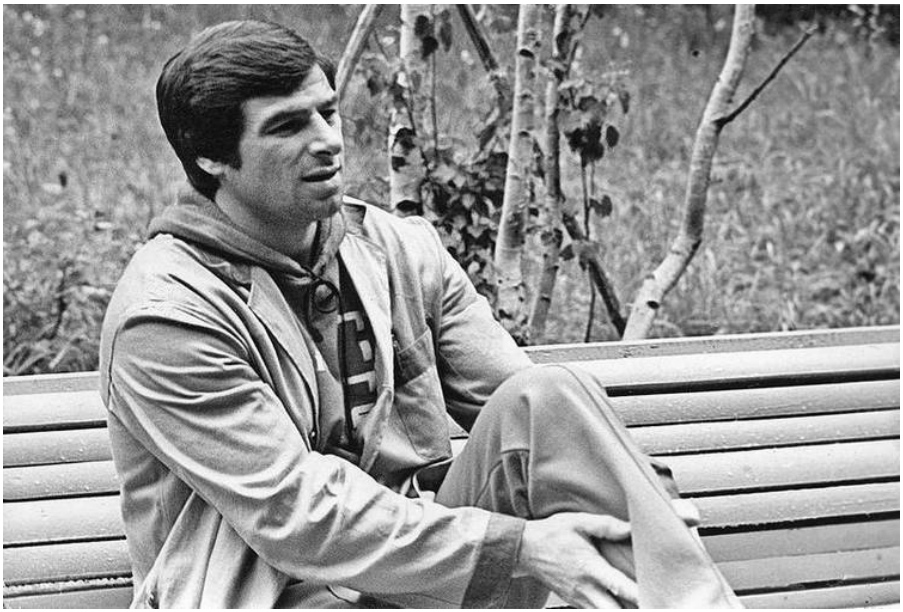
Уже к тому времени лично мне стало ясно, что ей не нравится Валерино окружение. Закадычные друзья детства и юности, хоккеисты тоже не импонировали.

После того как брат, узнав о появлении на свет своего ребенка, с маминого дозволения решил жениться, они с Ирой жили в его квартире в Тушине. Это был май – в те годы пора для хоккеиста вольготная.

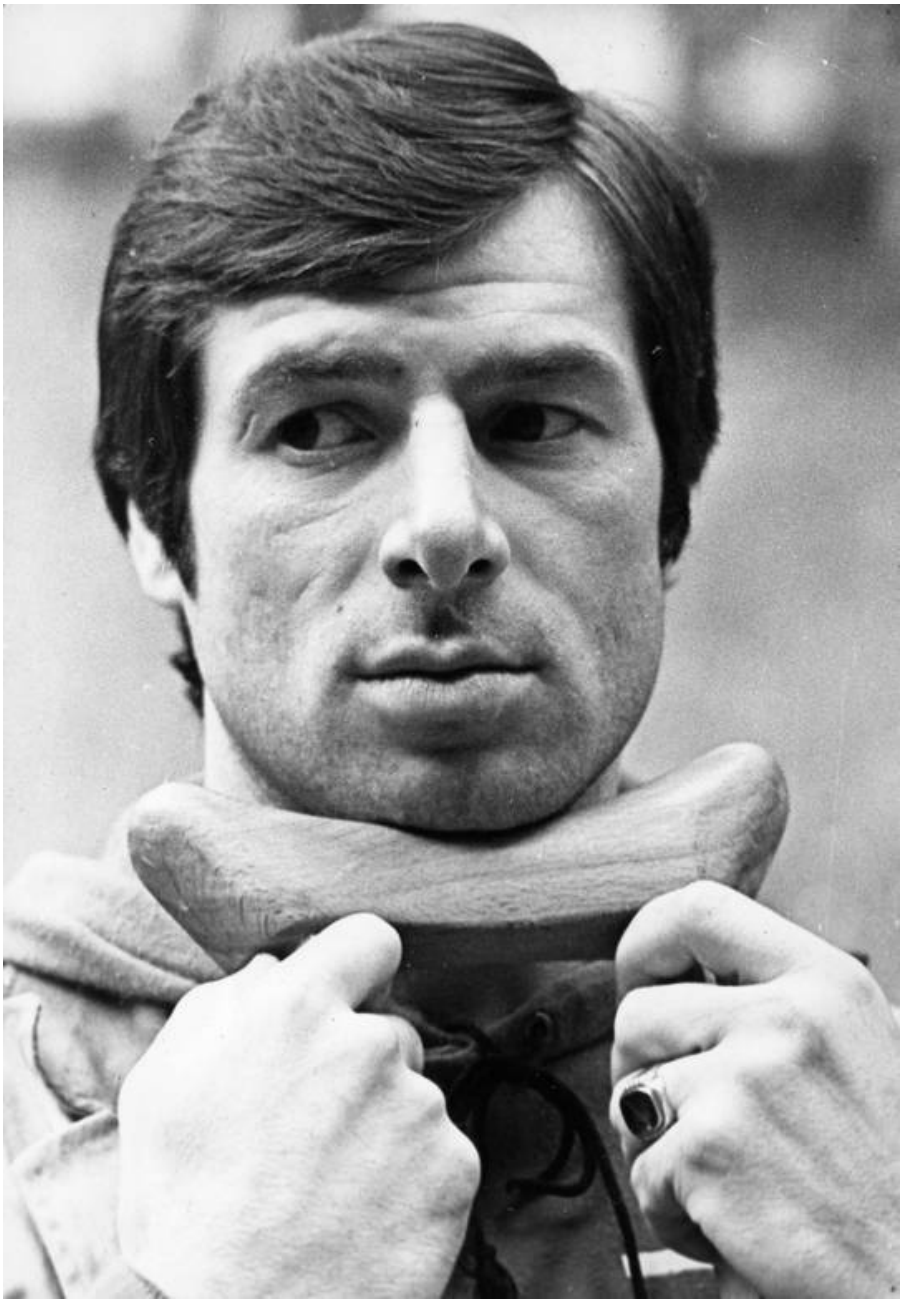
И день, будь он неладен, запомнила – 26 мая.

Миша Туманов, Борис и Таня Михайловы подъехали навестить моего брата в Тушино. А там уже была компания – Валера с женой и волейболисты ЦСКА. И вместо того чтобы оказать радушный прием близким Валериным друзьям, Ира предложила всем поехать в ресторан «Союз», что на берегу канала. Ехать там всего ничего. Конечно, Борис, Михаил и Татьяна отказались, ведь они ожидали другого приема – ребенка хотели повидать. Ушли несолоно хлебавши. А Ирина уехала, оставив девятимесячного Сашу с соседской девочкой. Когда мы потом, после аварии, приехали туда с Татьяной Михайловой, Саша был один в квартире. Спал в кроватке.

…В «Союз» отправились обычным и недлинным путем. Поехали по улице Свободы в сторону области. И такая возникла ситуация – автобус притормозил на остановке, Валера, естественно, идет на обгон, а люди выскакивают на мостовую не позади автобуса – тогда бы все видно было, – а спереди, то есть неожиданно совершенно.



«Поскорей бы вернуться на лед!» Эта мысль буквально преследовала Валерия во время пребывания в госпитале



«Движение – это жизнь». А жизнь свою он без хоккея не представлял

А тут еще и Ира его отвлекла… И у него расклад – либо этих

людей давить, либо резко выворачивать влево. Мгновенье лишь было. Ну, в столб на своей «Волге» и въехал. «Волга», говорят, всмятку была. Их обоих на «скорой» в больницу отвезли, Валеру в очень тяжелом состоянии.

Отец. Сразу после аварии его сначала сюда доставили, на Хорошевку. В 67-ю больницу. Ну, ясно, мы сразу Кулагину позвонили. Так, мол, и так. Ну а он уже Белаковского, нашего знаменитого цеэсковского доктора, на ноги поднял. Олег Маркович по армейским инстанциям доложил, запросил разрешение на отправку в Главный военный клинический госпиталь имени Бурденко в Лефортове. До Министерства обороны дело дошло.

Потому и шло восстановление с опережением графика

У Валеры букет был еще тот. И сотрясение мозга сильное. И перелом ребер. И серьезное повреждение голеностопа, а это для

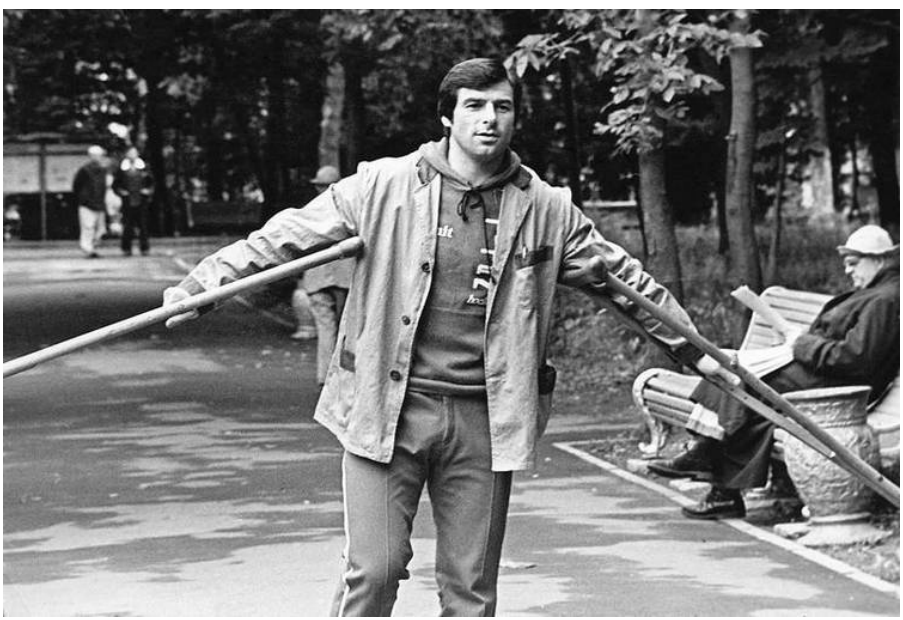
хоккеиста чревато печальными последствиями. Жена его тоже пострадала, перелом ноги, кажется, был.

Сестра. Брат долго находился в шоковом состоянии. Дня три, наверное, пролежал в реанимации: нельзя было сразу делать операцию, давать наркоз.

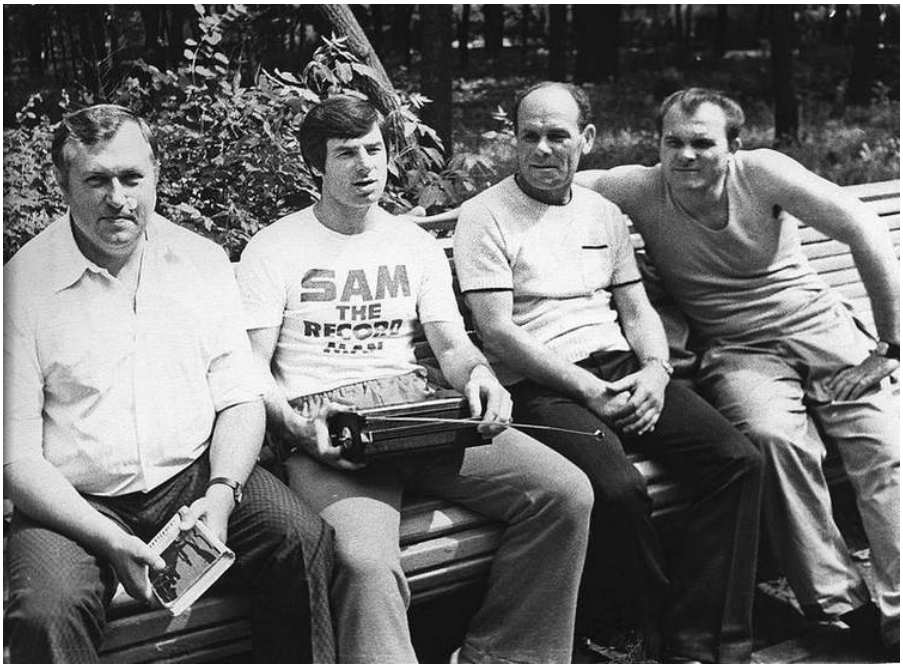
Отец. Сын тяжело, очень и очень тяжело возвращался к нормальной жизни, которую без хоккея вообще не представлял себе. На моих глазах все это происходило. Но духом не падал. Орлом держался!

Сестра. Маму и папу, сестру, друзей подбадривал: ничего, не дрейфьте, прорвемся. Единственное, в чем признавался мне: «Тань, не поверишь, но мне кататься легче, чем ходить!» Это в те дни было, когда из больницы уже выписался и начал выходить на лед.

Отец. Да, на первой тренировке Валера за бортик держался, руками аж вцепился… Вроде как начинающий игрок, в первый раз на лед вставший. Спортивную форму набирал долго и упорно. Постоянно с мальчишками из цеэсковской школы тренировался: он – один, а их – ватага…



Все дорожки и тропинки старинного госпитального парка были Валерием хожены-перехожены

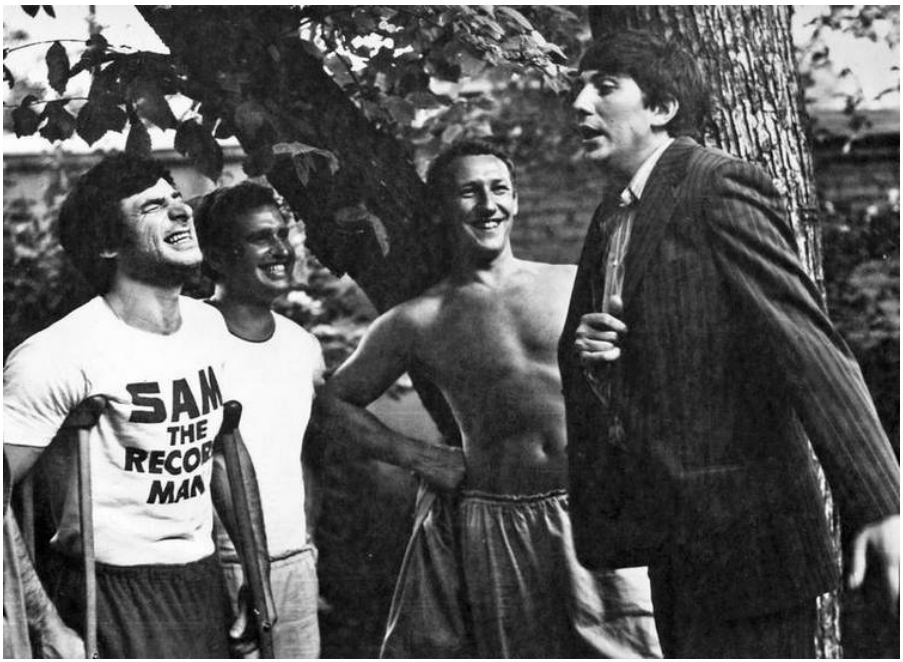


Когда дело пошло на поправку. В госпитале Бурденко: Иван Зобов – школьный папин друг, Харламов-сын и Харламов-отец

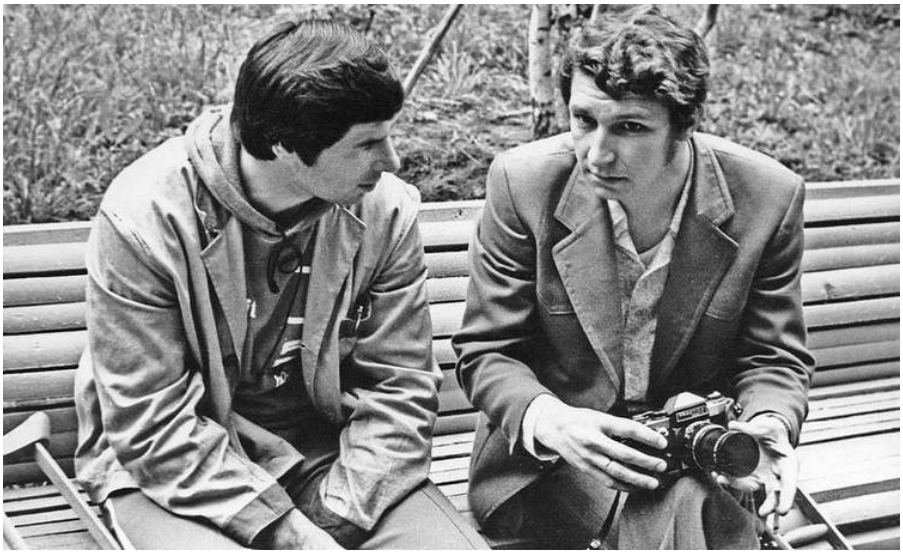
Кто как потом отзывался: вернул он себя прежнего или подрастерял кое-что? Мне трудно сказать. Может, что-то и осталось в прошлом.

В военном госпитале имени Бурденко сын пролежал с мая и,

кажется, до августа. Вокруг него всегда кипела жизнь. Смех, разговоры то с шутками-прибаутками, то по душам. Люди тянулись к нему. Бывало, приходишь в больницу, а его в палате нет. Спрашиваю соседей: «А где Валера-то?» И мне уже привычно объясняют: «Да у Анки-пулеметчицы он травит». Это была та самая знаменитая историческая личность – из дивизии Василия Чапаева! Душевная женщина была. Прознала, что Валерий Харламов рядом лежит, подошла к нему – познакомились и сдружились. Она его очень крепко поддерживала. Валера там, в больнице, раненько вставал, чтобы размяться, упражнения сделать, и старался, чтобы никто этого не видел, никому это не мешало. А она уже к нему шла – подбадривала, травили по очереди анекдоты. Анка-пулеметчица – вот ведь как, имени даже ее не запомнил – потом где-то написала ему: «Я еще поживу. Я уйду только после тебя, Валера». А умерла эта женщина через три месяца после того, как сын погиб. И похоронена там же, где он, – на Кунцевском кладбище.



Валерий и в госпитале всегда был в центре внимания



Валерий с удачливым фотографом

Они 14 мая расписались. Стали мужем и женой. А 26 мая попали в аварию. На машине. На «Волге». В Тушине это случилось. Ну и оба в военный госпиталь Бурденко попали.

Матушка моя, как узнала про день бракосочетания, обронила: «Ну все – теперь всю жизнь маяться будет». Как в воду глядела.

Долгожданный день выхода из госпиталя. На переднем плане справа – Татьяна Харламова, далее Валерий, за ним опирающаяся на палочку Ирина

Семейная жизнь

Отец. На жилищные условия сыну грех было жаловаться. Холостяком получил по линии ЦСКА однокомнатную квартиру в Тушине, на улице Свободы. Когда женился, дали ему двухкомнатную на проспекте Мира. А когда Бегонька родилась, они получили уже трехкомнатные хоромы. Там же, на проспекте Мира. Магазин «Вологодское масло» и метро «Алексеевская» рядышком. Хороший дом, капитальный. И тихо, потому как чуток в глубине от проспекта.

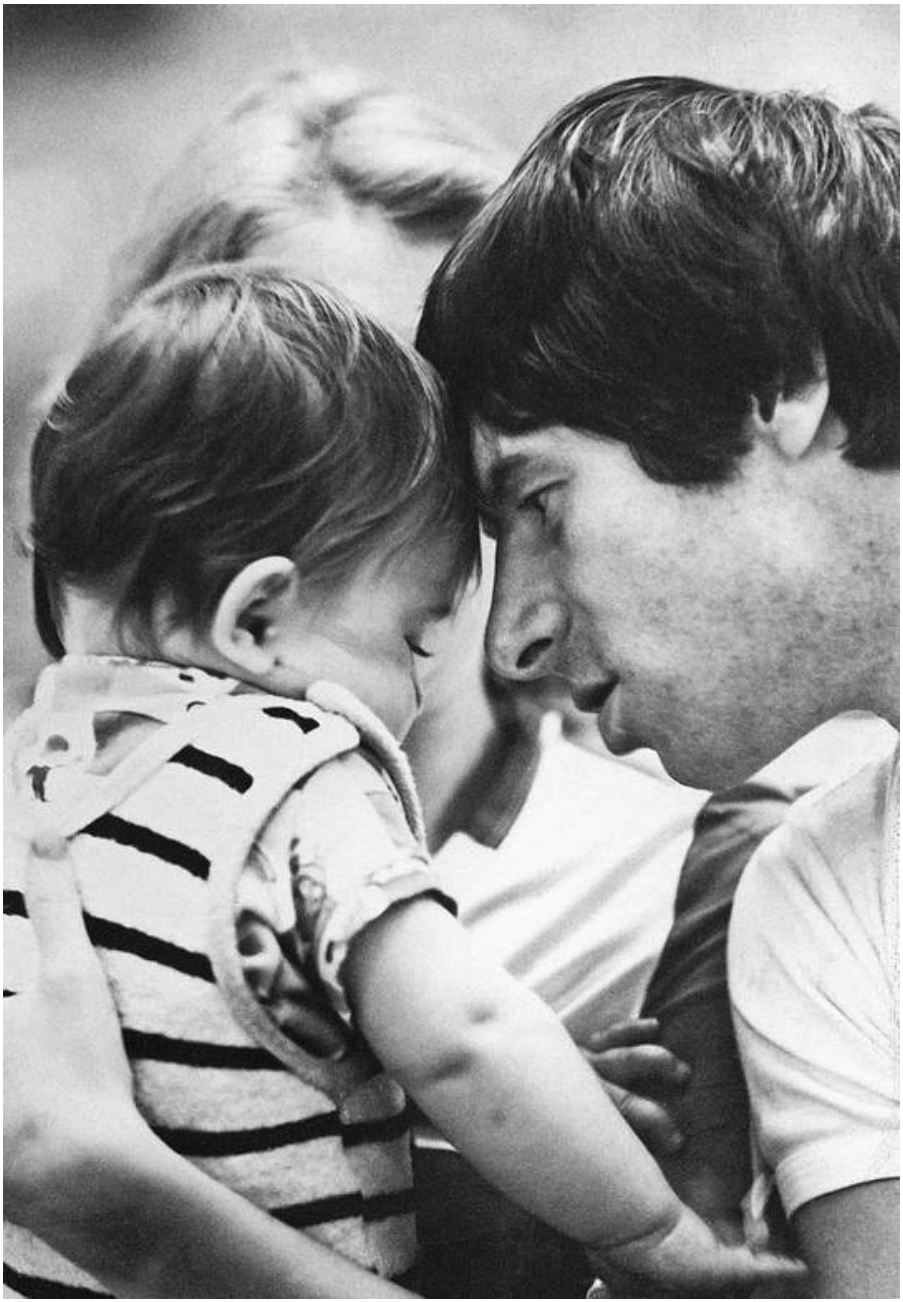
С супругой на отдыхе. 1978 год

С детьми – Бегоней и Сашей

Не сказать, чтобы Валера на дачу вырывался при первой возможности. Все-таки городским жителем был. От земли далек. Ну а как семьей обзавелся, стал туда ездить, чтобы детишки на чистом воздухе находились. Отвезет их с Ирой, привезет обратно. Если только не уезжал играть на выезд. За рулем всегда он был, жену не подпускал к машине.

Сестра. Я была-то там один только раз. Село Покровское, от 76-го километра Ленинградского шоссе недалеко. Дом как дом, стандартный для того времени, участок – тоже стандарт, 6 соток. Этот двухэтажный дом был поделен между тремя сестрами, Валерина семья обитала в тещиных «апартаментах» – две комнатушки и кухонька. Сегодня удивительным кажется – как это у звезды сборной Советского Союза не было своей дачи?!

Три поколения Харламовых



Харламовы: как мужчина с мужчиной…

«Хочу быть таким, как папа!»

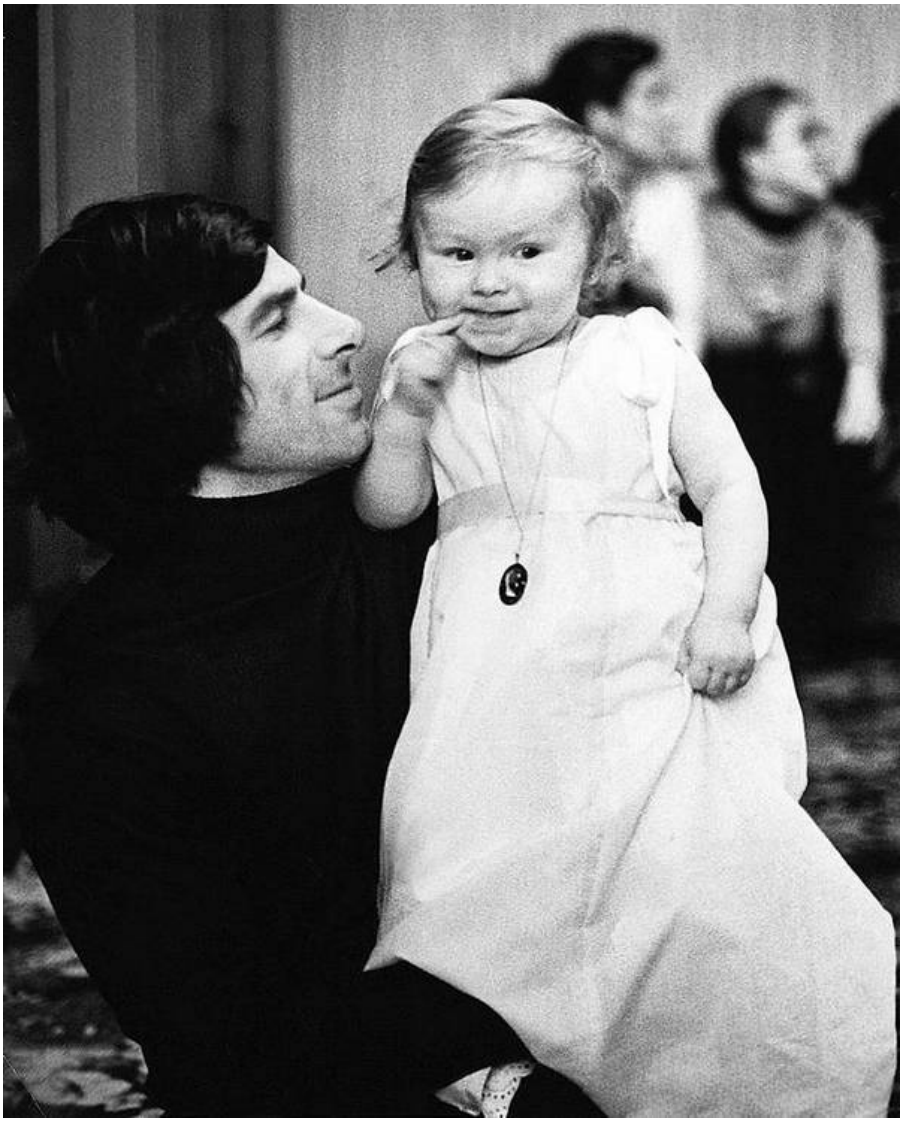
По линии ЦСКА брат не просил содействия в приобретении дачного участка, даже не интересовался. Харламов вообще за себя просить не умел. Да тогда и не очень было принято одаривать спортсменов земельными наделами.

Мы нигде это не публиковали. Мы никогда не говорили об этом… У Валеры с Ириной дело шло к разводу.

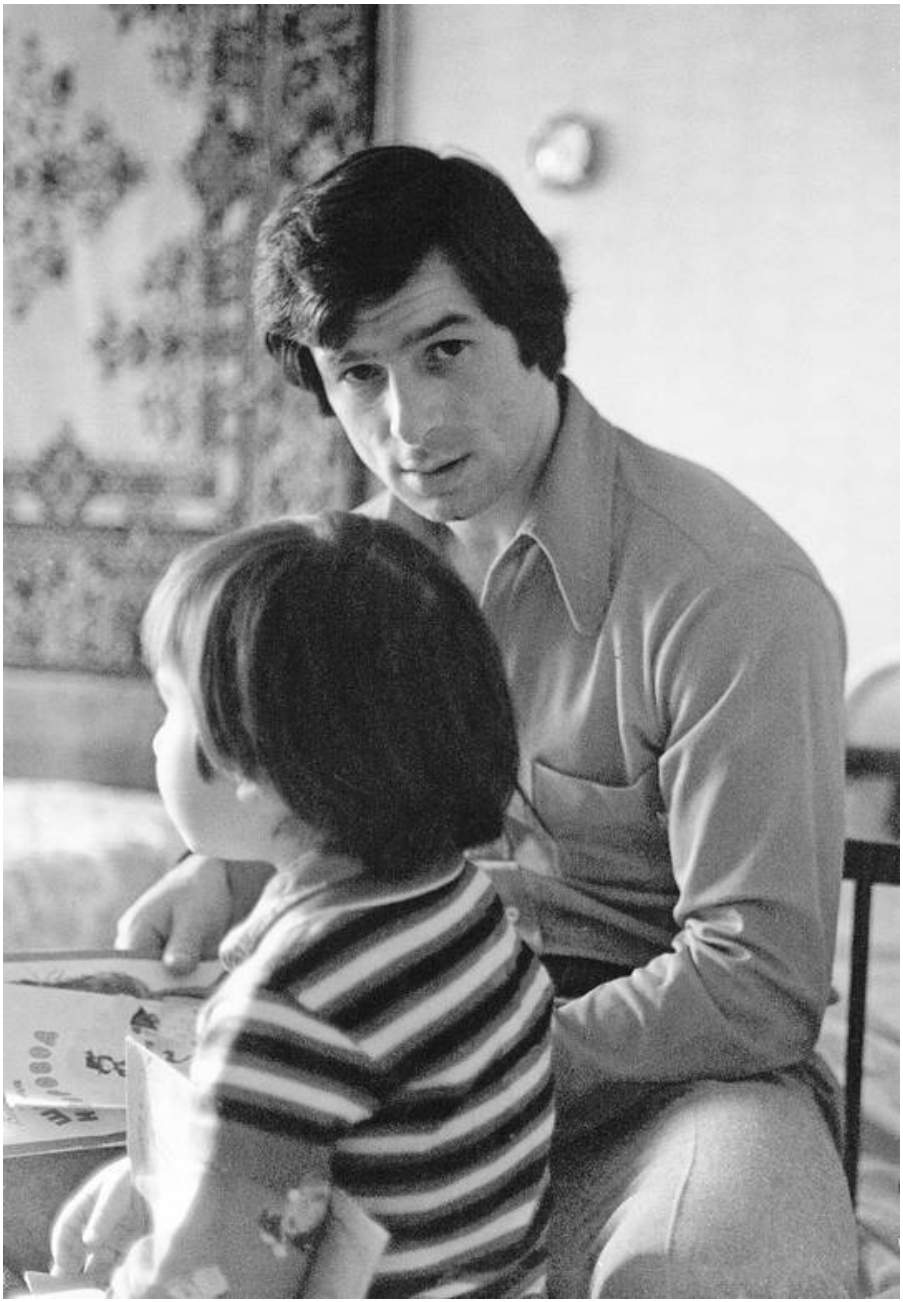
26 августа 1981-го он зашел ко мне на работу в аэровокзал. Какой-то задумчивый был, чувствовалось, что гложет его что-то.

– Тань, как думаешь, мама не будет против, если я с детишками к вам перееду?

– Да, конечно, Валер. О чем ты говоришь… Что нам всем, на Угловом места, что ли, не хватит?



Валерий души не чаял в дочурке Бегоне



Вечер с сынишкой – и радость молодого отца, и восстановление опытного мастера после ледовых битв

Он как раз 28 августа собирался встретить на вокзале маму, приезжавшую из Испании (самолетов она боялась как огня). Ну и, видно, после разговора со мной собирался обсудить с ней свое семейное положение. Встретить не успел. Не судьба.

Родители Ирины? Про папу ничего не знаем. Мать, Нина Васильевна, работала на заводе. Чем занималась Ирина? Да ничем, по правде говоря. Не работала, не училась. Была она на восемь лет младше Валеры. Когда поженились, ему 28 лет было, а ей – 20.

А родители наши что? Они ведь судят по тому, как у детей отношения складываются. Если я с Валериными избранницами – с Маришкой, с Галкой – дружила, если я дружила и с Татьяной Михайловой, и с Татьяной Якушевой, то с Ириной ни взаимопонимания, ни теплоты совсем не было.

Что за человек была Валерина жена? Любила потанцевать. Любила в компаниях время проводить. Про таких сейчас говорят – «тусовщица».

Только весной восемьдесят первого она пошла работать на телевидение, куда ее устроил Валера – по блату, конечно.

Что она за человек была? Ничего примечательного… По мне – так ничего примечательного.

Выпивала, между прочим. Не помногу и не хронически, конечно, однако поводы находила. Во всяком случае, могла вдруг сорваться с места и оставить детей на бабушку – на свою мать, которая жила вместе с ними.

Ну не сложились отношения ни у родителей, ни у меня ни с Ириной, ни с Валериной тещей. Даже после того, что случилось в восемьдесят первом, более или менее сносного контакта с Ниной Васильевной не было.

В редкий час досуга

Кумир

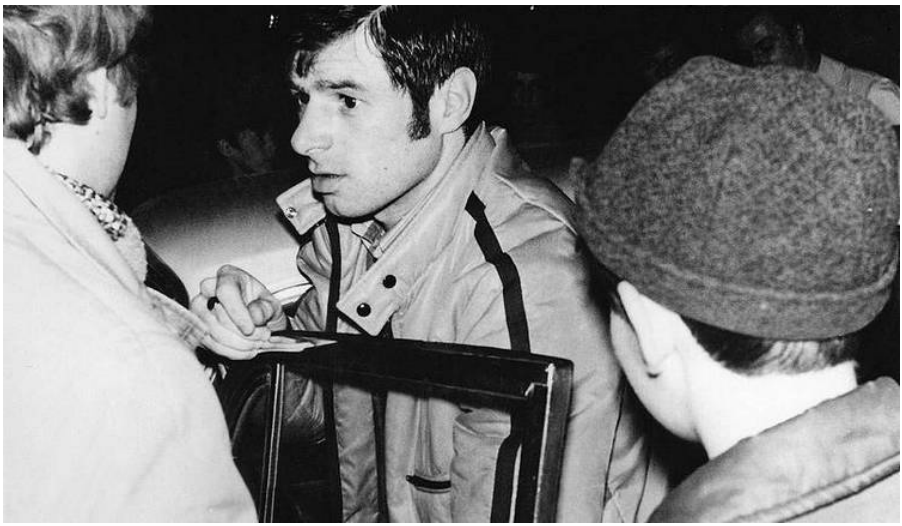
Сестра. Это во дворе нашей кирпичной, между прочим, пятиэтажки на Угловом.

У брата на руках Сашенька трехгодовалый. Семьдесят восьмой год это. День точно назову – 6 декабря. День рождения маминой крестницы Маритери – дочери Хосе, маминого брата. Мамину племянницу мы звали сокращенно Тери. Испанская родня приехала, когда у Валеры выходной выдался. Поздравили Тери, пообедали. Ну и вышли во двор проводить наших испанцев.

Отец. Эта белая «Волга» имела номер 00–17 ММБ. Как его игровой номер. Вся страна его знала. А ММБ сын так расшифровывал – Милая Моя Бегоня! Ну и, разумеется, «Волгу» ту не трогали. А гаража не было. Ни у кого из жильцов. «Ракушек» тогда еще не придумали. Сын ставил машину где придется, где место находил. Тогда личные авто мало у кого имелись.

Русско-испанская «команда Харламова»: Маритери – мамина крестница из Испании, Татьяна Харламова, Хуанита – жена маминого брата, племянник Харламова – Валерий, жена Валерия Борисовича – Ирина, их сын Саша. Снимок сделан в декабре 1978 года во дворе дома на Угловом переулке, где семья Харламовых получила квартиру от завода, на котором работали отец и мать (а

несколько лет и сестра). Рядом белая «Волга» хоккейного кумира с номером 00–17 ММБ



Для него не существовало барьеров в общении с любым человеком

А вот с «москвичом» было происшествие. 412-й в экспортном исполнении. Три года был у нас.

Надо было Валеру в аэропорту встречать, откуда-то из-за рубежа возвращался.

Я спокойно утром выхожу, снимаю брезент с машины – ни фар передних, ни бампера переднего!.. Ночью, наверное, воришки сработали. Ну что делать – взяли такси до аэропорта и обратно. Влетело в копеечку. А еще случай расскажу с Валерой диковинный.

С тем же «москвичом» это было. Обычно мы в холодное время года сливали воду на ночь, чтобы она не замерзла. Сын приехал с покупками, я спустился встретить его:

– Валер, принеси из дома горячей воды.

Он приносит бадейку и собирается заливать в бак для масла. Я остолбенел:

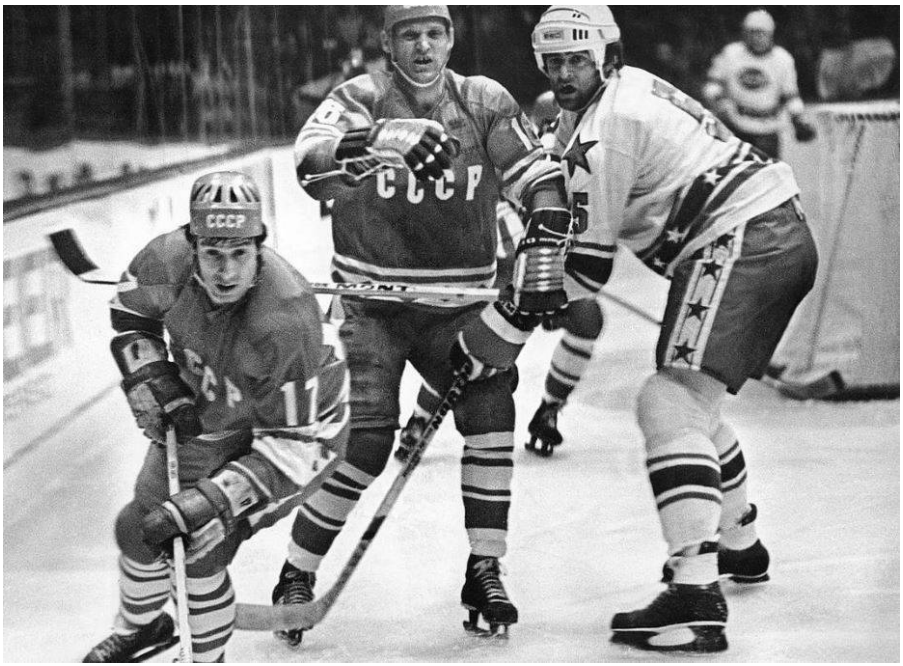
– Куда ж ты льешь?!

– А черт его знает, куда надо.

В «москвиче» рядом находились пробки для воды и для масла. Вот он и перепутал не моргнув глазом. Похохотали потом вдоволь.

Сестра. Он не технарь был. Абсолютно! А водить любил. Особенно летом, когда испанки, мамины приятельницы Изабель и Селия, к нам заглядывали; зимой-то, в хоккейный сезон, то брата дома нет, то у него времени свободного в обрез. Любил гостей

развозить по домам. По ночной Москве роль бесплатного таксиста исполнял. Гости собираются уходить – Валера обязательно предлагает свои услуги. Изабель на Фрунзенской набережной жила, Селия – на Ленинском проспекте, мама с ними тоже едет, могли потом и за полночь вернуться. Бывало, брат просто предлагал нам: «Давайте покатаемся!» И попробуй откажись от заманчивого предложения.

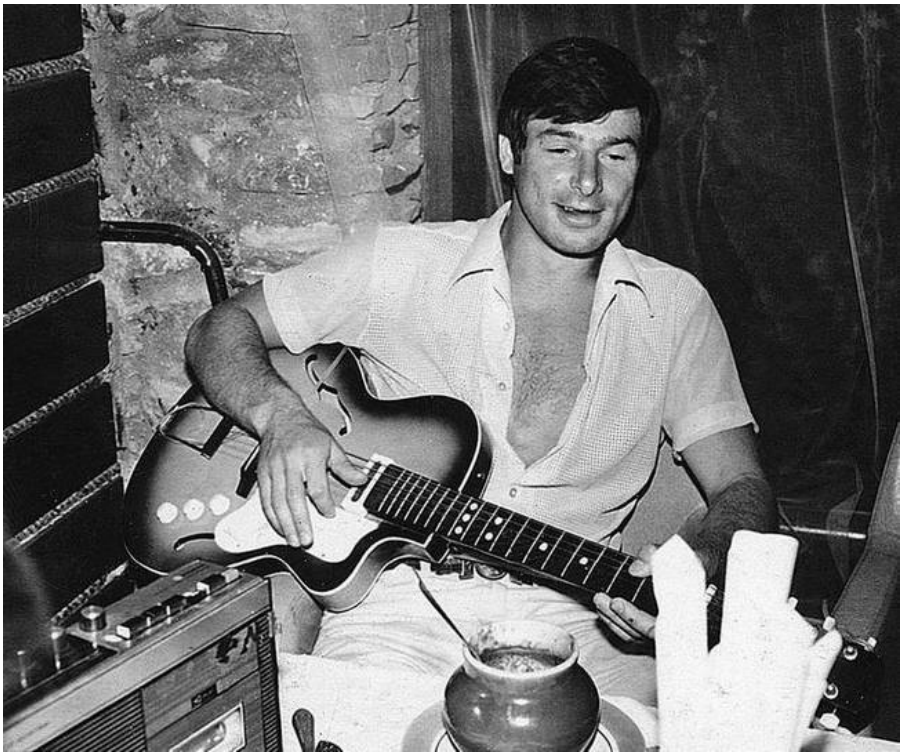


В застолье для Валерия было главным общение в непринужденной обстановке

А если что конкретно надо было, дважды его просить не приходилось. То к отцу рванет в санаторий «Дружба» (кажется, на Пестовском водохранилище тот находился), то в Звенигород к родителям, в сентябре там они обычно проводили отпуск.

Вообще привязан был к матери с отцом, душой с ними отдыхал. И когда уже знаменитым на весь мир стал. В те годы это даже больше ощущалось.

Вот дома, в нашем семейном кругу, брат раскован был абсолютно. Музычку включит испанскую или битлов. В лото сыграем, в картишки перекинемся – в петушка, в акулину, в девятку, иногда и в храп. Еще он играл в парчис, это испанская игра, где бросают кубик. От двух до восьми человек могли играть, когда полный комплект – такой азарт!..



Испанская кровь чувствовалась, когда он брал в руки гитару. Крым. Алушта. 1972 год

Отец. Выпить Валера мог. Не сказал бы, что часто. И не сказал бы, что много мог выпить. Больше для настроения, для того, чтобы поддержать компанию. А вообще, если откровенно, не злоупотреблял этим. Дело, семья от редкого нарушения спортивного режима не страдали.

Сестра. Это все домыслы болельщиков – якобы страшные загулы популярных хоккеистов. Да им и немного-то надо было… Наверное, оттого, что постоянно под большими физическими нагрузками находились. Михайлов и Петров совсем не лихачами в застолье были. Да и Валера наш – может, не шучу, испанская кровь сказывалась: русские люди, как ни крути, покрепче к водочке, к алкоголю.

Отец. Со спортивным режимом у сына проблем не было. Мне ли этого не знать? Он понимал, что такое ответственность. За себя. За свое имя. За нас, близких.

Не пил. Ни в какую. Если не положено было здесь и сейчас.

Вокально-инструментальный ансамбль в составе Владимира Лутченко, Александра Волчкова, Владислава Третьяка и Валерия Харламова. Крым. Алушта. 1972 год

Тарасов, молодец, все эти вопросы под четким контролем держал. Они с чемпионата мира приезжают – и он ребятам говорит: «Два дня даю разгрузочных!» Шутили тогда – мол, город отдается им на разграбление… А почему бы и нет после такого напряжения сил?

Сестра. Что Валерка, что Борис, что Володька Лутченко – 100 граммов выпивали, и все, им хватало… Ну, может, я преуменьшаю дозы, однако факт, что больше витало досужих вымыслов об их пьянках-гулянках, чем в действительности выпивалось. Это я ответственно говорю.

Мы частенько в «Будапешт» заходили. В нем и тридцатилетие Валерино отмечали. И кухня там знатная была, и знакомые там уже завелись, и расположен был в самом центре. Такси в те годы нелегко поймать было. А мы спокойненько садились на троллейбус № 23 и по Новослободской улице добирались к себе в Угловой переулок. Валерка спокойно это воспринимал, он же простым человеком был.

Мама с цветами, принесенными сыном

Блины брат любил до сумасшествия! За домашние блины душу продать был готов… Бывало, Танька Михайлова позвонит нам: «Что поделываете? Какие планы? А я тут блины стряпаю». Все – Валера срывается с места, будто что-то экстренное случилось: «Я – к Михайловым. Позвони, если что».

К блинам что угодно ему подавай. Со сметанкой, с вареньицем наворачивал за обе щеки, песочком сахарным посыпал. Да что есть в доме или что предложат в гостях – все в охотку шло. Между прочим, мог и сам себе на скорую руку пяток блинов сготовить – все, сыт и доволен жизнью.

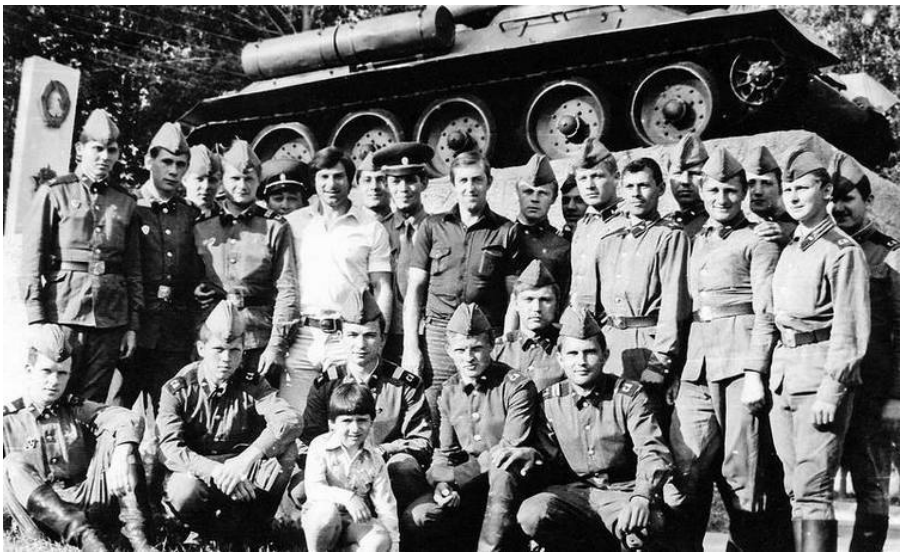
Готовил брат неплохо. По-мужски, но с понятием. Голодным, если вдруг ничего готового не было, не оставался. Придумает что-нибудь, сварганит из того, что дома имеется, и никаких проблем в том не видел. И посуду потом помоет. И постель приберет. Его никакая работа по дому совершенно не тяготила. Я же наблюдала все это, когда он получил однокомнатную квартиру от ЦСКА на улице Свободы в Тушине. Так, чтобы я нагрянула, а у него кавардак кругом, – ни разочка подобного не было.

В гостях у друга детства Сергея Сугробова. Заводской пионерлагерь «Лесные поляны» под Звенигородом

На снимке такой большой агрегат – это радиола. Вручили Валере как приз лучшему игроку. То ли матча какого-то, то ли турнира.

А рядом магнитофон. Брат музыку очень любил. Можно сказать, увлекался музыкой.

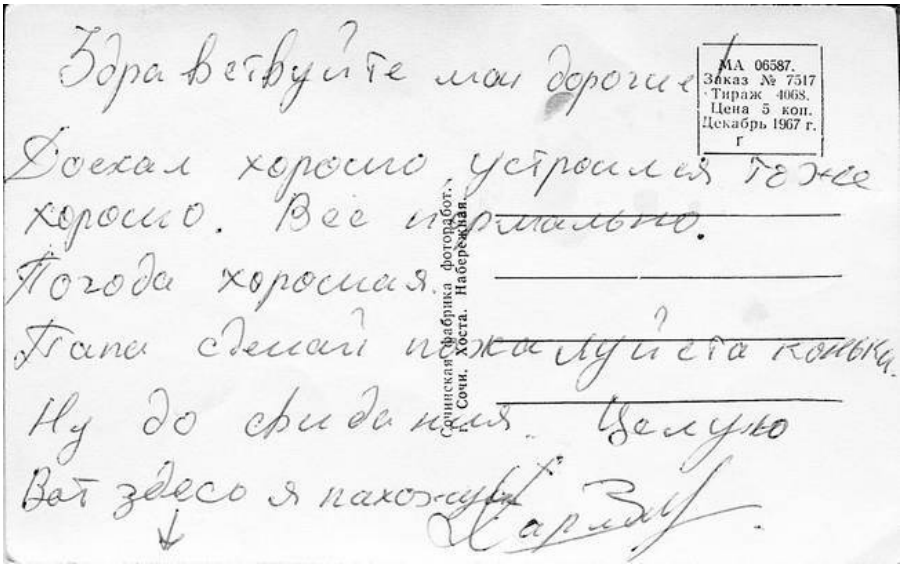
Брат в свободную минутку брал гитару в руки и играл. Игра – может, это громко сказано, но аккорды брал. «Ассортимент», понятно, небольшим был. Зато удовольствие получал.



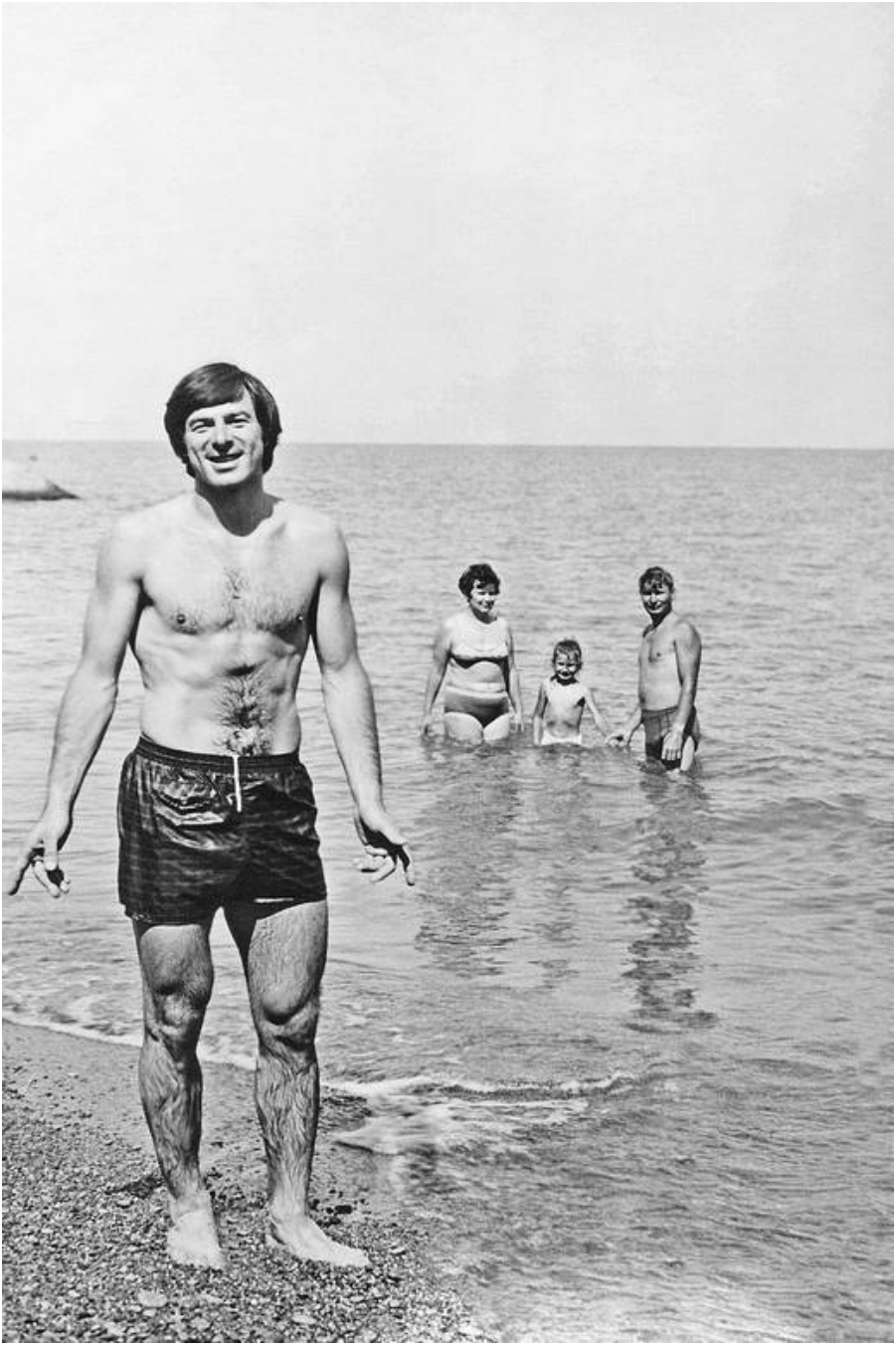
Краса и гордость хоккейного подразделения Центрального спортивного клуба армии Валерий Харламов был всегда желанным гостем в воинских частях

Любил «Битлз». Любил испанские мелодии. Очень любил наши песни: «От зари до зари», «Листья желтые». Романсы любил очень, когда Иосиф Кобзон исполнял. У брата хорошая аппаратура имелась. Фирменная. Привозная, конечно. Диски собирал, коллекция была довольно-таки приличная. Отовсюду из-за границы кассеты с популярной и зачастую полузапрещенной музыкой привозил. Мама накануне отъезда в Испанию всегда спрашивала его: «Что привезти тебе музыкального? Принимаю любые заказы для сына».

Высоцкий! Ну, это особая история.

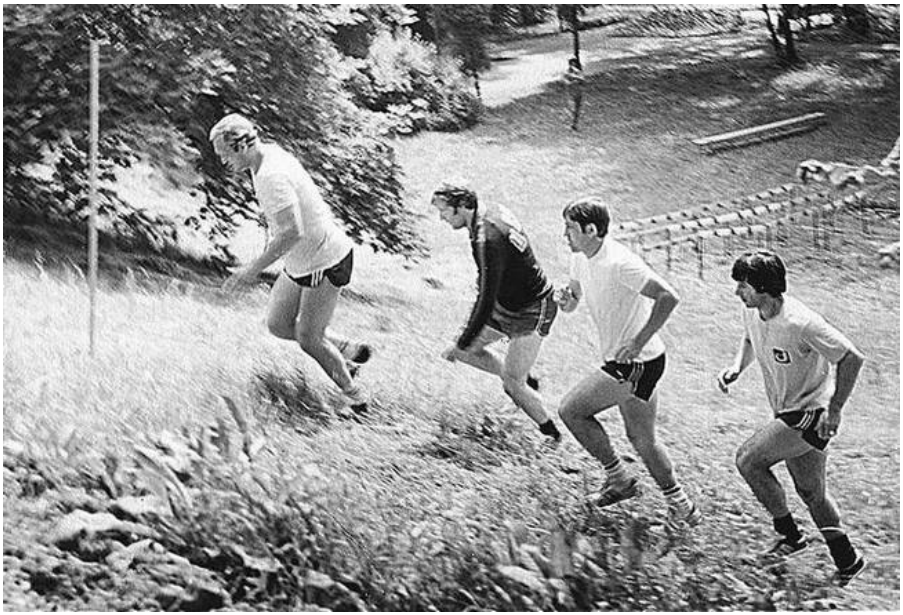

Здравствуйте мои дорогие
Доехал хорошо устроился тоже
хорошо. Все нормально.
Погода хорошая.
Папа сделай пожалуйста копию.
Ну до свидания. Целую
Вот здесь я нахожусь
Сашка.
МА 06587.
Заказ № 7517
Тираж 4068.
Цена 5 коп.
Декабрь 1967 г.
г
Сочинская фабрика фоторабот.
Сочи. Хоста. Набережная.

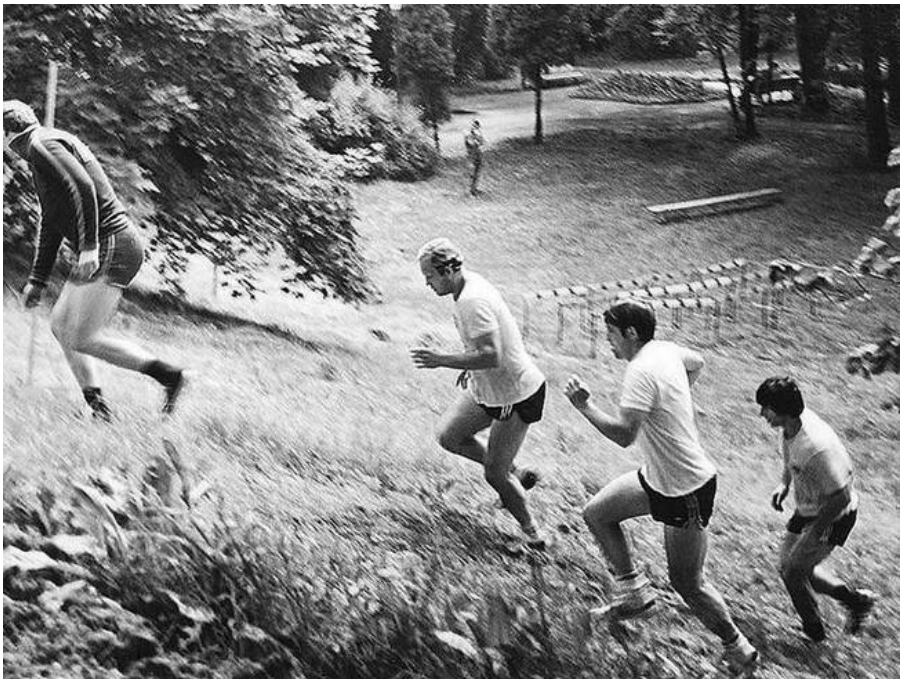
Это, скорее всего, открытка из Ялты или Алушты. Предпочитал отдыхать в Крыму. А вот в Сочи не ездил в отпуск.



Красив как Аполлон! Крым. Алушта. 1974 год

Обслужить «самого Харламова» – это же воспоминание на всю жизнь!





Спортивная база ЦСКА в Архангельском: соленый пот не для господ…

Насчет коньков звучит, конечно, странновато. Объясняю. Отец ему всегда готовил коньки. И в звездную его пору тоже. До последнего ювелирную обточку делал для сына.

Отец. Я даже Женьке Мишакову, уж на что тот мастером по

конечкам, по экипировке считался, точил. Потому как он сам обращался: «Дядя Боря, подсоби – лучше тебя никто не сделает!»

Сестра. Так, так. Цена открытки 5 копеек. А вот другое письмецо. Штамп почтового отделения, обратный адрес – Кудепста. Ну, значит, это брат в июле отправил, с летнего сбора ЦСКА.

Отец. Ох, и нагружал их там Тарасов, гонял с утра до вечера.

Сестра. После первого сбора в Кудепсте мы Валерку нашего и не узнали сразу – накачанный вернулся, мускулы по всему телу. Прямо Геракл какой-то!

Отец. Архангельское было для армейцев вторым домом. Сборы, сборы, сборы.

На предсезонке сын больше там жил, чем у нас на Угловом переулке. А уж когда в семьдесят седьмом Тихонов Локтева сменил, загородная база стала для игроков местом постоянной прописки – смело могли указывать ее адрес в каких-нибудь документах, анкетах.

Сын по-своему любил Архангельское. Красота там, конечно, исключительная! Какой парк необыкновенный! Усадьба графа то ли Шереметева, то ли Юсупова. Москва-река рядом – руку протяни. Кормили на цеэсковской базе до отвала и по-домашнему. Бильярдная. Банька. Чистота. Уют.

Но ребятки все норовили с базы сорваться. «В самоволку».

…Как-то отдыхал я по заводской путевке под Звенигородом. Гуляю себе на свежем воздухе и вдруг – ба, Валерка приехал! Да не один. Они с Анисиным Славкой дружили, вот и сорвались с базы – там на машине совсем недалеко было. Спрашиваю их: дескать, не проштрафитесь, часом? А ребята только рукой махнули с бравой такой улыбочкой: отец, не нервничай – все путем будет. Ну и отдохнули на вольном воздухе…

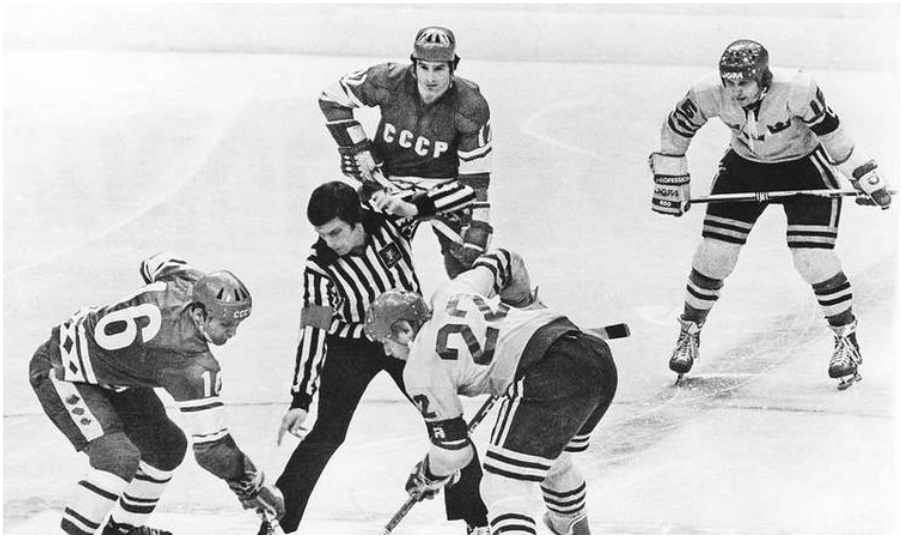
Был ли Валерка суеверным? Да не особо… Вот у мамы нашей примет всяческих было хоть отбавляй. Вот такая, скажем, запомнилась. После того как Валера отправлялся куда-нибудь на выезд, не мыла пол в квартире, пока сын не позвонит и не доложит, что все в порядке.

Ах да, была у сына примета – на лед всегда выходил последним. Всегда. А, вот еще что было – коньки начинал шнуровать с левого ботинка. Всегда с левого. А так больше вроде и не было.

Все, буквально все – и в Союзе, и за рубежом – с ума сходили от харламовской обводки, от его фирменных финтов и приемов. Только два человека знали, откуда это все взялось.

Встреча с любителями хоккея: ни один вопрос не мог застать Валерия врасплох

Он да я. Сын да отец. А все начиналось с дворового каточка у нашего дома на Ленинградском проспекте и со стадиона «Пищевик», что в трех кварталах от «Динамо», куда я брал малого на свои игры в бенди по Москве, оставляя его на пару часов на свободном льду.



Бывали у нас с сыном разборы матчей. Наши междусобойчики: если на что укажу (мол, сынок, в том эпизоде мог сыграть и поострее, а в другом должен был пожестче с

защитником обойтись…) – он не раздражался и не перечил. Скажу, что прислушивался даже после того, как все мировые титулы завоевал. С дворовой площадки это у нас принято было, с цеэсковской школы. Но не припомню ни разу, чтобы сын дал повод упрекнуть себя в выпендреже, в заносчивости; уж чего-чего, а звездной болезни совсем не было у него.

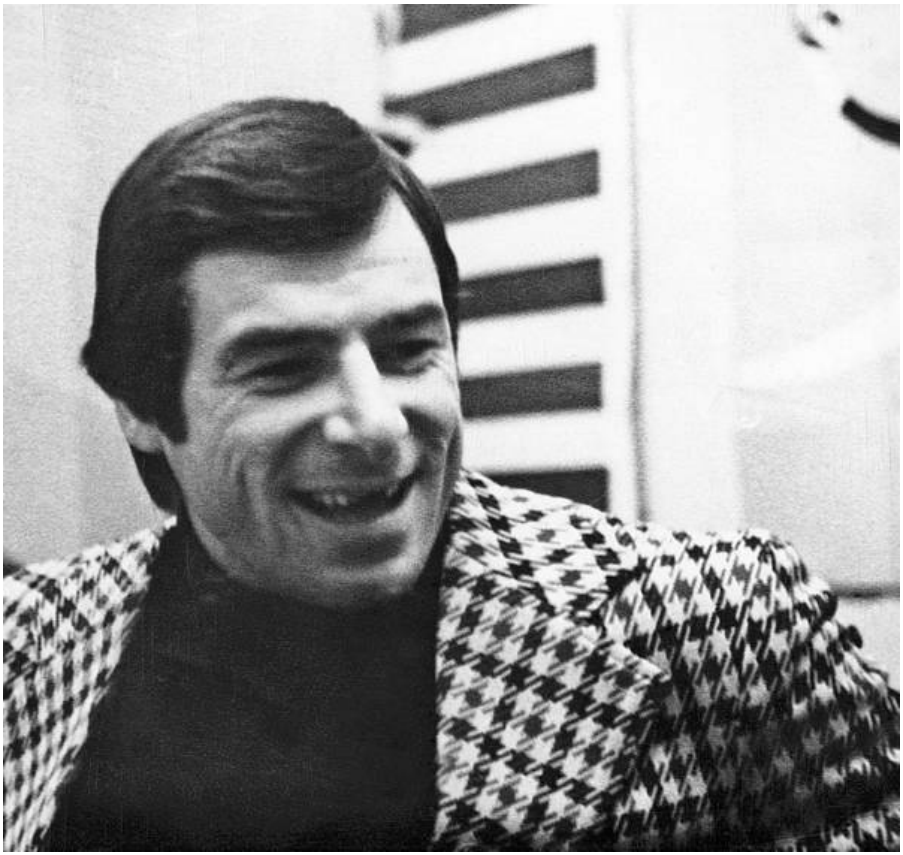
Сестра. Где-то в своей книге Тарасов так отозвался о брате: «Харламов – человек, который не знал своего величия». Тарасов есть Тарасов! Очень тонко подметил Анатолий Владимирович эту черту характера хоккейной звезды. Однажды вырвался Валера со сбора в Архангельском и заехал к нам на Угловой переулок, а в тот вечер у соседки, с которой мы дружили, день рождения был. Так он как узнал – рухнул перед женщиной на колени и поцеловал руку. Какая же это звезда – рыцарь настоящий!

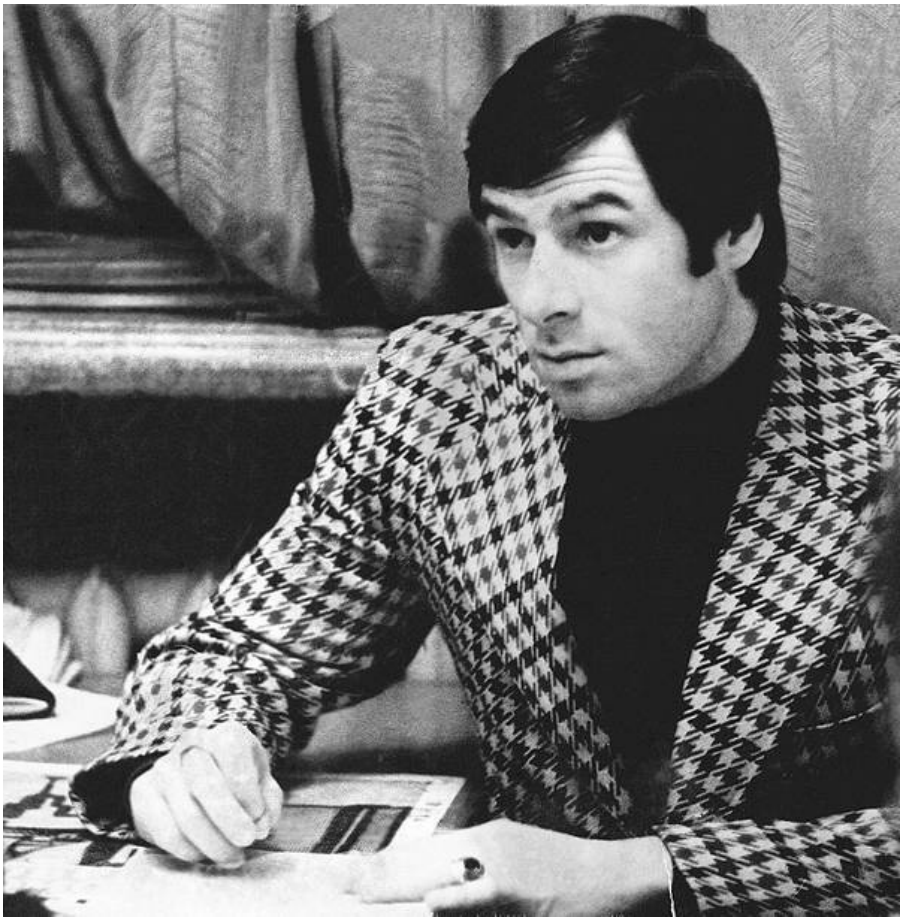
Валера был крещеный. Мы оба были крещеными. Крестили нас в церкви на Соколе. Всехсвятская церковь. Бабушка наша была глубоко верующая. Соблюдала все посты и все праздники, выстаивала, случалось, длиннющие очереди в церковь, только чтобы помолиться. В религиозном духе нас с Валерой не воспитывали, росли как все советские дети, свято верившие в светлое будущее родины.

А в Бильбао я, кстати, в отличие от брата, и молилась, и с бабушкой по воскресеньям на службу всегда ходила.

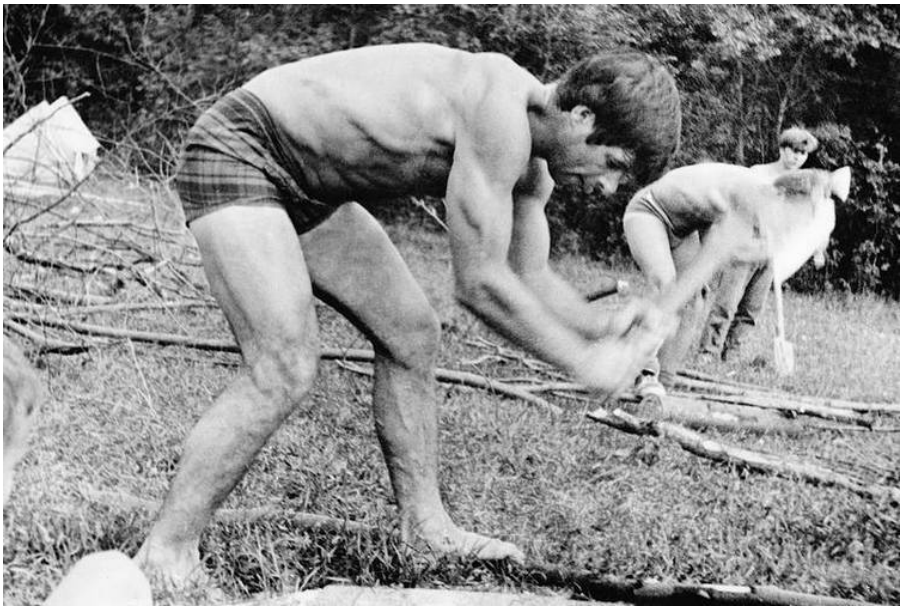
У Валеры был друг – армянский священник. Жили по соседству в доме на проспекте Мира. Тот имел высокий сан, архимандрит, кажется; представителем армянской церкви в Москве был. Дружбу с этой семьей сохранили и поныне.

Едва не упустила… Мама-то наша была верующая. Без фанатизма, но искренне верила. На свой испанский лад. На католический, значит. Ставила иконку на видное место во время хоккейных телетрансляций, сын вернется – и первым делом к ней: «Ну что, мать, помогло?» А наши же выигрывали чуть ли не всегда – помогло, стало быть.





Валерий Харламов – в редакции популярной газеты



Валерий шефствовал над городским пионерлагерем, когда там в летний период работал отец. Помогал в любом деле

Отец. Обычно сын в хорошем настроении был. А рядом с ним и у других все ладилось. Пошутить мог запросто и удачно, по любому поводу. Чтобы на ровном месте хандрил или ворчал, чтобы не в духе был, такого не случалось. Сам кого угодно растормошит.

Ну вот если в семье нелады какие-нибудь или проблемы у его близких – тогда и он терял покой, не до юмора ему было.

Сестра. Всю мою беременность ходил за мной по пятам. А что тебе доктора рекомендуют? А чем тебе помочь? Ты только, смотри мне, не перегружайся зря.

Отец. Бегоню встретить на вокзале – это было у него железное правило. Такси заказать? Друга попросить? Такое даже в голову не приходило.

Уже Тихонов рулил в ЦСКА. Команда сидела на сборе в Архангельском. Ну, сын подошел к главному: так, мол, и так – надо мать встретить, из Испании возвращается, довезу домой и вернусь на базу. А Тихонов ни в какую. Уперся: нельзя распорядок нарушать, правила для всех одни. Ну, сын плюнул на все это и рванул в самоволку.

Открытие сезона в городском пионерлагере. Борис Сергеевич Харламов (*крайний слева*) – инструктор физкультуры, Валерий Борисович Харламов – знаменитый хоккеист, взявший шефство над этим лагерем

Сестра. Он очень переживал, когда у Михайловых Андрюшка, их старшенький, захворал. А в другой раз звонил знакомому журналисту и просил достать дефицитное лекарство для папиного сослуживца.

Любые житейские невзгоды или просто проблемы, которые касались близких ему людей, выводили его из душевного равновесия. Пока лично не улаживал все вопросы, пока не убеждался в том, что гроза миновала, не находил себе места.

Сестра

Сестра. Я всю жизнь чувствовала, что брат в любой момент подставит мне плечо. С самого детства был у меня заступник, и потому я никого никогда не боялась.

Мама нас, маленьких еще, поучала: «Сами никого не обижайте, но за себя умейте постоять».

Валерка это накрепко усвоил, приняв на себя и мои печали. Первым не полезет никогда, задираться просто так не станет. Даже иногда казалось, что и не видит меня, не в курсе того, что стряслось с младшей сестрой.

Во дворе мальчишка толкнул меня раз, другой, ударил даже. Откуда ни возьмись, налетел брат и так с моим обидчиком разобрался, что руку ему сломал. Это было Валере всего-то шесть лет! Еще до нашей поездки в Испанию.

Поэтому я по жизни смело шагала, не оборачиваясь пугливо по сторонам. В молодости я не воспринимала его друзей как своих ухажеров, так же и он с моими подругами не связывал каких-либо романтических помыслов. Бывало, родители его товарищей спрашивали: «А Татьяна Харламова будет на вашей встрече?» И если узнавали, что буду, успокаивались: «Ну, значит, все будет в порядке». Однажды заехали с братом проведать мою подружку Ольгу Быковскую, сидевшую с маленьким ребенком. Разговорились меж собой, а Валера взял дитя на руки. И получил – обмочил его младенец по полной программе. Другой бы мужик разозлился, раздосадовался, а братец мой только захохотал от души. К детям его очень тянуло, млел, когда видел их.

Душевный контакт с ним сохранялся и после моего замужества, еще крепче он стал на фоне тех проблем, которые начали у меня постепенно возникать. Избранник мой, Григорий Грибов, работал на том же заводе «Коммунар», что и родители, и я. Удивительно – почти как две капли воды на Сашу Мальцева был похож. Поначалу все складывалось, все было у нас хорошо. Так получилось, что нам дали квартиру: Гриша был прописан в деревянном доме, а тот сгорел… В Бирюлеве самостоятельно зажили. До Каширки ехать надо было на метро, а потом на автобусе минут двадцать. Быт налаживался, мы не могли нарадоваться крыше над головой. Валерка очень помог обставить квартиру, которая была по тем временам как манна небесная.

Ребенок у нас появился. Валера назвали, само собой. Я все внимание уделяла ребенку.

А Гриша вроде как сам по себе. Может, и мой недогляд в том был, моя вина, может… Начались ссоры, скандалы. Пятое-

десятое. Выпивать стал муж. Все покатилось кувырком под гору.

Брат и сестра Харламовы. Они были неразлучны с самого детства

Тот день я запомнила. 19 декабря 1971-го. Явился – не

запылился. Пьяным пришел. Начал шуметь, скандалить. Вплоть до того, что заявил: «Иди отсюда! Катись на все четыре стороны!»

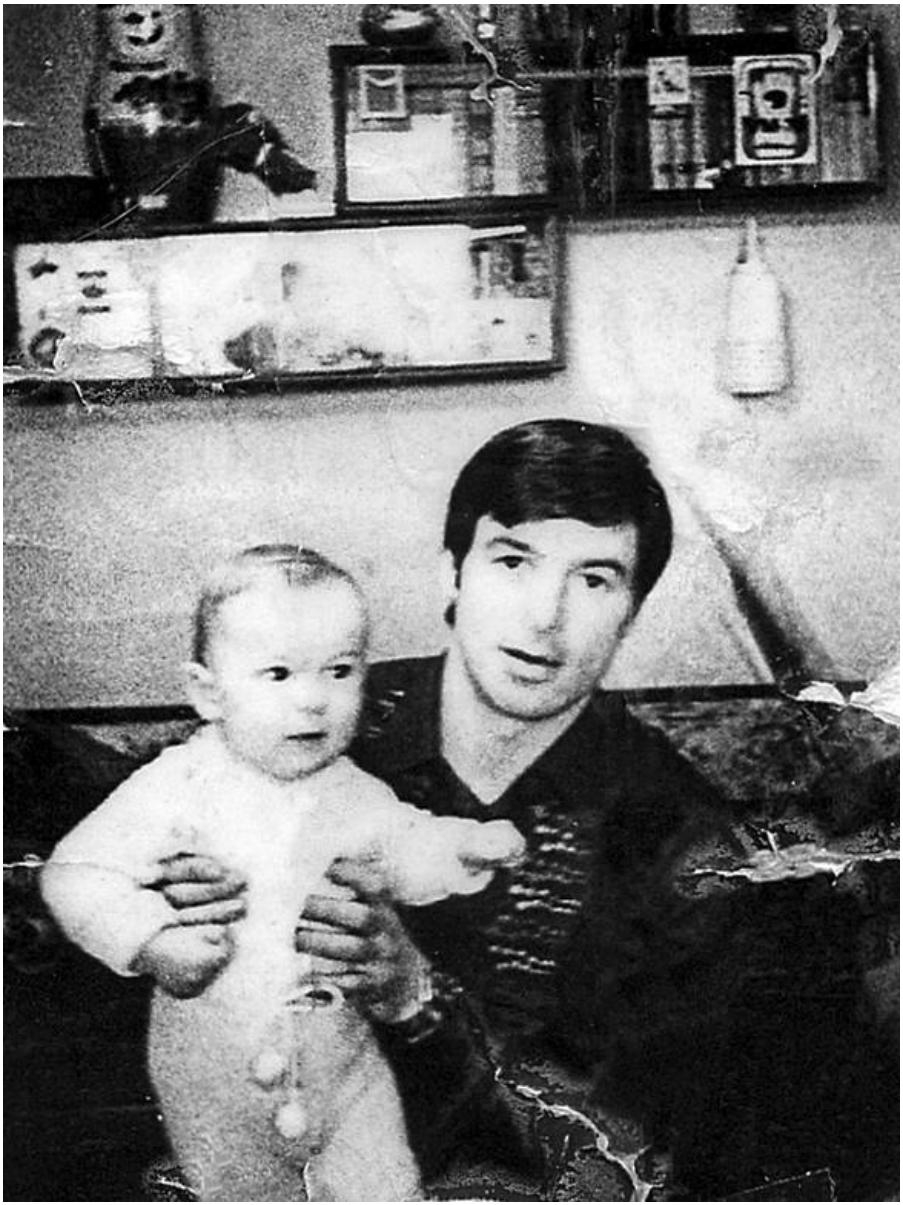
Потом как-то успокоилось. Показалось, что утрясется все. Нет, вскоре снова история повторилась.

Как-то Валера приехал в Бирюлево навестить меня да на ребеночка поглядеть. Ждал, ждал, ждал Гришу, когда он из магазина с хлебом явится. И не дождался.

И тут я услышала, что брат выругался матом. В первый раз за столько лет. Повернулся ко мне: «Ничего – вырастим твоего сына. Ни в чем нужды знать не будет! Давай, сестренка, собирай вещи». Валера погрузил в свою «Волгу» все пожитки, и больше я там не появлялась.

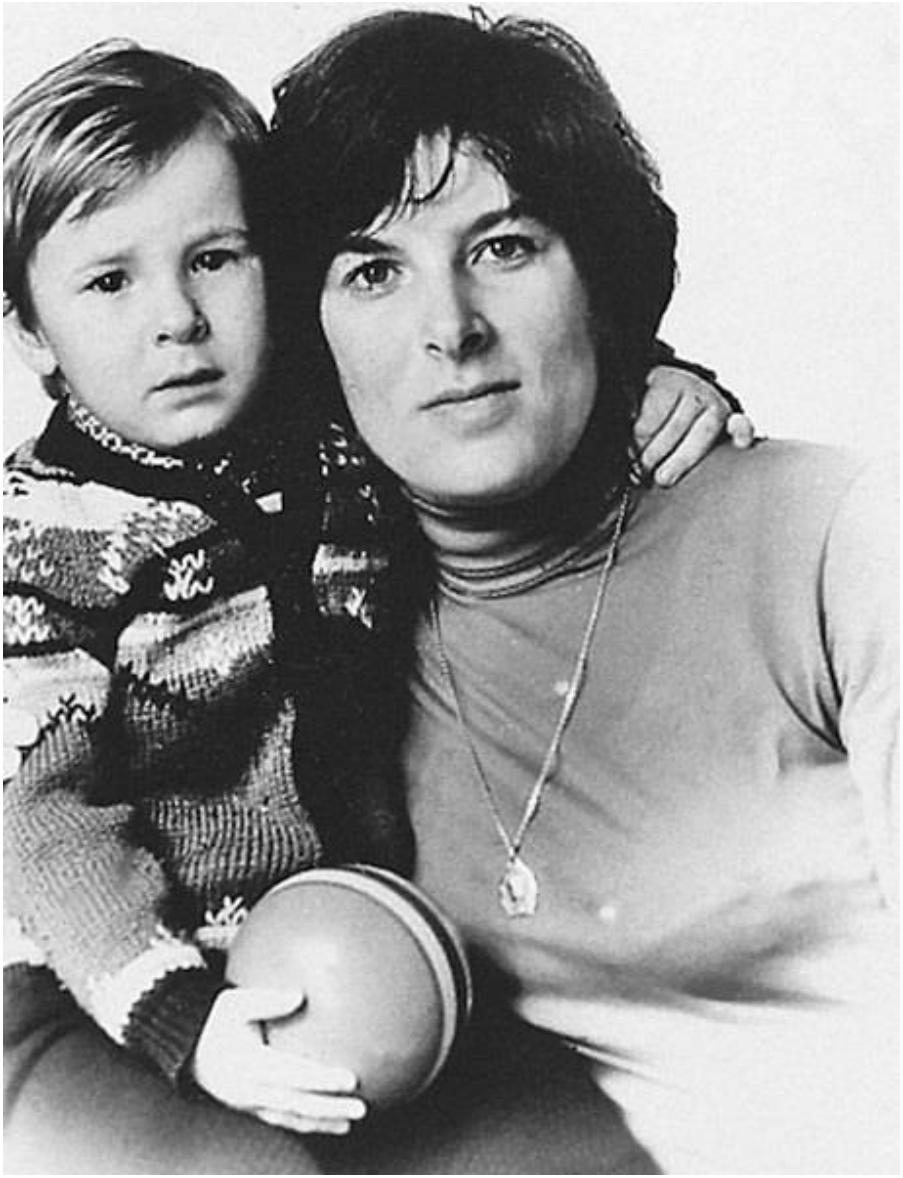
Сыну было тогда три месяца. Крошечка совсем.

Ну и брат взял на себя воспитание племянника-тезки. Очень много занимался ребенком. Полностью свободное время отдавал ему. Даже в разгар сезона хлопотал. И во дворе с коляской погуляет, и в детский сад отведет, и на футбол сходит с ним. Как отец ему был! Без преувеличения. Сын так его и воспринимал. Если шалить начинал, я только скажу: «Вот дядя твой приедет, узнает про все» – и ребенок мигом ручным становился. Валера одевал племянника с ног до головы. Из-за границы вернется, себе везет куртку – такую же и тезке своему, себе везет спортивный костюм – такой же и племяшу, себе покупает мокасины – похожую обувку и сыну моему. Тот любил повторять: «Мы с дядей Валерой – хипаки». Брат собирается его в школу отвести: «Ну что, хипачок, пошли учиться». А потом еще, если вырвется домой или выходной день в команде объявят, заберет из школы и уроки станет вместе с ним делать.



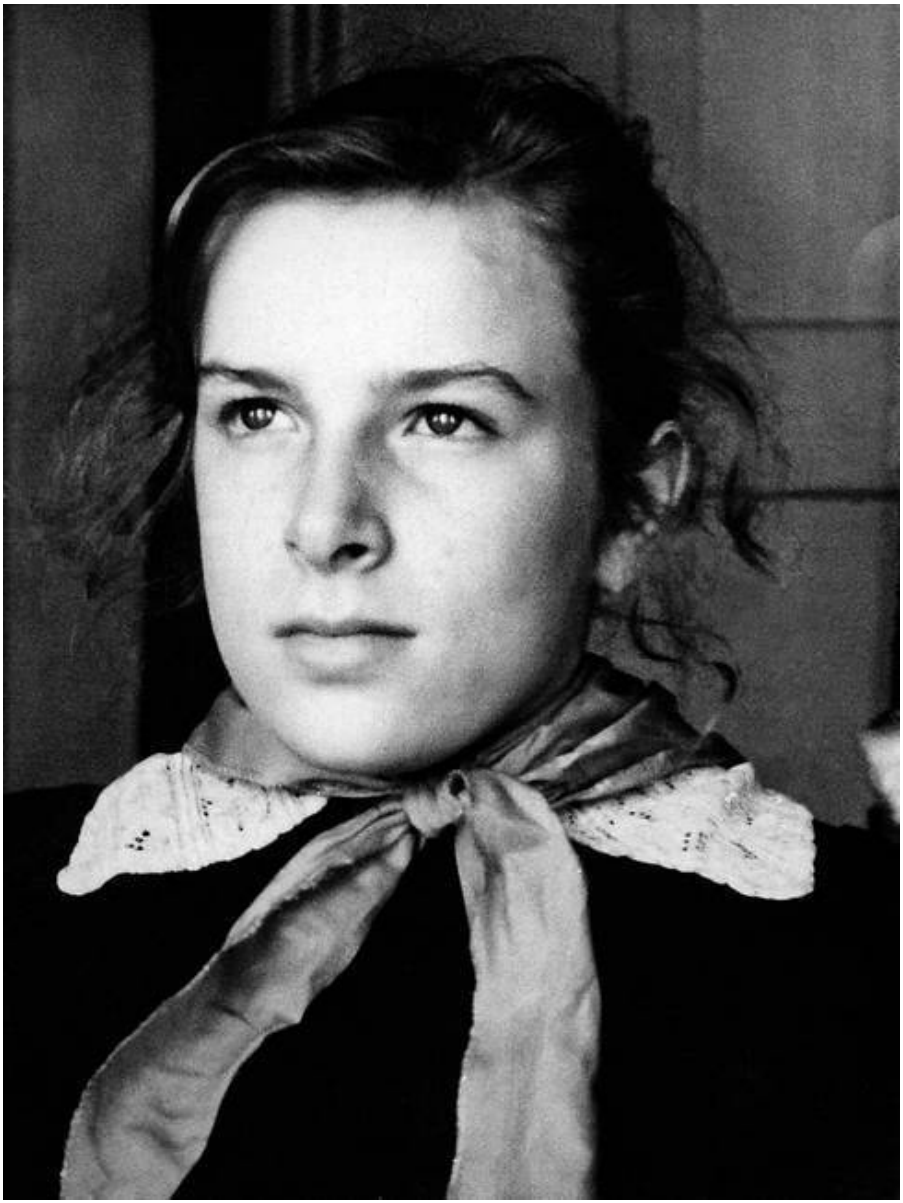
Валерий Харламов с Валерием Харламовым

Сестра народного любимца

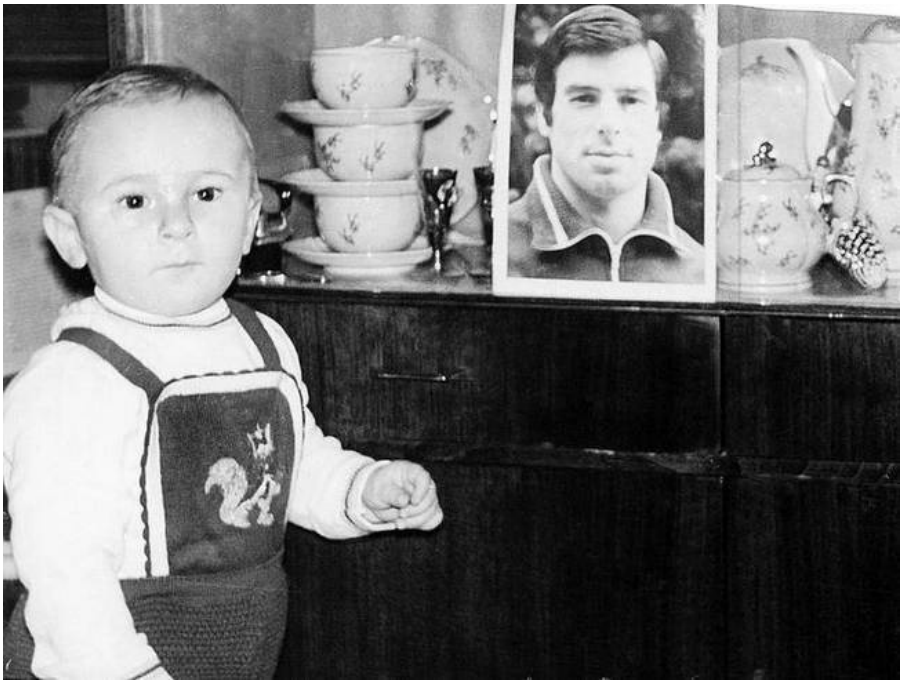


Молодая мать

Красивая женщина



Сознательная пионерка



Как дядя Валера скажет, так и будет

А наши пути с Гришей после того, как брат забрал меня из Бирюлева, не пересекались. Только в суде – на разводе.

Еще, когда сыну год исполнился, он явился к нам:

– Дай мне ребенка – хочу отвезти к своим, показать родителям. Завтра верну в целости и сохранности.

– Нет уж. Мой сын не переходящее знамя, чтобы его таскать туда-сюда. Не хватило нам с мужем терпения, чтобы притереться друг к дружке. В новеньких автомобилях ведь тоже детали и узлы должны обкатку пройти, притереться.

Но брат поддерживал нас с сыном как самый близкий человек. В общем, сдержал свое обещание, которое дал тогда, 19 декабря 1971-го, в Бирюлеве.

Сына своего я назвала Валерой. Ну а как иначе могло быть? Когда была беременной, так и порешила: если мальчик – Валера, если девочка – Лера.

Брат души в племяннике не чаял. Заботился как о сыне. Тогда он еще не обзавелся семьей. Слово, которое дал мне, когда я рассталась с мужем, сдержал на триста процентов. Обещал в трудную минуту жизни:

«Ничего, Танюх, не переживай. Воспитаем. Поднимем. Ни в чем нуждаться не будет».

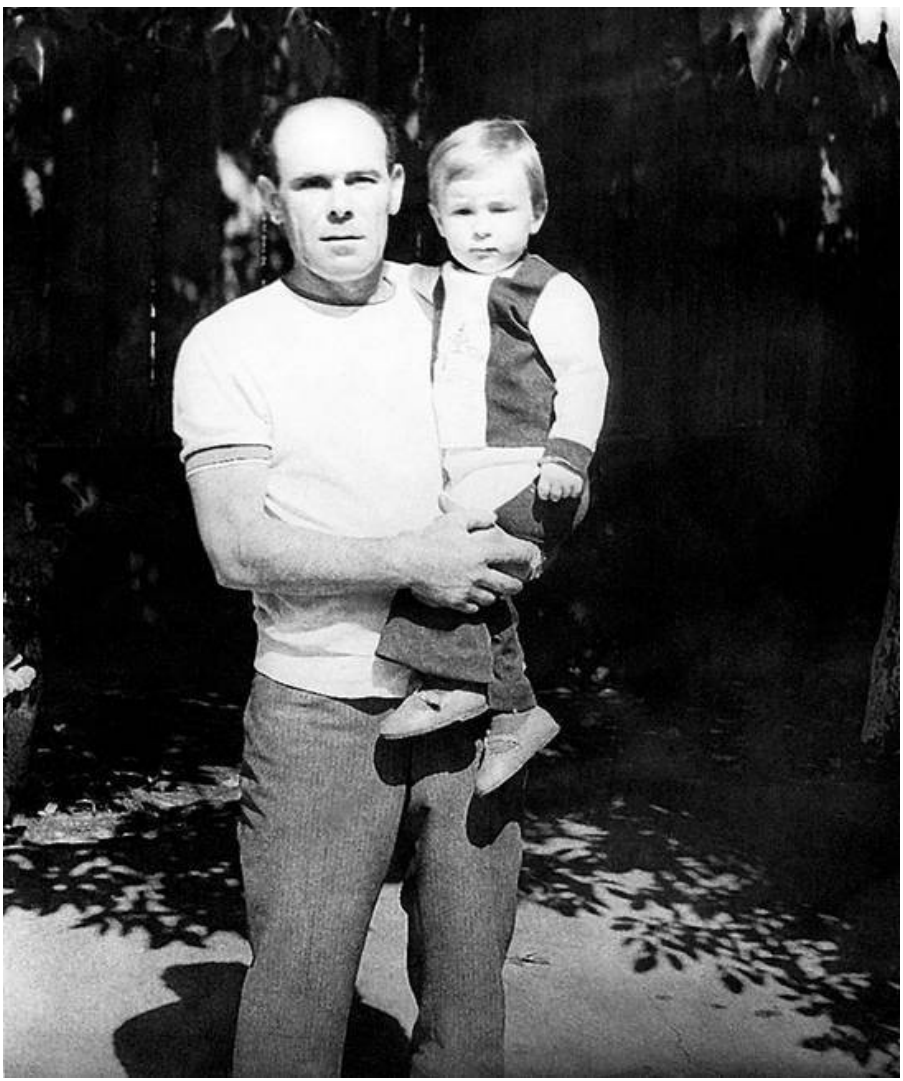
В ясли мы не ходили, дома сидели, потом мне уже надо было на работу выходить, и пристроили Валерку-младшего в детский

сад. Так Валерка-старший водил его туда и обратно, как только возможность была. Сынок в школу пошел. Так дядя и в школу его проводит, и уроки с ним сделает, и спортом позанимается.

Сначала племянника на коньки поставил. В три года. И сам же сказал нашей маме: «В хоккей пускай для удовольствия играет. Хватит с вас моих травм. Лучше футболом пусть займется, все меньше боли». Отвел в ЦСКА. Он же с Аликом Шестерневым приятельствовал, а тот директором футбольной школы был. Попросил за Валерку:

– Можно я племянника приведу? Шустрый вроде мальчишка.

– Валер, ну о чем разговор! Веди своего тезку. Глядишь, и в футболе фамилия Харламов засверкает…



Борис Сергеевич Харламов с внуком Валерой

Новое поколение Харламовых – Валера и Саша

Последние дни

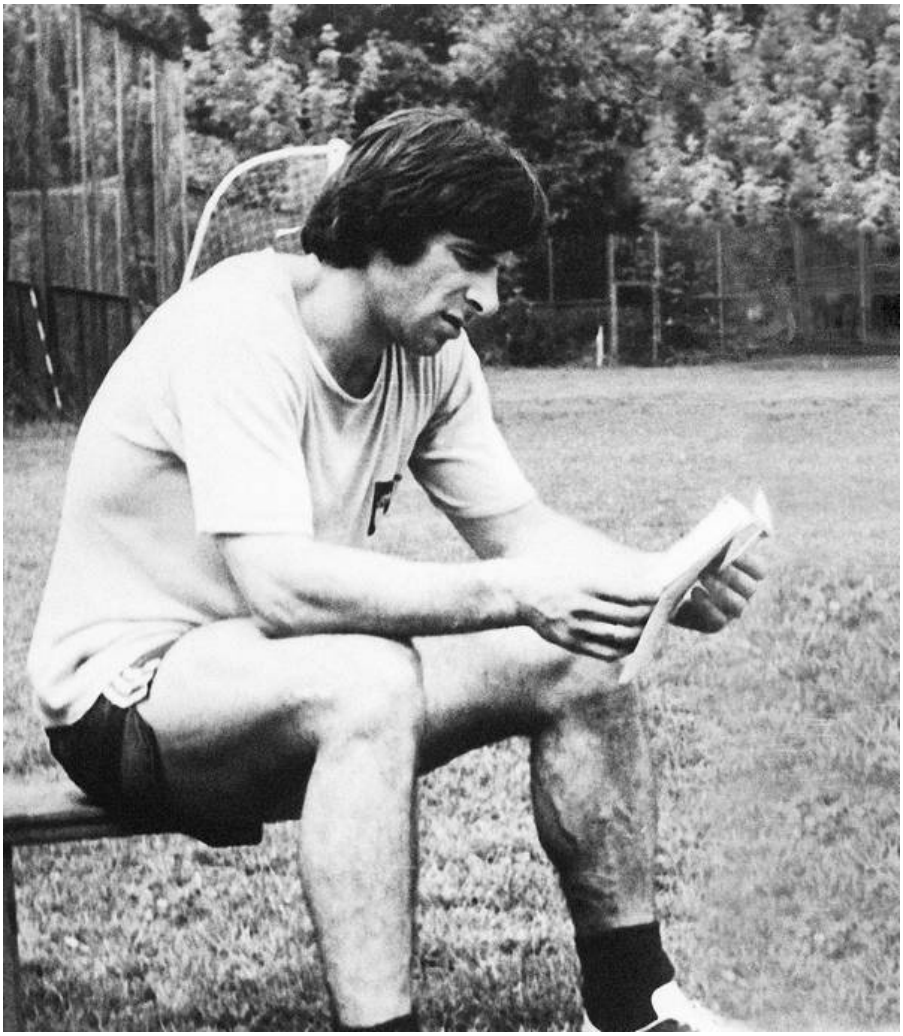
Отец. О том, что собирается заканчивать с большим спортом, сын вслух даже дома не заговаривал. До поры. Но по его настроению, по всяким мелочам стал я подмечать, что, похоже, задумывается об этом шаге. Ни по игре, ни по здоровью спада я не видел, а по эмоциям ощущал какое-то расстройство.

Конечно, влияло то, как Тихонов обходился с его партнерами. Михайлова с Петровым тренер потихоньку-потихоньку отцеплял и делал ставку на новую волну – Фетисова, Крутова, Макарова. Напрямую Харламова не трогал, не убирал грубо с дороги, но и доверия полного не проявлял. Хоккей уже другой становился, тройка их знаменитая распалась, человеческие отношения в команде менялись не в лучшую сторону.

Сестра. Весной и летом восемьдесят первого Валера говорил нам: «Вот Кубок Канады отыграю, институт закончу, диплом получу – и вешаю коньки на гвоздь».

Каких-то месяцев не хватило брату.

Вячеслав Фетисов и Валерий Харламов



На базе в Архангельском

Валера готов был уйти. Достаточно серьезно к этому относился. Собирался как поступить – предстоящий сезон откатать и заканчивать с хоккеем. А насчет будущего наполеоновских планов не строил.

24 августа разговаривал с матерью по межгороду, она в Испании гостила у родни:

– Ты уж извини, мамуль, но не смогу в этот раз тебя встретить. Я улетаю на Кубок Канады.

– Ну ничего, сынок. Я тебя снова встречать буду в Шереметьеве.

25 августа вечером приехал к нам на Угловой. Как раз с отцом собирались чайку попить со сладеньким. Тут он и огорошил: «Не еду я в Канаду. Отцепили меня».

Мы сразу: что да как, как такое возможно, а он сам в недоумении был: «Не в форме. Так сказали». Главное: из Швеции вернулся – лучшим признали, до того из Италии вернулся – приз лучшему игроку турнира привез.

Но Валера держал себя в руках. Он сильный был в этом плане. Виду не подавал.

Все в себе. Только чтобы близких не расстраивать.

26 августа утром заскочил ко мне на работу на городской аэровокзал, это прямо по соседству с ЦСКА. Там внизу в «Кожгалантерее» я приглядела сумочку – глаз не могла оторвать. Ну и сказала брату:

– Валер, мне так эта сумка нравится…

– А какие проблемы – берем! До сих пор эту сумку храню.

Днем поехал встречать Иру. С Сашей они приезжали с юга, на Черном море отдыхали. Встретил. Привез домой.

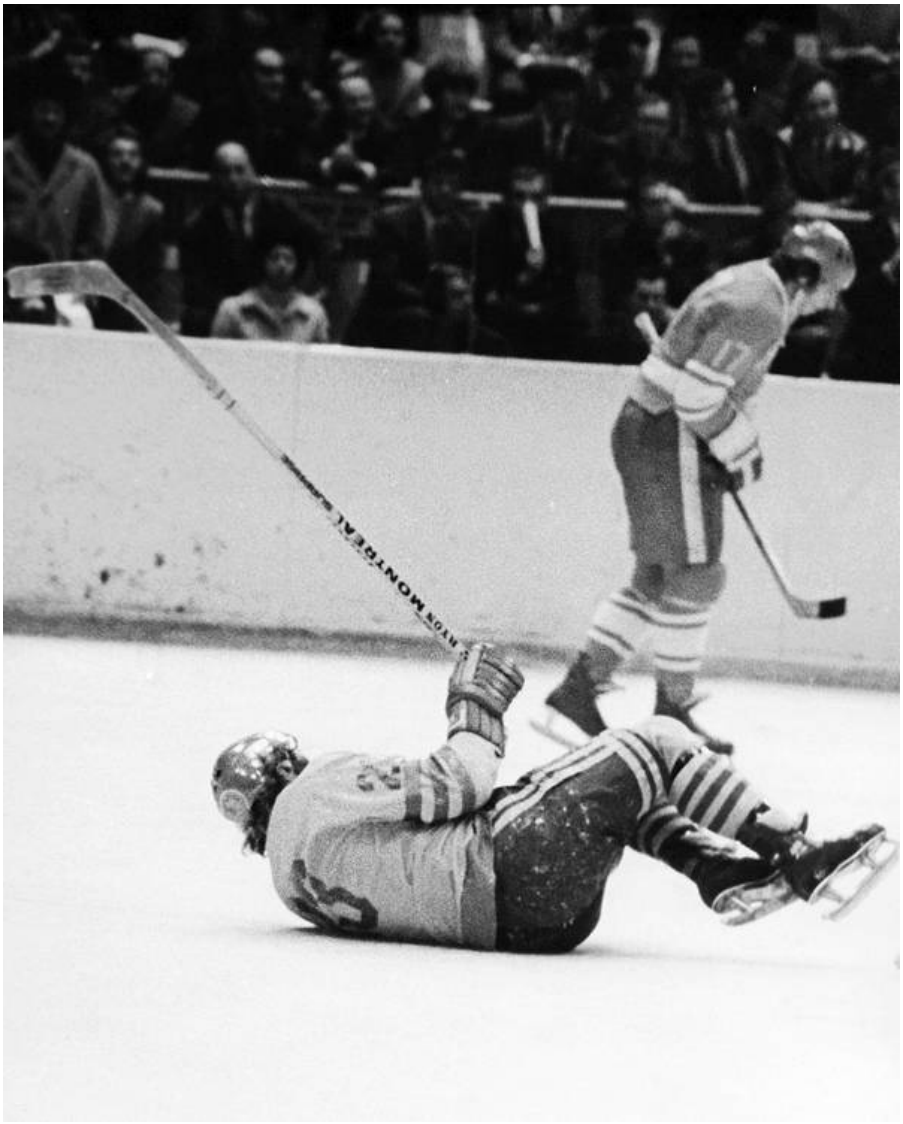
Вечером он посидел с друзьями в ресторане «Советский». Они же видели, что переживает. Хоть и держит удар. Предлагали ему: «Да ладно, Валера, давай посидим без спешки, выпьем, отдохнем. Ну что ты сейчас поедешь на дачу – на ночь глядя?»

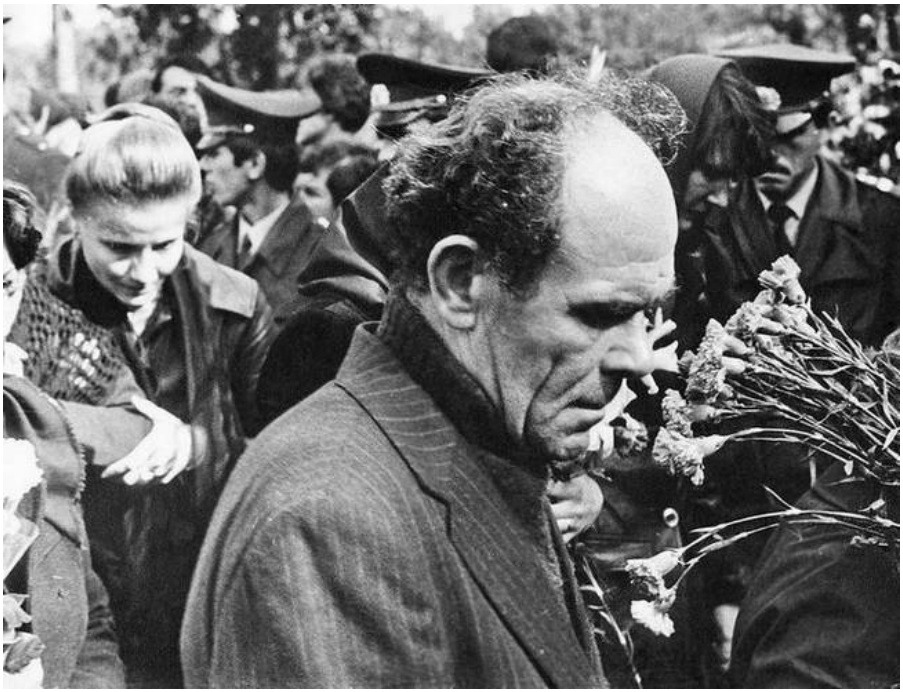
А он уперся и ни в какую. Мол, надо жену с сыном на дачу отвезти, утром – тренировка в ЦСКА, а потом обещал съездить в Кубинку, забрать племянника со сборов.

27 августа. Ранним утром он с Ирой выехал с дачи, чтобы вовремя поспеть на тренировку в ЦСКА. Жена была за рулем. Водила плохо. А там ремонт дороги. После дождя. Она, видно, пыталась объехать, а им навстречу грузовик.

Она втихаря, когда его не было в Москве, садилась за руль. Училась. Но какое там вождение – зрение-то было никудышное… и способностей к этому никаких… Да и практики элементарной не было.

Я так полагаю, что у брата какая-то апатия наступила. Раннее утро, пустынное шоссе. Потому и позволил ей сесть за руль. Обычно этого не делал. Ни в каком случае. Ребята, те, что вечеряли накануне с Валерой, по сей день мучаются: «Зря мы его отпустили на дачу эту. Уговорили бы его остаться в Москве – и ничего бы не произошло»… Крутов, так тот вообще до сих пор не может себе простить, что поправился после болезни к моменту вылета в Канаду и невольно занял место Харламова. Володя искренне считает себя виноватым.


MONTREAL



Последний путь Валерия Харламова

Жизнь… после жизни

Отец. После восемьдесят первого, когда с Валеркой это произошло, Тарасов поддерживал нас. Однажды совсем удивил. Приехал, поднялся на пятый этаж (а лифта в доме на Угловом не было) и навестил нас. Уже грузный очень был, на палочку опирался, с тазобедренным суставом мучился. Анатолий Владимирович человечище был! Кулагин, само собой, не пропадал. Борис Павлович всегда верил в Валеру.

И мы ему благодарны были, и он это помнил, хотя и не выпячивал ту роль, которую сыграл в спортивной судьбе Харламова.

1 сентября. Слава Фетисов и Леша Касатонов сопровождают Сашу Харламова в школу. Где-то рядом Крутов Володя, в кадр не попал. Они сами вызвались в тот день такое вот внимание нам оказать. Валера же к ним тепло очень относился, наставлял, учил уму-разуму и, как бы это выразиться, опекал их, только закрепившихся в основе ЦСКА. И Сережу Макарова, и Игоря Ларионова всячески поддерживал.

Сестра. Все эти годы нелегкими были для нас с отцом. Мама наша ушла в восемьдесят седьмом. Остались вдвоем. Папа – пенсионер, я – тоже; сами понимаете, каково нам приходилось. А на отца недуги стали наваливаться чередой. То инсульт (еле-еле выходила его, если бы не моя близкая подруга Артемова Вера Васильевна, врач из института Склифосовского, не прожил бы столько), то другая напасть серьезная (лечили его еще в 50-й больнице, дай бог тем врачам здоровья).

1 сентября. Сашу Харламова провожают в школу Вячеслав Фетисов и Алексей Касатонов, дедушка и бабушка

«Опустела без тебя земля»

Отец. Помогали, ничего не скажу, помогали. Сами-то мы ни к кому не обращались по материальному вопросу. Только если люди сами выражали готовность принять участие в нашей судьбе…

Как Валеры не стало, ух, и тяжко нам пришлось. Жизнь как будто смысл потеряла. Но нас не бросили. Помогли.

Сестра. Тарасов где-то написал после трагедии, что надеется на то, что детей Валерия Харламова советское общество не бросит на произвол судьбы. Ну, насчет общества двояко рассудить можно. Сашка с Бегонькой действительно росли нормально, ни в чем особой нужды не испытывая. Ну а мы с отцом жили на наши пенсии. Добавлять что-нибудь излишне. Зато людей хороших и отзывчивых, у которых Харламов и по сей день в душе, нашлось немало. Понимали наши с отцом трудности… Друзья юности приходили на выручку, просто знакомые – кто чем мог помогали, Борис Михайлов – тот вообще шефство, считайте, над нами взял. Мир не без добрых и памятливых людей.

Отец. Борис на все лето зазывал меня к себе на дачу в Поварово. Жил я там как царь! В теремке-бане. Еще, помню, я этот домик покрасил – вообще глаз было не оторвать. Кормили и поили меня Татьяна с Борисом. Согревали душу израненную.

Иногда стараюсь представить себе: а кем бы сегодня был Валерий Харламов? Ответа не знаю. Знаю, что хотел он тренером быть. Только детским. Бывало, выдастся минутка свободная –

рванет во двор, а там уже ватага с клюшками наперевес на него накидывается. В федерации навряд ли стал бы работать. Нет, в писанину не пошел бы.

Сестра. Знаю, знаю, что редко из больших мастеров выходят большие тренеры: мол, такому трудно спуститься на землю. Но Валера обожал возиться с малышней.

И совсем не раздражался, не злился, если быстро кто-нибудь не усваивал его советы. С Валеркой моим, своим племянником, готов был часами заниматься: «Ты клюшку-то пониже возьми, вот видишь, где у меня левая рука… Голову, ты голову-то не опускай, а то кроме шнуровки на своих коньках ничегошеньки не увидишь в игре».

А стал бы потом в команде мастеров работать? Почему-то кажется, что не его это было призвание, с его природной интеллигентностью и аристократизмом.

Отец. Кого он видел своим преемником? Кому передал бы свой хоккейный свитер – на публике, во время прощального матча? Была в прежние годы такая традиция…

Родители Валерия Харламова снова на дворовой «коробке»

Мы с сыном не обсуждали это конкретно. Понимали, что финиш не за горами, однако никаких дат и сроков не намечали. А вон, значит, как судьба распорядилась.

Но будь такие проводы на льду, Крутову отдал бы сын свитер. Он же в буквальном смысле этого слова опекал Володю. Характер,

обводка, нацеленность на ворота, чувство локтя, скромность – все это привлекало Валерия. Ну и оба они – левые крайние нападающие.

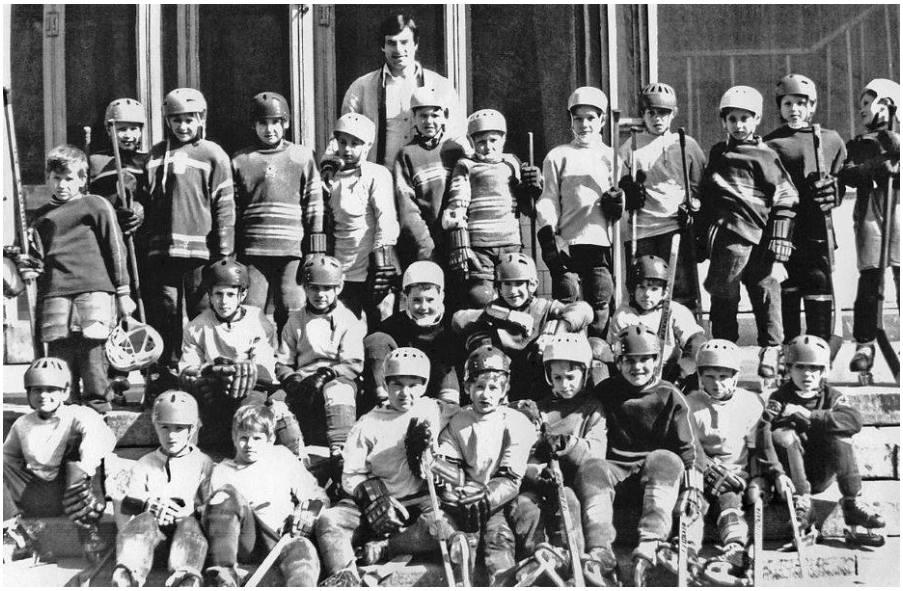
Слава Анисин хорош был. Но у них с сыном и разница в возрасте не такая уж большая была. Боря Александров талантлив был очень. Но – бандит. Как он Валентина Гуреева из «Спартака» сломал… И бедокурил напропалую, меры не зная. Валера несколько раз заступался за него перед Тарасовым, просил не выгонять, наказать, но не отчислять из команды ЦСКА. По нраву своему Александров, сами понимаете, был чужим для моего сына.

Валерик пару раз обронил при мне: мол, как завяжу с хоккеем – хочу детишек тренировать.

Ну, ясное дело, в школе ЦСКА.

Сестра. Про планы уехать в Испанию и поднимать там хоккейную целину его друзья больше шутки ради подкалывали, Валера Васильев и Шура Мальцев. Правда, на одном чемпионате мира к брату подходил представитель Испанского олимпийского комитета с вопросом: «Не хотели бы вы, господин Харламов, приехать в Испанию с тем, чтобы поднимать этот замечательный вид спорта?» Валера, конечно, не ожидал подобного, где-то в глубине души идея заинтересовала его, но ответил прямо: «Вот закончу играть, тогда и подумаю над вашим предложением».

Борис Сергеевич Харламов с Бобби Халлом

Именитая пятерка: Владимир Петров, Александр Харламов, Егор Михайлов, Максим Петров, Борис Михайлов

Канадские ветераны и сын Харламова